

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

А. М. НЕКРИЧ

1941
22 ИЮНЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Научно-популярная серия

А. М. НЕКРИЧ

1 9 4 1
22 И Ю Н Я

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»
Москва 1965

1-6-4
965-65

ОТ АВТОРА

Мы по праву гордимся великой победой, одержанной советским народом в Великой Отечественной войне над гитлеровской Германией. Победа эта была завоевана в жестоких кровопролитных сражениях. Враг был силен, опытен и коварен. Для его разгрома нашему государству пришлось напрячь все свои силы, мобилизовать все ресурсы, выдержать четыре года тяжелых испытаний. Советский народ вынес на своих плечах главное бремя борьбы с немецко-фашистским агрессором. Самая жестокая из войн, которую когда-либо пришлось вести людям на земле, была нами выиграна.

Легче и проще говорить о победах. Описывать блеск торжественного салюта в честь выигранных сражений, разумеется, приятнее, чем горькую скорбь поражений. Рассказать о последнем дне войны — задача более благодарная, чем о ее первом дне. Война, эта величайшая трагедия, имела не только блистательный конец, но и тяжелое начало. Историк, взявшийся за исследование войны, обязан помнить не только о том, чем она окончилась, но и о том, как она началась. Эти события неразрывно связаны между собой, они не могут быть разделе-

ны. О причинах, приведших к поражениям начального периода войны, нельзя говорить скороговоркой, ибо такой подход не только наносит ущерб исторической правде, не только принижает героизм советских воинов, проявленный ими в начальный период войны, и величие нашей победы в войне, начатой в исключительно неблагоприятных условиях, но и объективно наносит ущерб интересам нашего государства, наталкивая на неверные выводы из тех уроков, которые были преподаны нам историей.

Есть только одна правда. И об этом с суровой прямоотой сказала советскому народу Коммунистическая партия Советского Союза, осудившая на XX и XXII съездах партии серьезные ошибки, порожденные культом личности Сталина ¹.

* * *

Эта книга посвящена событиям кануна Великой Отечественной войны. При подготовке рукописи автор пользовался не только опубликованными в нашей стране и за рубежом материалами, но и ценными сведениями, подчерпнутыми им из бесед с непосредственными участниками событий.

Автор выражает глубокую благодарность маршалу Советского Союза Ф. И. Голикову, доценту Н. Н. Иванову, генерал-майору И. А. Суслопарову, полковнику Г. П. Сечкину, которые поделились с автором своими воспоминаниями.

22 июня 1941 года

ВОСКРЕСЕНЬЕ

ПОЛДЕНЬ

И в д р у г:

**«ГОВОРЯТ ВСЕ РАДИОСТАНЦИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА...»**

Привычный мир с его обычными радостями и печалью неожиданно распался. Война ворвалась и закружила в своем водовороте миллионы человеческих жизней. Гитлеровская Германия вероломно напала на Советский Союз.

ПОДГОТОВКА К НАПАДЕНИЮ

«Мы начинаем там, где остановились шесть столетий тому назад»

Шум моторов наполнил улицы маленького города Бастонь в Арденнах. Вздымая клубы пыли, промчалась колонна автомобилей, выкрашенных в грязно-коричневато-зеленоватый маскировочный цвет. На площади, полной солдат, колонна остановилась. В мертвом молчании застыли автоматчики. Из дверей домов выбегали, оправляя на ходу мундиры, офицеры и генералы и замирали в почтительном приветствии. В штаб командующего немецкой группой армий «А» генерал-полковника фон Рундштедта прибыл сам фюрер, Адольф Гитлер. Шел седьмой день германского наступления на Западном фронте.

10 мая 1940 г. немецко-фашистские войска начали тщательно подготовленное наступление на западе. В течение первой недели боев им удалось разрезать фронт союзных армий, форсировать Маас и широким фронтом выйти на французскую территорию. Лишенные стратегического руководства, теряя связь и управление, французские, бельгийские и английские войска отступали. Дороги были забиты беженцами. Немецкие пикирующие бомбардировщики с включенными воющими сиренами устремлялись к земле, сея ужас и смерть.

В те дни фашистский главарь, опьяненный успехом немецких армий во Фландрии и во Франции, вновь возвращается к мысли о нападении на Советский Союз. Мир с Англией должен был дать возможность вести войну только на одном, Восточном фронте. Об этом-то и сказал Гитлер 17 мая 1940 г. в ставке Рундштедта. Спустя почти пять лет, в феврале 1945 г., Гитлер признается одному из своих ближайших подручных Мартину Борману: «Моей целью было попытаться прийти к соглашению с Англией для того, чтобы избежать создания непоправимой ситуации на западе. Я всегда утверждал, что мы должны любой ценой избежать войны на два фронта»¹. Но летом 1940 г. военные успехи гитлеровской Германии казались прямо-таки фантастическими. Ведь никто не предвидел столь быстрого и полного разгрома Франции и других стран Западной Европы. Неожиданным оказалось такое развитие событий и для высших политических руководителей: для Черчилля — в Англии, для Рузвельта — в Соединенных Штатах. Не предвидел его и И. В. Сталин. Опшеломляющие успехи фашистского вермахта и были той базой, — правда, как показали последующие события, непрочной, — на которой стали строить новые завоевательные планы и расчеты фашистские главари и их генералы. Отнюдь не случайно, что план нападения на Советский Союз вновь возник именно в 20-х числах мая, в момент, когда разгром французских армий и британских экспедиционных сил казался предрепшенным. Судьба, в которую так верили нацистские лидеры, казалось благоприятствовала их планам. Фашистские главари меньше всего подозревали тогда, что судьба сыграет с ними такую же зловещую шутку, какую сыграла в свое время с Макбетом. И здесь «Бирнамский лес двинулся к Донсинану!»

Гитлер и его ближайшие сотрудники, замышляя войну против Советского Союза, начали подыскивать аргументы, которые оправдали бы в глазах немецкого народа и мирового общественного мнения новую неспровоцированную немецкую агрессию. Ведь Германия подписала в августе 1939 г. с СССР договор о ненападении, а в сентябре того же года — договор о дружбе. Необходимо было сочинить легенду о «превентивной войне», о том, будто бы Германия вынуждена напасть на Советский Союз, чтобы предотвратить нападение Советского Союза на Германию. Такая легенда нужна была хотя бы на первое время, а по-

том... Победителей не судят. Превентивная война — обычный аргумент, к которому прусские милитаристы охотно прибегали и во время силезских войн, и во время франко-прусской войны, и в первой мировой войне, и при нападении на Польшу в 1939 г. Почему бы не использовать это испытанное средство еще раз? Ведь человеческая память так несовершенна. Поразительно, что миф о превентивной войне, созданный Гитлером и возрожденный немецкими военными преступниками и их защитниками на Нюрнбергском процессе и на последующих процессах германского генералитета, жив и в наше время. Вернее, эту легенду искусственно поддерживают западногерманские неонацисты и некоторые реакционные западногерманские публицисты и историки. Не так давно, в 1961 г., вышла книга Фабри о германо-советских отношениях в 1939—1941 гг., в которой он пытается придать этой лжи правдоподобный характер. Политическая цель таких спекуляций в наше время ясна: она заключается в том, чтобы оправдать вооружение Западной Германии современным оружием, прежде всего ядерным, якобы для предотвращения «угрозы с востока».

Еще в 20-е годы немецкие фашисты взяли на вооружение «теории» пангерманистов, их планы «Срединной Европы», т. е. безраздельного господства Германии, окруженной странами-сателлитами. Фашисты вспомнили и о стародавней мечте немецких милитаристов о походе на восток, «Дранг нах остен», который доставит немецкому народу «жизненное пространство» и установит на века господство немецкой расы в Европе.

В 20-е годы Адольф Гитлер, сидя в ландсбергской тюрьме за неудачную попытку захватить власть в Баварии, изложил свои политические планы в рукописи, опубликованной в 1926 г. под названием «Майн кампф» («Моя борьба»). Внешняя политика кайзеровской Германии и политика Веймарской республики, писал Гитлер, должны быть отвергнуты. Германию не могут более удовлетворить границы 1914 г. Только завоевание «жизненного пространства» обеспечит процветание Германии. Только немцы — «высшая раса», сверхчеловеки — могут быть «нацией господ». Только война может принести благоденствие немецкому народу.

«Мы, национал-социалисты, — писал Гитлер, — сознательно отворачиваемся от направления внешней политики

довоенного периода. Мы начинаем там, где мы остановились шесть столетий тому назад. Мы покончили с вечным германским устремлением на юг и запад Европы и устремляем свой взор в сторону земель на востоке... Но когда мы говорим сегодня о новых землях в Европе, мы можем иметь в виду прежде всего Россию и подчиненные ей пограничные государства».

Снова и снова подчеркивает Гитлер в этой книге, ставшей спустя несколько лет библией немецкого империализма, что будущее Германии может быть обеспечено «целиком и полностью только за счет России». Обосновывая претензии немецких империалистов, Гитлер нагло утверждал, будто единственным созидательным элементом в русской истории были... немцы! «В течение столетий Россия жила за счет именно германского ядра в ее высших слоях населения», — поучал оголтелый расист.

В первые годы после опубликования «Майн кампф» мало кто за пределами Германии был знаком с этой чело-веконенавистнической книгой. Да и в самой Германии лишь небольшой круг людей, приверженцев Гитлера, читал ее. Но даже те, кто уже в то время ознакомился с содержанием гитлеровской книги, не принимали ее всерьез, считали планы завоевания мирового господства, изложенные на 750 страницах, всего лишь демагогией.

Несколько лет назад американские историки обнаружили среди трофейных немецких материалов рукопись, посвященную внешней политике Германии. После тщательной экспертизы было установлено, что рукопись принадлежит Гитлеру и написана им, очевидно, не без содействия его тогдашнего секретаря Рудольфа Гесса в 1928 г. Изданная в 1961 г. под названием «Вторая книга Гитлера», рукопись содержит немало «откровений», подтверждающих, что главную задачу немецкой внешней политики Гитлер видел в уничтожении СССР и захвате его территории. «Следует искать цель немецкой внешней политики там, — писал он, — где она только и может находиться: [завоевание] территорий на востоке». И в этой книге Гитлер беззастенчиво повторяет ложь, будто все положительное, что есть в России, было создано чужеземцами, и в первую очередь немцами. Этими утверждениями Гитлер рассчитывал идеологически подкрепить немецко-фашистскую политику агрессии и создать у немецкого

народа представление о законности немецких притязаний на советские территории. Эти, казалось бы, бессмысленные утверждения вовсе не были лишь бредом маньяка. В них таился яд, которым гитлеровцам в последующие годы удалось постепенно отравить сознание сотен тысяч, миллионов немцев и затем повести их за собой по пути кровавых преступлений.

«Вторая книга» была прочитана недавно, но «идеи», содержащиеся в ней, повторялись тысячи раз фашистскими пропагандистами.

Вскоре после захвата власти Гитлером некоторые его ближайшие соратники, как, например, председатель данцигского сената Герман Раушнинг и соперник Гитлера, претендовавший на роль лидера фашистов, Отто Штрассер, по разным причинам и в разное время покинувшие своего фюрера и бежавшие за границу, выступили с разоблачениями. Раушнинг и Штрассер опубликовали статьи и книги, которые стали широко известны мировой общественности и, казалось, не оставляли сомнения в том, что планы Гитлера заключаются в установлении мирового господства немецкой расы и беспощадном истреблении или порабощении остальных народов. Одна из его главных целей — война против СССР, уничтожение Советского государства. «Советская Россия,— говорил Гитлер Раушнингу,— как революционное социалистическое государство является врагом национал-социалистических сил порядка, но есть и кое-что большее. Как великое территориальное образование, Россия является постоянной угрозой Европе. Принцип самоопределения также относится к России. Русская проблема может быть разрешена только в согласии с европейскими, что означает с германскими, идеями... Не только русские пограничные территории, но и вся Россия должна быть расчленена на составные части. Эти компоненты являются естественной имперской территорией Германии»². Так говорил Гитлер незадолго до своего прихода к власти. В то время штаб главного фашистского «специалиста» по вопросам сельского хозяйства, будущего министра земледелия Дарре, подготовил доклад относительно немецкой политики на востоке, в котором со свойственной немцам фашистам наглостью производился подсчет благ, которые ожидают «третью империю» после присоединения к ней «восточных территорий». В состав Германии, по плану, представлен

ному Дарре, должны были войти прибалтийские государства, Украина, «кавказские государства». На этих землях устанавливалось господство «германской элиты». План Дарре был обсужден в узком кругу фашистских главарей. Одобрив план, Гитлер заметил: «Здесь, на востоке, находится наше великое поле для экспериментов». Об этих «экспериментах» в плане Дарре было написано: «Страна, населенная чуждой расой, должна стать страной рабов, сельскохозяйственных или промышленных рабочих»³.

Итак, гитлеровские планы порабощения народов СССР, расчленения территории Советского государства и беспощадной их эксплуатации были достаточно широко известны.

В последующие годы ненависть к Советскому Союзу и антикоммунизм стали отличительными особенностями немецкой политики и пропаганды. В августе 1939 г., стремясь избавиться от опасности войны на два фронта, Гитлер предложил Советскому Союзу подписать пакт о ненападении. Но Гитлер рассматривал пакт лишь как ловкий дипломатический маневр. Договоры в глазах фашистов всегда были лишь «клочком бумаги» и служили гитлеровской Германии для камуфляжа ее агрессивных планов. В одном из своих писем, довольно редких (фюрер не любил писать писем), датированном декабрем 1932 г. и адресованном полковнику фон Рейхенау, в будущем одному из ведущих командующих армиями фашистского вермахта, Гитлер писал: «Договоры могут заключаться только между партнерами, стоящими на одной мировоззренческой платформе... Политическое сотрудничество Германии с Россией неприятно задевает остальной мир»⁴.

В этих словах — ключ к пониманию политических расчетов Гитлера после прихода его, спустя месяц, к власти. Антикоммунизм — вот козырь, который использует Гитлер для укрепления внешнеполитического положения своего режима. Антикоммунизм — вот оружие, которое он пускает в ход против своих политических противников внутри страны. Антикоммунизм — вот приманка, при помощи которой он надеется обеспечить себе поддержку правящих кругов Англии, Франции, Соединенных Штатов. Следует признать, что, используя антикоммунизм, Гитлер добился многого на внешнеполитической арене, заставив эти державы сдать ему без боя Австрию и Чехословакию, дать

возможность Германии открыто вооружаться, подготовить силы для развязывания войны за мировое господство. Искусно играя на недовольстве немцев условиями Версальского мира, он добился поддержки внутри страны.

Началась война. Рухнула Польша. 18 октября 1939 г., начальник генерального штаба немецких сухопутных войск генерал-полковник Гальдер отметил в своем дневнике слова Гитлера: «Польша является районом для будущих немецких операций»⁵. Против кого?

Ответом на этот вопрос может служить выступление Гитлера на совещании генералитета 23 ноября 1939 г.: «Мы можем выступить против России, только когда мы будем свободны на западе».

Мир с Англией!

Вернемся к событиям лета 1940 г. В то время немецкую фашистскую верхушку больше всего беспокоила возможность соглашения между Англией и Советским Союзом. Кошмар советско-английской коалиции преследовал Гитлера все время, с начала кампании на западе. Беспокойство сквозило буквально во всех выступлениях Гитлера перед штабом группы армий «А» в мае — июне 1940 г. Генерал-полковник Гальдер в своем служебном дневнике неоднократно обращал внимание на эти высказывания Гитлера. 2 июня 1940 г. Гитлер уже совершенно определенно заявлял, что «теперь, когда Англия подготовлена к миру, он сведет счеты с большевиками»⁶. Заявления Гитлера о его намерении вести войну против Советского Союза приветствовались немецкими генералами. В течение июня — июля 1940 г. решение о нападении на СССР продолжало зреть. Из дневника Гальдера мы узнаем, что нежелание Англии пойти на переговоры о мире с Германией рассматривались нацистской верхушкой как выражение надежд англичан на Советский Союз. В конце июня 1940 г. генерал-полковник Гальдер прилетел в Берлин, чтобы отпраздновать свой день рождения. Здесь он встретился со своим другом, статс-секретарем германского Министерства иностранных дел Вейцзекером, отлично осведомленным дипломатом. Вейцзекер дал понять Гальдеру, что в высших германских кругах готовится решение о нападении на Советский Союз. 22 июля

Гитлер в длинной речи в ставке командующего сухопутными войсками фон Браухича вновь и вновь возвращается к теме «Россия — Англия» и отмечает: обе склонны к сближению⁷.

В преддверии нападения на СССР гитлеровская Германия изыскивала способы, посредством которых можно было бы добиться полной дипломатической и политической изоляции Советского Союза. Вывод Англии из войны любыми методами — военными или невоенными — важнейшая часть этого плана.

На протяжении года, с мая 1940 по май 1941 г., гитлеровская Германия не оставляла надежды добиться заключения с Англией компромиссного мира. Эта установка сочеталась с военными мерами: продолжались подготовка вторжения на Британские острова и сопутствующая этой подготовке воздушная «битва за Англию», активно проводились операции в районе Средиземного моря и в Африке, не прекращались попытки блокировать Британские острова, прервать морские коммуникации Англии. Нацисты широко использовали всевозможные политические и дипломатические каналы. Фашистская правящая верхушка надеялась также опереться на влиятельные антисоветские круги Англии и убедить их, как то было сделано в Мюнхене в 1938 г., что война против СССР отвечает коренным интересам также и английского капитализма. Поэтому Англия не должна мешать Германии осуществить поход на восток. Разумеется, гитлеровцы всячески маскировали свое намерение после завершения «восточного похода» вновь обрушиться на Англию и принудить ее к безоговорочной капитуляции. Добиваясь своей цели, гитлеровцы тщательно собирали информацию о настроениях в правящих кругах Англии и пользовались любой возможностью для установления контактов с Англией. Таких попыток в 1940—1941 гг. было предпринято немало.

11 июня 1940 г., т. е. в момент, когда поражение Франции уже не вызывало никаких сомнений, Гитлер дал интервью фашистскому журналисту Карлу фон Виганду, чтобы оповестить мир, что в его, Гитлера, намерения не входят какие-либо враждебные действия против Западного полушария, т. е. против Соединенных Штатов Америки, что он не желает разрушения Британской империи, а настаивает лишь на смещении с поста английского

премьер-министра «поджигателя войны Черчилля». Это интервью стало как бы программой действий немецкой дипломатии на ближайший год. Спустя неделю гитлеровский министр иностранных дел Риббентроп сообщил в доверительной беседе итальянскому министру иностранных дел Чиано, что Англия должна лишь признать как свершившийся факт установление германского господства на европейском континенте и отказаться от некоторых своих колониальных владений. На этих условиях, подчеркивал Риббентроп, Англия может немедленно получить мир; если же она отклонит немецкое предложение, то будет уничтожена.

Немецкие предложения, как на то и рассчитывали нацисты, были переданы в Лондон до начала франко-германских переговоров о перемирии. 22 июня 1940 г. в Компьенском лесу, в том самом вагоне, где некогда маршал Фош продиктовал условия перемирия побежденной Германии, побежденная Франция подписала франко-германское перемирие. Рассчитывая добиться мира с Англией и побудить Францию к активному сотрудничеству с Германией в «новой Европе», Гитлер решил не ставить чересчур жестких условий: колонии оставались во французских руках, флот подлежал лишь разоружению, а его личный состав — демобилизации.

Английский ответ оказался для нацистской верхушки совершенно неожиданным. 3 июля по приказу Черчилля английские войска напали на французские военные суда в Оране, Александрии и Дакаре. Французские корабли, находившиеся в английских портах, были захвачены. Англия решила застраховать себя от неприятной и опасной перспективы захвата французского флота немцами или использования его с одобрения французского правительства пораженцев маршала Петэна для войны против Англии.

«Ответ» англичан поверг Гитлера в гнев и смятение. Однако «мирное наступление» продолжалось. 19 июля Гитлер выступил на сессии рейхстага с длинной антианглийской речью. Однако закончил он ее предложением Англии заключить мир⁸. В тот же день в столицу фашистского рейха прибыл основатель и глава голландской авиационной компании КЛМ Альфред Плесман. Он приехал по приглашению рейхсмаршала Геринга. Хотя с внешней стороны идея встречи принадлежала как будто Плесману,

на самом деле инициатором ее был Герман Геринг. Опытный и коварный политикан, он и теперь, в условиях войны, старался выставить себя «человеком мира», добивающегося соглашения между западными государствами. Несмотря на то, что 22 июля английский министр иностранных дел лорд Галифакс от имени правительства отверг предложения Гитлера, обсуждение «условий мира» между Плесманом и Герингом продолжалось. На совещании 24 июля были согласованы условия, на которых, по мнению Геринга, Англия и Германия могли бы прийти к соглашению. Эти условия были суммированы Плесманом в подтверждающем меморандуме от 30 июля: Германия настаивала на возвращении лишь своих бывших колоний, утраченных ею в результате первой мировой войны. Германия «великодушно» соглашалась не требовать сдачи английского флота. Однако дальше «условия мира» требовали от Англии признания германской гегемонии в Европе, т. е. как раз того, чего Англия не признавала, не желала, да и не могла признать. Маскировка действительных нацистских намерений выглядела неуклюже: Польша и Чехословакия будто бы не лишались «национального развития», но регулирование оставалось за Германией, а вмешательство других государств не допускалось. Норвегия, Дания, Нидерланды, Бельгия и Франция якобы оставались свободными в выборе форм своего государственного управления и правительства, но этот «выбор» должен был обеспечить их сотрудничество с Германией. Практически это и означало признание германского господства в Европе. Английское правительство не разрешило Плесману прибыть в Лондон. Предложения Плесмана, переданные им через голландского посланника в Стокгольме, после изучения их английским Министерством иностранных дел были отклонены.

Однако немецкие попытки принудить Англию к капитуляции (а компромиссный мир в условиях захвата Германией господства над Западной Европой практически означал для Англии капитуляцию) продолжались. В то же время немецкая авиация усилила опустошительные налеты на Британские острова, чтобы подавить волю англичан к сопротивлению и, воспользовавшись этим, попытаться осуществить вторжение.

План «Барбаросса»

Воздушные бомбардировки Англии и начавшаяся подготовка к вторжению на Британские острова не мешали гитлеровскому военно-политическому руководству обсуждать возможности нападения на Советский Союз.

С конца мая и по конец июля 1940 г. в высших немецких военных кругах происходил оживленный обмен мнениями о том, когда и какими средствами начать войну против Советского Союза. В этих обсуждениях принимали участие руководители верховного командования вооруженных сил и командующие основными видами вооруженных сил: сухопутных войск, военно-морского флота и военно-воздушных сил. План войны против СССР не вызывал ни у кого принципиальных возражений. Немецкие милитаристы давно мечтали об уничтожении социалистического государства. Теперь Германия была в зените своей военной славы. Момент, казалось, был наиболее подходящим. Имелись и соображения более практического свойства. Командование военно-морских сил крайне неохотно соглашалось на операцию по вторжению в Англию, отдавая себе отчет в том, что флот не в состоянии обеспечить высадку крупных десантов на английском побережье и что сама эта операция может повести к полной гибели немецкого военно-морского флота. Поэтому военно-морское командование в лице адмирала Редера было готово поддержать любую операцию, которая не поставила бы под смертельную угрозу немецкий военный флот. В совещаниях и обсуждениях планов вторжения в Англию и предварительных выкладок нового плана нападения на СССР прошли два месяца.

3 июля 1940 г. Гальдер записал в своем дневнике: «на первом плане стоят английская проблема, которую следует разрабатывать отдельно, и восточная проблема. Основным содержанием последней является: как нанести решительный удар России, чтобы принудить ее признать господствующую роль Германии в Европе»⁹.

13 июля 1940 г. на совещании в Бергхофе Гитлер несколько раз подчеркивал, что «Англия все еще надеется на Советский Союз и поэтому не капитулирует». Он полагает, что Англию придется принудить к миру силой. Однако Гитлер несколько неохотно идет на это. Причина:

«Если мы разгромим Англию в военном отношении, то вся Британская империя распадется. Однако Германия ничего от этого не выиграет. Разгром Англии будет достигнут ценой немецкой крови, а пожинать плоды будут Япония, Америка и другие»¹⁰. Думал ли он так на самом деле или искал аргументы для объяснения предстоящего отказа от вторжения в Англию, сказать трудно. Однако в середине июля группа оперативных работников немецкого генерального штаба начала разрабатывать план ведения войны против Советского Союза.

По приказу верховного командования была усилена разведывательная работа против СССР. Об этом имеется глухое упоминание в дневнике Гальдера в записи от 18 июля 1940 г.: «Кестринг (немецкий военный атташе в Москве.— А. Н.) выполнил данное ему задание в отношении России»¹¹.

22 июля состоялось новое совещание в ставке верховного командования германских вооруженных сил. Позиция Гитлера неясна.

С одной стороны, он настаивает на том, что «подготовка вторжения должна проводиться как можно скорее», с другой — центральной темой его выступлений все чаще становится Советский Союз.

«Англия стремится, очевидно, с помощью России вызвать беспорядки на Балканах с целью отнять у нас источники горючего и парализовать этим нашу авиацию... Русская проблема будет разрешена наступлением. Следует продумать план предстоящей операции»¹². И генералы докладывают этот план. Какой контраст между лживыми утверждениями Кейтеля и Йодля на Нюрнбергском процессе, будто они выступали против нападения на СССР и будто планирование его началось лишь к осени 1940 г., и теми сведениями, которые нам известны из служебного дневника Гальдера!

На совещании высшего командного состава с участием Гитлера главнокомандующий сухопутными войсками Браухич доложил уже практические выкладки генштабистов по поводу войны с Советским Союзом. Мнение верховного командования сухопутных войск было необычайно оптимистичным. Германии потребуется всего 4—6 недель и не более 100 дивизий, чтобы разгромить те 50—70 русских дивизий, которые являются боеспособными, заявил Браухич.

В записи Гальдера о совещании 22 июля называются и основные цели наступления, а именно: «Разбить русскую сухопутную армию или по крайней мере занять такую территорию, чтобы можно было обеспечить Берлин и Силезский промышленный район от налетов русской авиации. Желательно такое продвижение в глубь России, чтобы наша авиация могла разгромить важнейшие центры России». На этом же совещании называются и ближайшие политические цели, предусматривающие расчленение Советского Союза. В записи говорится о создании «Украинского государства», союза прибалтийских государств, называется Белоруссия.

Главнокомандующий германскими сухопутными силами Браухич полагал, что войну против СССР можно будет начать уже в 1940 г. На протяжении июля мнение о возможности немедленного нападения на Советский Союз получило довольно широкое распространение в высших немецких военных кругах.

Заместитель начальника штаба оперативного руководства верховного командования Йодль на специальном совещании ведущих сотрудников отдела «L» заявил: «Гитлер решил в возможно ближайший срок, что означает в мае 1941 г., неожиданным ударом по Советской России „раз и навсегда“ избавить мир от угрозы большевизма»¹³. Планирование операции должно быть начато немедленно. Такое изменение планов было слишком неожиданным для сотрудников оперативного отдела, занятых разработкой операции против Англии, и Варлимонт даже переспросил Йодля, не ослышался ли он. Посыпались вопросы: как же война против Англии? Разве с СССР не поддерживаются хорошие отношения? И не приведет ли все это к войне на два фронта? Ответ был краток, но выразителен: «Господа, это не предмет для дискуссии, а решение фюрера»¹⁴.

Один из аргументов военного характера, приведенных Йодлем, заключался в том, что Германия при нынешнем состоянии ее вооруженных сил (морских средств) не в состоянии сокрушить Англию. Разгром Советского Союза лишит Англию последней надежды, и она капитулирует. Йодль привел и другой аргумент: после победы над Англией настроение народа было бы таково, что вряд ли окажется возможным затеять новую войну — войну против Советского Союза.

26 июля Гальдер записал в дневнике: «Ринцель (начальник отдела изучения армий Востока.— А. Н.) и 4-й обер-квартирмейстер: доклад об основных данных о противнике при операции против России. Из этого явствует, что наиболее выгодным решением является наступление на Москву (сохраняя примыкание к Балтийскому морю), после чего обход с севера русской группировки, находящейся на Украине и на Черноморском побережье, которая вынуждена будет вести бой с перевернутым фронтом»¹⁵.

Война против СССР была фактически уже решена, заявление об этом было сделано Гитлером на совещании в Бергхофе 31 июля 1940 г. На этом совещании Гитлер связывает воедино вопрос о победе над Англией и о всем дальнейшем ходе войны с проблемой отношений между Англией и Советским Союзом. Больше всего он боится союза между двумя этими государствами. Для того чтобы победить Англию, необходимо разгромить Советский Союз. «Если Россия будет разбита, у Англии будет отнята последняя надежда,— заявляет Гитлер в Бергхофе,— тогда господствовать в Европе и на Балканах будет Германия». Но дело не только в Англии. Разгром Советского Союза, утверждает Гитлер, окажет и решающее воздействие на позицию Соединенных Штатов Америки: «Если надежда на Россию исчезнет, то Америка также отпадет от Англии, так как разгром России будет иметь следствием невероятное усиление Японии в Восточной Азии».

Таким образом, Гитлером все время владеет страх перед возможностью создания антигерманской коалиции Англии, Советского Союза и Соединенных Штатов Америки. Чтобы не допустить этого, необходимо прежде всего вывести из строя наиболее важного ее потенциального участника — Советский Союз. Таковы главные причины, по которым Германия должна напасть на СССР. «Вывод: на основании этого рассуждения Россия должна быть ликвидирована. Срок — весна 1941 г.»¹⁶. И Гальдер подчеркивает в своем дневнике эти слова жирной чертой...

Остальные операции немецких вооруженных сил отныне отодвигались на второй план, хотя некоторые из них еще имели самостоятельное значение.

Летом 1940 г. верховное командование германских вооруженных сил развернуло широкую деятельность по подготовке войск, предназначенных для войны против

СССР. 180 дивизий намеревалось теперь выставить немецкое командование. Для переброски этих дивизий на восток улучшалась железнодорожная сеть. В Польше ремонтировались старые дороги и прокладывались новые, строились военные сооружения, устанавливались линии связи. Сооружались и лагеря для военнопленных...

Еще в разгар предварительных обсуждений планов операций против СССР началась переброска немецких дивизий в Польшу.

Для ведения войны против СССР немецкое командование формировало 74 новые дивизии, из них 10 танковых и 8 моторизованных¹⁷.

Офицеры различных рангов проходили зимой 1940/41 г. и весной 1941 г. специальную подготовку, во время которой изучался опыт прошедших кампаний. Но опыт этот воспринимался далеко не критически. Мысль о превосходстве немецкого оружия преобладала над всем остальным. Немецкий генералитет тщательно изучал сообщения и воспоминания о походе Наполеона в Россию. Все сведения о Красной Армии, обороноспособности СССР, о настроениях населения различных частей Советского Союза собирались и обобщались.

Известный американский журналист Морис Хиндус рассказывает: «Нацисты всегда собирали информацию от любого, кто имел хоть какой-нибудь личный контакт со страной или народом... Тема, которой они всегда интересовались, была мораль народа и будет ли нет восстание в случае войны». Хиндус далее пишет об огромном потоке информации о Советском Союзе, который направлялся в гитлеровскую Германию. Нацисты использовали информацию, которую они «собирали от ничего не подозревавших лиц, посещавших Советский Союз, особенно от американских корреспондентов»¹⁸. Ни одно сколько-нибудь важное событие в жизни Советского Союза не проходило мимо внимания гитлеровцев.

Однако оценка данных разведки не всегда была верной. Это видно из дневника Хальдера. Более или менее правильно даны оценка преобразования институтов военных комиссаров (укрепление единоначалия), характеристика новых типов советского истребителя и бомбардировщика дальнего действия; вместе с тем в дневнике Хальдера отражено неправильное представление немецкого верховного командования о боевых качествах Красной

Армии. Недооценка Красной Армии была характерна для взглядов военных кругов капиталистических государств, в том числе и немецкого генералитета. Военный атташе в Москве генерал Кестринг предполагал, что для завершения подготовки к войне Красной Армии понадобится 4 года¹⁹. Помощник Кестринга Кребс шел дальше своего шефа, утверждая, что «России потребуется 20 лет, пока она достигнет прежней высоты»²⁰.

Подготовка к нападению на СССР разворачивалась полным ходом. Особенности этой подготовки, по словам известного советского военного историка Д. М. Проэктора, были: «отсутствие какого-либо критического восприятия своего предшествующего опыта; — непомерное самовосхваление; ложные понятия: „превосходство командования“, „превосходство немецкого солдата“ как бы материализуются и считаются дополнительным фактором, обеспечивающим победу; — подготовка в оперативных масштабах велась планомерно, тщательно и всесторонне; аккуратность, продуманность и неторопливость этой размеренной и „научной“ подготовки лишней раз показывает, что германские милитаристы не боялись нападения ни с чьей стороны и что тезис некоторых буржуазных историков о необходимости „превентивной войны“ Германии против Советского Союза — блеф»²¹.

На следующий день после совещания в Бергхофе, 1 августа 1940 г., генерал Э. Маркс доложил начальнику генерального штаба сухопутных сил Гальдеру вариант плана операции против СССР. План предусматривал создание двух крупных группировок немецкой армии — против Киева и против Москвы. После ознакомления с планом Гальдер подчеркнул, что главный удар должен быть нацелен на Москву.

14 августа Геринг дал указание начальнику отдела экономики и вооружений верховного командования генералу Томасу исходить в военно-экономической подготовке из того, что поставки Советскому Союзу должны быть прекращены к весне 1941 г.

26 августа еще две немецкие дивизии, одна из них моторизованная, были переброшены в Польшу. Военному атташе в Москве генералу Кестрингу было поручено уведомить Советское правительство, что речь идет о замене старших возрастов. Спустя 10 дней Йодль издал директиву о необходимости строгого соблюдения маски-

ровки при переброске войск к границам Советского Союза. В директиве подчеркивалось: «Эти перегруппировки не должны создавать впечатления у России, что мы готовим наступление на востоке»²².

К декабрю 1940 г. выработка плана нападения на Советский Союз была закончена. В основу его был положен принцип молниеносной войны.

Мнение Гитлера о возможности разбить Советский Союз в молниеносной войне разделялось, поддерживалось и обосновывалось верховным германским командованием, всем генералитетом. Поэтому план нападения на СССР, первоначальная идея которого исходила от Гитлера, что было естественно в условиях тоталитарного режима, на самом деле являлся плодом намерений и размышлений не только главы «третьей империи», но и высших нацистских руководителей и немецких генералов.

5 декабря на совещании у Гитлера верховное командование сухопутных сил (Браухич, Гальдер) доложило план нападения на СССР, закодированный как «план Отто». Решение гласило: «Начать полным ходом подготовку в соответствии с основами предложенного нами плана. Ориентировочный срок начала операций — конец мая» (1941 г.). В связи с этим план вторжения в Англию («Морской лев») консервировался, операции в Ливии отменялись. Но верховное командование еще не отказалось от вторжения в Испанию (план «Феликс»), которое намечалось осуществить в течение ближайшего месяца, и вторжения в Грецию (план «Марита»), которое было назначено на начало марта 1941 г. Вскоре, однако, необходимость концентрировать все силы и средства для нападения на СССР заставила верховное командование отложить другие планы агрессии, за исключением плана «Марита».

18 декабря Гитлер подписал разработанную генералами директиву № 21 о нападении на СССР. В директиве указывалось: «Германские вооруженные силы должны быть подготовлены к тому, чтобы сокрушить Советскую Россию в быстротечной кампании („операция Барбаросса“)»²³.

Перед немецко-фашистскими армиями была поставлена цель: действуя на двух главных направлениях севернее и южнее Припяти, разбить и уничтожить основные силы Красной Армии, сосредоточенные на западе, выйти

на севере к Москве и овладеть ею, а на юге овладеть Украиной. Немецкие армии в итоге кампании должны были выйти на рубеж Архангельск — Волга. Тем самым и предполагалось осуществить вековую мечту германских милитаристов: «поход на восток» и захват территорий «до Урала». Германские фашисты предполагали, что основные промышленные центры на востоке СССР после реализации «плана Барбаросса» станут доступны для действий немецкой бомбардировочной авиации. Что касается азиатской части СССР, то здесь Германия рассчитывала на выступление своего союзника — Японии.

Более детально задачи германских армий в войне против СССР были определены директивой верховного командования германских сухопутных сил «О стратегическом развертывании сил», изданной 31 января 1941 г.

В декабре 1940 г. началась переброска немецких войск в Румынию с целью поставить под контроль румынские нефтяные источники, а в феврале 1941 г. началось сосредоточение немецких армий в Польше. Наибольшей напряженности эти мероприятия достигли после захвата Греции и Югославии в апреле — мае 1941 г. Теперь государства фашистской «оси» установили свое полное господство на Балканах. «Операция Барбаросса», намеченная первоначально на середину мая, была перенесена в связи с войной против Югославии и Греции. 30 апреля 1941 г. был назначен новый срок нападения на СССР — 22 июня. 17 июня эта дата была окончательно подтверждена Гитлером.

В районе Растенбурга, в Восточной Пруссии, обосновалась ставка Гитлера. Здесь в «Волчьем логове» (так удивительно метко, хотя и случайно, было закодировано название ставки) расположился Гитлер.

Военно-экономическая подготовка

Военно-экономическая подготовка Германии к нападению на СССР прошла несколько этапов: в ходе первого этапа (1933—1939 гг.) было осуществлено общее перевооружение гитлеровской Германии, создана современная армия, расширена промышленная и продовольственно-сырьевая база, заняты исходные рубежи и установлены

плацдармы для ведения агрессивной войны; на втором этапе (1939—1940 гг.) Германия, разгромив Польшу и западноевропейские государства, практически испытала боеспособность своих вооруженных сил и обеспечила свой тыл для ведения войны против СССР; на третьем этапе (с лета 1940 г. до лета 1941 г.) основная задача военно-экономической подготовки заключалась в мобилизации и использовании ресурсов захваченных стран для нужд немецкой военной экономики, придании самой экономике большей эффективности.

В это время Германия завершила подготовку театра военных действий, проводила мобилизацию военных и экономических ресурсов не только в самой Германии, но и по всей континентальной Европе, осуществляла необходимые военно-политические и дипломатические мероприятия для создания наиболее благоприятных политических и стратегических условий ведения войны против Советского Союза.

К середине 1941 г. Германия установила господство над обширной территорией от Нарева до Бискайского залива и от устья Дуная до Ла-Манша. Начиная с 1938 г., когда немецкие фашисты осуществили аншлюсс, т. е. захватили Австрию, под иго немецких и итальянских захватчиков подпали народы Чехословакии, Албании, Польши, Норвегии, Дании, Бельгии, Голландии, Люксембурга, Франции, Югославии, Греции.

Гитлер перекроил карту Европы. После раздела Чехословакии на чешских землях был создан «протекторат Богемии и Моравии», а Словакия была, по указанию из Берлина, провозглашена «независимой». Чехословацкая Судетская область и ряд приграничных районов были включены в состав рейха. Расчленению подверглась после поражения и Польша. От нее были отторгнуты и присоединены к рейху значительные территории, в том числе Гданьск (Данциг) и польское Поморье, Познанщина, Верхняя Силезия. Из остальных польских земель Германия создала так называемое генерал-губернаторство с центром в Кракове. Территория фашистского рейха была расширена далее путем аннексии французских провинций Эльзаса и Лотарингии, бельгийских департаментов Эйпен и Мальмеди и кантона Сент Вита. Целиком был включен в состав Германии Люксембург и некоторые районы Югославии.

Союзники Германии получили свою долю добычи: Италия присоединила к себе путем личной унии захваченную ею в апреле 1939 г. Албанию, значительную часть принадлежавшего Югославии Далматинского побережья с прилегающими островами и г. Котор на Черногорском побережье; Венгрия получила Закарпатскую Украину, Южную Словакию, югославскую Западную Воеводину. Болгария захватила югославские и греческие части Македонии, а также Западную Фракию. В Хорватии, Сербии и Черногории были образованы вассальные марионеточные государства. Угодное оккупантам правительство было посажено в Греции.

Франция была разделена на две зоны — оккупированную и неоккупированную. Неоккупированной зоной управляло правительство коллаборационистов во главе с маршалом Петэном, покорно выполнявшее все распоряжения Берлина. Под оккупацией или под контролем Германии находились также Бельгия, Голландия, Дания и Норвегия.

Гитлеровская Германия контролировала значительную часть Европы. Собственно Германия занимала территорию 900 тыс. кв. км с населением до 117 млн. человек.

Уже после захвата Чехословакии военно-промышленная база Германии по производству стрелково-артиллерийского вооружения и боеприпасов расширилась почти на $\frac{1}{4}$, а по производству самолетов, танков и тягачей — приблизительно на $\frac{1}{5}$ часть²⁴.

Экономические последствия побед Германии на западе и в Юго-Восточной Европе не могли быть предусмотрены даже самыми смелыми расчетами руководства германской военной экономики. В руки Германии попала высокоразвитая промышленность европейских стран, таких, как Франция, Бельгия, Голландия, Люксембург. Это позволило Германии использовать значительную часть своей промышленности для производства товаров широкого потребления и поддерживать довольно высокий уровень жизни подданных третьей империи.

Германия вывозила из оккупированных стран значительную часть сырья и готовой продукции. Так, из Франции вывозилось 29% произведенного здесь угля, 80% запасов нефти и топлива, 74% железной руды, 51% стали, проката и чугуна, 75% меди, 64% никеля, 76% платины, 40% бокситов, 75% алюминия и т. п. Из готовой про-

дукции французской промышленности Германия забирала 70% автомобилей, 45% радио- и электрооборудования, 75% строительных материалов, 79% судов, 90% продукции авиационной промышленности, использовала 22% электроэнергии²⁵.

Германские банки при помощи оккупационных властей заставляли предпринимателей и банки других стран продавать им по низким ценам акции и, таким образом, становились фактическими владельцами предприятий. Например, югославские рудники бора прибрал к рукам посредством жульнических операций «Прейсише штатс-банк».

Немецкие монополии устанавливали свой контроль и под видом смешанных обществ. Репающий голос там имели немецкие акционеры. Так, известный немецкий концерн «ИГ Фарбениндустри» стал обладателем 51% акций французской компании «Франколор». Лотарингская стальная индустрия была поделена между пятью немецкими концернами: «Герман Геринг-верке», Клёкнера, Рехлинга, Флика и Штумма²⁶.

Ведущие немецкие банки «Дейче банк», «Дрезднер банк» непосредственно или через подчиненные им банки установили контроль над значительной частью экономики Чехословакии.

Богатая добыча досталась концерну «Герман Геринг-верке», который захватил: в Австрии — металлургический концерн «Альпине Монтангезельшафт», в Чехословакии — заводы вооружения Шкода в Брно, в Польше — всю силезскую тяжелую промышленность, в Румынии он установил контроль над заводами Речица, производившими $\frac{4}{5}$ стали в стране, во Франции — над железной рудой в Лотарингии и над многими другими промышленными предприятиями в европейских странах.

Резко улучшилось положение с сырьем. Напомним, что перед началом войны Германия имела всего лишь семь видов стратегического сырья из необходимых для военного производства 30 видов. Запасы сырья были недостаточны для ведения долговременной войны. Теперь в руки Германии, кроме значительного количества сырья, захваченного в оккупированных странах, попали и источники этого сырья. Расход имевшегося у Германии стратегического сырья оказался ввиду краткосрочности военных кампаний меньше ожидаемого. Германия получила большие запасы

продовольствия и жидкого топлива. Фашистская империя вывозила олово и цинк из Югославии, бокситы — из Венгрии, Югославии и Норвегии, сурьму — из Югославии, серу и пириты — из Италии и Норвегии, ртуть — из Испании, лес — из Польши, скандинавских государств, Юго-Восточной Европы, нефть — из Румынии.

Только в западноевропейских странах захваченные гитлеровской Германией запасы сырья (от начала войны до 1941 г.) составляли: цветных металлов — 365,4 тыс. т, чугуна — 272 тыс., железного лома — 1860 тыс., каучука и изделий из него — 12,2 тыс., химических продуктов — 164 тыс. т, не считая огромных запасов кожевенного, текстильного сырья и готовых изделий²⁷.

По-прежнему германская экономика ощущала нехватку меди и каучука.

Захват Польши, а затем победы на западе позволили гитлеровскому руководству получить даровую рабочую силу. Сначала это были военнопленные, направлявшиеся на работу в сельское хозяйство и промышленность Германии, а затем иностранные рабочие, сотни тысяч которых были угнаны на рабский труд в Германию. Только в сельском хозяйстве Германии было использовано свыше 1 млн. человек, главным образом польских военнопленных. Таким образом высвобождалось значительное число немцев, в которых так нуждалась германская армия.

Германия усилилась благодаря секвестрам государственной и частной собственности в оккупированных странах. Так, Германия конфисковала всю собственность Польши. Оккупированные страны подвергались беспощадной финансовой эксплуатации. Только в виде платежей, штрафов и т. п. Германия получала 60 млрд. марок. Значительные выгоды приносила Германии клиринговая система, позволявшая ей, искусственно меняя соотношения между курсом рейхсмарки и местных валют, поставить всю внешнюю торговлю оккупированных и зависимых стран под немецкий контроль.

Цель всех военно-экономических мероприятий Германии в поработанной Европе, т. е. цель «нового порядка», провозглашенного Гитлером, заключалась в том, чтобы поставить всю экономику Европы на обслуживание нужд великогерманской империи. Поскольку немцы были провозглашены «нацией господ», то все остальные народы были отныне призваны служить новоявленным господам.

Кроме установления многосторонней клиринговой системы, планировалось и частично было осуществлено превращение захваченных стран в аграрно-сырьевые придатки рейха. Промышленное производство сохранялось там, поскольку это было необходимо для ведения войны и главным образом на военное время.

Для наилучшей эксплуатации богатств захваченных стран были созданы специальные военно-экономические органы. При верховном командовании вооруженных сил имелось управление военной экономики и промышленности. Как только германские войска оккупировали какую-нибудь страну, там немедленно создавался военно-экономический орган в виде штаба, инспекции или комендатуры. Эти учреждения осуществляли полный контроль над экономикой оккупированной страны. 27 апреля 1940 г. был создан военно-экономический штаб «Норвегия», спустя месяц — подобный штаб «Дания», в июне того же года — военно-промышленные инспекции «Голландия» и «Бельгия». Во Франции военно-экономическому штабу под таким же названием были подчинены четыре инспекции²⁸. Уже к концу 1940 г. «хозяйственное пространство» Германии составляло 4 млн. кв. км с населением в 333 млн. человек.

Готовясь к нападению на СССР, германское правительство приняло ряд мер для военно-экономической подготовки. Опираясь на коллаборационистские круги оккупированных и подчиненных стран, гитлеровская Германия с помощью карательных мер и угрозы голодом заставила работать на себя значительную часть промышленности этих стран.

В августе 1940 г. началось систематическое использование экономики оккупированных или подчиненных стран для нужд германского хозяйства, в первую очередь военного. В предвидении нападения на Советский Союз германские военно-планирующие органы заблаговременно распределили заказы в промышленности оккупированных стран. Только в одной Бельгии нужды германских вооруженных сил обслуживала половина рабочих и служащих, или более 900 тыс. человек. К концу 1940 г. немецкие оккупанты добились восстановления работы польской промышленности до $\frac{2}{3}$ ее производственной мощности²⁹.

18 октября 1940 г. был издан декрет о втором четырехлетнем плане. Суть плана состояла в проведении полной

милитаризации Германии, укреплении ее сырьевой базы и дальнейшем росте военной промышленности. Дело заключалось в том, что в связи с легкими победами на западе в Германии на первых порах начали свертывать некоторые отрасли промышленности, например производство боеприпасов, и до конца 1940 г. уровень производства продолжал снижаться. Цель новой «четырёхлетки» заключалась в том, чтобы резко увеличить объем военного производства. Для реализации поставленных задач в интересах крупного финансового капитала законодательным путем было закрыто множество мелких предприятий, а их оборудование и рабочая сила были переданы крупным монополиям. Экономические показатели Германии по основным видам производства в конце 1940 — начале 1941 г. стали возрастать.

Германия захватила в оккупированных странах сталелитейную промышленность, которая к лету 1941 г. выплавляла 16 млн. т стали. Таким образом, вместе с промышленностью самой Германии ежегодная выплавка стали, которую имели в своем распоряжении гитлеровцы, достигла 43 млн. т³⁰.

Производство алюминия возросло с 194 тыс. т в 1939 г. до 324 млн. т в 1941 г., что дало возможность значительно увеличить выпуск самолетов. В 1940/41 г. производство самолетов в Германии возросло на 40% по сравнению с 1938 г.³¹.

Добыча угля в Германии и захваченных ею странах увеличилась до 404 тыс. т в 1941 г. Это позволило Германии не только полностью удовлетворять потребности промышленности и нужды немецкого населения, но и экспортировать уголь в союзные и нейтральные страны. Запасы жидкого топлива на складах составляли к началу 1941 г. более 2,5 млн. т.

С 1940 г., когда была практически поставлена цель подготовки войны против СССР, в Германии резко возросло военное производство. В 1941 г. среднемесячное производство артиллерийско-стрелкового вооружения составляло (в млн. рейхсмарок) 74,3 (1940 г. — 56,4), танков — 32 (1940 г. — 14,3), самолетов — 371 (1940 г. — 345,1)³². Подчинив себе экономику Европы, фашистская Германия стала одной из сильнейших держав мира.

«12 заповедей» немецких фашистов

Победа в войне против СССР должна была, согласно планам гитлеровцев, обеспечить им безраздельное господство на европейском континенте и полностью удовлетворить потребность Германии в продовольствии, сырье и рабочей силе. Планы эксплуатации территории СССР в общих чертах намечались немецкими фашистами еще до прихода их к власти, в 20-е годы. Во время подготовки нападения на СССР и немедленно после начала советско-германской войны замыслы гитлеровцев были конкретизированы.

25 мая 1940 г. рейхсфюрер СС Гиммлер представил Гитлеру письменные соображения об обращении с местным населением восточных областей. «Соображения» были одобрены Гитлером и утверждены им в качестве директивы. Этот строго секретный документ был дан для прочтения под расписку самому узкому кругу лиц, непосредственно связанных с проведением немецкой политики на оккупированных землях Польши, а также нескольким высшим лицам рейха, в том числе Гессу, Дарре, Ламмерсу и Борману. Как явствует из других документов более позднего времени, речь шла о генеральном плане германизации населения Польши и Советского Союза, так называемом «плане Ост». Хотя текст самого плана до сих пор не обнаружен, но из найденных документов видно, что речь шла о выселении в течение 30 лет 31 млн. человек из Польши и Советского Союза и поселении на их месте немецких колонистов. Оставшееся на этих землях славянское население намечалось онемечить или уничтожить³³.

В конце 1940 г. отдел экономики и вооружений верховного командования вооруженных сил, возглавляемый генералом Томасом, развернул интенсивную работу по сбору и обобщению сведений относительно народного хозяйства Советской страны. Была составлена специальная картотека, в которой были зарегистрированы все важнейшие советские предприятия. В начале 1941 г. обобщением всевозможных данных о советской экономике занялся созданный для этой цели специальный штаб «Россия»³⁴.

С апреля 1941 г. вся деятельность по подготовке мероприятий по ограблению Советского Союза протекала под руководством Геринга. 29 апреля 1941 г. на специальном

совещании с участием представителей вооруженных сил было решено в целях наиболее полной экономической эксплуатации захваченных территорий Советского Союза учредить «Экономический штаб Востока» со специальными хозяйственными инспекциями и командами в крупнейших городах европейской части Советского Союза. Сотрудники команд по грабежу должны были действовать в соответствии с выработанными для них «12 заповедями». Эти «заповеди» предписывали им быть жестокими и беспощадными с советскими людьми, грабительски использовать все ресурсы страны. Одна из этих «заповедей» гласила: «Чем упорнее вы будете, тем изобретательнее могут быть ваши методы достижения этой цели. Выбор методов предоставляется на усмотрение каждого из вас...»³⁵

«...Только ваша воля должна быть решающей, однако эта воля может быть направлена на выполнение больших задач. Только в таком случае она будет нравственна и в своей жестокости. Держитесь подальше от русских, они не немцы, а славяне», — было записано в другой «заповеди».

Как заявил на Нюрнбергском процессе один из советских обвинителей Л. Р. Шейнин, «...под непосредственным руководством подсудимого Геринга была заранее предусмотрена, подготовлена, обучена и вымуштрована целая армия грабителей всех рангов и специальностей для организованного расхищения и разграбления народного достояния СССР»³⁶.

Геринг в качестве уполномоченного по проведению фашистского четырехлетнего плана составил обширную программу экономической эксплуатации территорий Советского Союза и населяющих его народов, которая зафиксирована в так называемой «Зеленой папке» Геринга.

В «Зеленой папке» содержался тщательно и детально разработанный план эксплуатации и разграбления народного хозяйства СССР. Ни одна отрасль советской экономики не ускользнула от внимания гитлеровцев. Для каждой экономической области были сделаны соответствующие «рекомендации». Все они были проникнуты одной общей мыслью: грабить побольше, грабить поэффективней, не считаясь ни с кем и ни с чем. Вывести в Германию как можно больше продовольствия и нефти — такова была главная экономическая задача, поставленная гитлеровским руководством.

«Совершенно неуместно мнение о том,— говорилось в документе,— что оккупированные области должны быть возможно скорее приведены в порядок, а экономика их восстановлена. Напротив, отношение к отдельным частям страны должно быть чрезвычайно разнообразным. Восстановление порядка должно производиться только в тех областях, в которых мы можем добыть значительные резервы сельскохозяйственных продуктов и нефти»³⁷.

В соответствии с директивой Гитлера о нанесении возможно большего ущерба собственно России предусматривалось проведение мероприятий, целью которых было разрушение производительных сил, в первую очередь промышленного производства в главных промышленных районах России, прежде всего в Москве и Ленинграде, а также в прилегающих к ним районах. Одновременно планировалось прекратить снабжение населения этих областей продовольствием и товарами первой необходимости, что означало голодную смерть для десятков миллионов людей. В документе цинично указывалось: «Многие десятки миллионов людей в этом районе окажутся лишними и вынуждены будут или умереть, или выехать в Сибирь. Всякие попытки спасти население от голодной смерти путем импорта излишних продуктов из черноземных районов происходили бы за счет вывоза продуктов питания в Европу. Такой вывоз продуктов снизил бы военную мощь Германии и подорвал бы в Европе и Германии силу сопротивления блокаде»³⁸.

16 июля 1941 г. Кейтель отдал приказ всем частям германской армии неуклонно выполнять эти директивы. Тем самым немецкая армия стала прямым соучастником фашистских преступлений.

Позднее, в августе 1942 г., на совещании рейхскомиссаров оккупированных областей и представителей военного командования Геринг с подчеркнутым цинизмом говорил: «Когда-то это называли разбоем. Это соответствовало формуле отнимать то, что завоевано. Теперь формы стали гуманнее. Несмотря на это, я намереваюсь грабить и грабить эффективно»³⁹.

Политическими проблемами будущих оккупированных территорий Советского Союза Гитлер поручил ведать одному из теоретиков национал-социализма Розенбергу. Еще в 1933 г. остзейский барон Альфред Розенберг опубликовал книгу «Миф XX столетия», которая стала важнейшим

пособием фашистских расистов. В этой книге Розенберг с претензией на научность разбирал характерные особенности различных цивилизаций и культур и приходил к выводу, что только арийская раса сохранила способность к дальнейшему развитию. Фашистский «теоретик» поучал: «должна быть установлена диктатура людей высшего порядка над людьми низшего порядка». К первым Розенберг причислял «нордическую расу», в первую очередь немцев, ко вторым — все другие народы, прежде всего славян.

Подобно Гитлеру, Розенберг твердил, что в Россию культура была привнесена немцами. «У русских же всегда дремало стремление к безграничному распространению, необузданная воля к разрушению всех форм жизни, ощущаемых лишь как голое ограничение. Смешанная монгольская кровь, даже сильно разбавленная, вскипала еще при всяком потрясении русской жизни и увлекала людей на дела, зачастую непонятные даже самому участнику». Эти дикие представления о русском народе вдалбливались фашистскими теоретиками изо дня в день в головы своих сподвижников. Им внушалась мысль о якобы особом предназначении немцев «на этом варварском востоке». Розенберг требовал изгнания русского народа из Европы, вытеснения его в Азию, ибо «на западе для него нет места». Этому оголтелому расисту и ненавистнику советского народа и была поручена разработка политических планов относительно советских территорий, которые Германия намеревалась захватить.

В одном из секретных документов, подготовленных Розенбергом в начале апреля 1941 г., он предлагал расчленить Советский Союз на ряд областей. Наиболее жесткие меры он считал нужным применить против России — «Великороссии с Москвой как центром», которую он собирался максимально ослабить и превратить в область ссылки нежелательных элементов, т. е. создать на этой территории гигантский концентрационный лагерь. Он хотел отделить прибалтийские республики — Латвию, Литву и Эстонию — от СССР. Их предполагалось заселить представителями «нордической расы» — скандинавами, голландцами, а позднее, после неизбежной, по мнению гитлеровцев, капитуляции Англии, и англичанами. «Независимая» Украина и присоединенные к ней «Донская область» и Кавказ образовывали «Черноморский союз», который и должен был служить для немцев «жизненным пространством», от-

куда народ господ черпал бы продовольствие и сырье⁴⁰. Впрочем все эти проекты, изложенные Розенбергом в памятной записке от 2 апреля 1941 г., были лишь более детальным повторением старых бредовых идей немецких фашистов, относящихся еще к 20-м годам. Но теперь все эти планы вдруг получили особо зловещее звучание.

20 апреля Розенбергу было поручено возглавить работу по уточнению немецкой оккупационной политики на востоке. В апреле — мае 1941 г. из недр подчиненных ему ведомств выходит серия инструкций для имперских комиссаров будущих оккупированных земель на востоке. Из всех этих инструкций явствовало, что Германия намерена расчленив Советский Союз, обескровить его, превратить советские территории в немецкие колонии, а их население — поработить.

За три дня до нападения на СССР Розенберг заявил своим ближайшим сотрудникам: «Задача накормить немецкий народ стоит первой в списке требований Германии на востоке. Южные (русские) территории должны будут служить для питания немецкого народа. Мы не видим абсолютно никаких причин для обязательств с нашей стороны кормить также русский народ продуктами этой дополнительной территории... Будущее уготовило для русских весьма тяжелые годы»⁴¹.

Реализация программы порабощения советских людей началась немедленно после нападения на СССР. 16 июля 1941 г. Гитлер созвал совещание высших должностных лиц третьего рейха, на котором изложил детальную программу раздела СССР. В протоколе совещания, составленном Мартином Борманом, одним из наиболее влиятельных лиц фашистского государства, записано, что Гитлер провозгласил целью войны захват территорий СССР до Урала. Намечалось присоединить к Германии, т. е. превратить в области фашистской империи, Прибалтику, Крым с прилегающими районами, волжские районы. Немецкой концессией, «военной колонией», становилась Бакинская область. Украине, Белоруссии и другим районам Советского Союза готовилась участь колоний Германской империи, несмотря на различные формы административного устройства, которые немецкие завоеватели собирались им придать.

На территориях Эстонии, Латвии, Литвы и Белоруссии предполагалось создать германский протекторат во главе

с имперским комиссаром. На этих территориях должны были проводиться «германизация подходящих в расовом отношении элементов, колонизация представителями германской расы и уничтожение нежелательных элементов»⁴². Таким образом, и прибалтийским народам угрожало либо онемечение, либо смерть. В ходе войны немецкие фашисты следовали этой человеконенавистнической политике. Крупнейшие центры страны, прежде всего Ленинград, были обречены на разрушение. В документе совещания от 16 июля говорилось: «Фюрер хочет сравнять Ленинград с землей, с тем чтобы затем отдать его финнам»⁴³.

Гитлер не скрывал, что цель нацистских руководителей заключалась в навечном присоединении советских земель к Германии. «...Мы сами,— говорил Гитлер на совещании 16 июля 1941 г.,— должны совершенно ясно отдавать себе отчет, что мы никогда не уйдем из этих стран»⁴⁴. Гитлер предлагал руководствоваться таким принципом: «Никогда никакой военной силы не должно быть создано к западу от Урала, если даже нам придется вести войну еще 100 лет с этой целью. Всякий преемник фюрера должен знать, что безопасность рейха существует в том случае, если к западу от Урала не будет никаких иностранных армий. Германия сама будет защищать эти районы от всех могущих представиться опасностей. Наш железный принцип сводится и будет сводиться к следующим целям: мы не должны никому разрешать, кроме немцев, носить оружие»⁴⁵.

13 марта 1941 г. верховное командование германских вооруженных сил издало секретный приказ — дополнение к директиве № 21 (план «Барбаросса») — о мероприятиях, которые следует проводить в зонах, объявляемых оперативными. Здесь рейхсфюрер СС получал особые полномочия и под собственную ответственность проводил меры по ликвидации политического устройства этих областей. Но, подчеркивалось в директиве, главнокомандующий войсками в каждой области (они делились на три: Северная — Прибалтика, Центральная — Белоруссия, Южная — Украина) является высшим начальником, и ему надлежит вершить правосудие в тесном сотрудничестве с назначенными рейхскомиссарами оккупированных советских областей⁴⁶. Следовательно, речь шла о тесном сотрудничестве военного командования с СС в осуществлении политики

Германии на оккупированных советских территориях. Немецкие генералы несут, таким образом, полную ответственность за совершенные злодеяния.

**Прежде всего —
уничтожить военнопленных,
а затем мирных жителей...**

Одной из составных частей плана войны против СССР было уничтожение советских военнопленных. В марте 1941 г. верховное командование созвало секретное совещание начальников отделов военных округов по делам военнопленных и офицеров главного командования. Начальник управления по делам военнопленных генерал-лейтенант Рейнеке заявил, что в связи с подготовкой войны против СССР необходимо позаботиться о подготовке лагерей для будущих пленных. Лагери должны были представлять собой открытое пространство, огороженное колючей проволокой. Участники совещания получили прямую инструкцию об обращении с советскими военнопленными, «предусматривавшую расстрел без всякого предупреждения при попытке к бегству»⁴⁷.

30 марта верховное командование собрало высших офицеров, которые должны были командовать войсками в войне против СССР. Это было совещание, подобное тем, которые Гитлер созывал накануне войны против Польши (22 августа 1939 г.) и перед наступлением на Западном фронте (23 ноября 1939 г.). В длинной речи Гитлер подчеркнул особенность новой войны, которую он давно мечтал осуществить, — войны двух различных мировоззрений. В этом выступлении Гитлер заявил об особой подсудности в оккупированных областях, вернее о ликвидации всякого правосудия, об истреблении советских «комиссаров и функционеров». Советских партийных работников и политических руководителей Красной Армии запрещалось рассматривать как военнопленных. Будучи взяты в плен, они должны были немедленно передаваться специальным отрядам SD (служба безопасности), а в случае невозможности это сделать подлежали расстрелу на месте. Гитлер заранее оправдывал насилия и убийства, которые немецкие солдаты могли совершать на оккупированных территориях, и настаивал, чтобы военные суды не при-

меняли к солдатам в этих случаях строгих наказаний. Практически это был призыв к убийству советских граждан. Гитлер заявил, что в войне против Советского Союза надо отбросить всякую солдатскую этику и законы ведения войны и быть беспощадным, ибо речь идет не только о том, чтобы разгромить Красную Армию, но и «на все времена искоренить коммунизм»⁴⁸.

12 мая 1941 г. верховное командование германских сухопутных сил издало директиву об отношении к советским комиссарам и политработникам, попавшим в немецкий плен. В ней предлагалось пленных этих категорий передавать службе безопасности и полиции для последующего уничтожения.

Параграф 3 директивы гласил: «Политические руководители в войсках не считаются пленными и должны уничтожаться самое позднее в транзитных лагерях. В тыл не эвакуируются»⁴⁹. Йодль сделал такую приписку к проекту директивы: «Следует считаться с возможностью репрессий против германских летчиков. Лучше всего поэтому представить это мероприятие как расплату»⁵⁰. Эта приписка как нельзя лучше характеризует вероломство и злодейство немецкого генералитета, отрицающего свое участие в преступлениях гитлеровцев. Но и в отношении военнопленных других категорий действовала директива верховного командования вооруженных сил, в которой, в частности, указывалось, что применение оружия против советских военнопленных считается правомерным и освобождает караульных от «обязанностей разбираться в формальностях». Охране предписывалось открывать огонь по пленным, пытающимся совершить побег, без предупреждения. В этом документе, изданном еще до начала войны, содержался почти открытый призыв к убийству военнопленных. Убийцы заранее освобождались от всякой ответственности. Следует подчеркнуть, что за этот приказ прямую ответственность несло германское верховное командование, прежде всего его руководители — Кейтель, Йодль и Хойзингер.

На Нюрнбергском процессе советский обвинитель генерал Руденко спросил Кейтеля: «Значит, вы не отрицаете, что еще в мае, более чем за месяц до войны, уже был запроектирован документ об уничтожении русских политических и военных работников. Вы не отрицаете этого?»

Кейтель: Нет, я не отрицаю этого, это было результатом тех распоряжений, которые были доведены до сведения и письменно разработаны генералами в данном документе»⁵¹.

Немецкие фашисты вместе со своими генералами со свойственной им педантичностью за четыре недели до войны с СССР запланировали также и убийства мирных жителей на оккупированной территории без суда и следствия. В соответствующей директиве указывалось, что арестованные подозрительные лица немедленно должны быть доставлены к офицеру, который тут же решает, должны ли они быть расстреляны. В отношении советских мирных жителей устанавливался полный произвол военщины.

Директивы немецкого военного командования, изданные накануне нападения на СССР, отражали те злодейские планы, которые выработали гитлеровцы. В дальнейшем в ходе войны немецкие фашисты и их сателлиты проводили чудовищную политику геноцида, приведшую к уничтожению миллионов людей.

Немецкая разведка против СССР

В начале сентября 1940 г. начальник абвера (военной разведки) адмирал Канарис получил приказ Йодля усилить разведывательную деятельность в связи с подготовкой операций против СССР. Йодль предупреждал, что немецкие приготовления не должны создавать впечатления у Советского Союза, что Германия готовит наступление на востоке. Подобный же приказ был сообщен и всем другим родам войск.

В предыдущие годы немецкой разведывательной службе не удалось создать на территории Советского Союза достаточно эффективной шпионской сети. Бдительность советских людей разрушала не одну попытку германской разведки. Видный сотрудник абвера Леверкюн писал после окончания второй мировой войны, что «засылка в Россию агентов из Германии была возможна лишь в очень редких случаях»⁵². Однако к его утверждению следует относиться с осторожностью. Информация, которая изучалась в Берлине, состояла, как правило, из агентурных данных, сообщений прессы, рассказов возвра-

щающихся из Советского Союза или следовавших транзитом через советскую территорию корреспондентов, дельцов и туристов. Важным источником информации были сведения, получаемые от военно-дипломатических представителей Германии в Советском Союзе и соседних с ним государствах⁵³.

К числу вспомогательных учреждений немецкой разведки принадлежал специальный институт-библиотека, в котором были собраны все материалы о России, имевшиеся в Германии. Перед войной институт, находившийся в Бреслау, занимался сбором сведений о советской экономике, шоссе и железных дорогах, отношениях между народами, населяющими Советский Союз, политической жизни в стране, словом, всем комплексом вопросов, касающихся Советского Союза. Позднее институт был переведен в Берлин и стал известен как «Ванзее институт», по названию предместья Берлина, в котором он был размещен⁵⁴.

Различные немецкие разведывательные учреждения пытались использовать в целях шпионажа против СССР захваченные после поражения Польши документы польской разведки, которая в предвоенные годы вела обширную шпионскую работу против Советского Союза. Была также частично выявлена и привлечена к сотрудничеству агентура польских разведывательных органов, а также бежавших в Германию и Скандинавию офицеров и сотрудников секретных служб из прибалтийских государств. Все же эти попытки не давали желаемого эффекта. С большим успехом немецкая секретная служба воспользовалась ситуацией, создавшейся после поражения Польши. Перемещение населения с запада на восток и в обратном направлении, вызванное поражением Польши, открыло немецкой разведке новые широкие возможности для шпионажа против СССР на территории западных областей Украины и Белоруссии, а также Литвы, Латвии и Эстонии.

Хотя значительное число засланных немецких агентов обезвреживалось тут же, на советско-германской границе, частично им удавалось проникнуть в глубь советской территории, а некоторым даже достичь таких важных центров, как Ленинград и Киев^{54а}. Благодаря действиям своей агентуры и воздушной разведки немецкое командование располагало данными о местонахождении

полевых аэродромов, дислокации частей Красной Армии. Сведения о вооружении и снаряжении Красной Армии, судя по дневникам генерал-полковника Гальдера, далеко не отличались точностью. Немецкая агентура часто путала вооружение Красной Армии, производимое в Советском Союзе, с брошенным на территории Западной Украины и Западной Белоруссии польским вооружением и оснащением и делала отсюда неверные выводы. Широко известен факт, как был поражен Гитлер, узнав уже во время войны о существовании советских танков Т-34 и КВ, и с каким недоверием он с тех пор относился к сведениям немецких разведывательных органов.

Но все же нельзя с достоверностью утверждать, что Германия не располагала существенными данными стратегического характера относительно вооруженных сил и экономики Советского государства. Однако при оценке разведывательных данных верховное командование допускало серьезные ошибки. Так, оно недооценило сведения о возможностях эвакуации советской промышленности на восток. Не доверяло оно данным разведки и об успехах СССР в области техники. Наиболее важным просчетом был, разумеется, просчет немецких политических, дипломатических и разведывательных кругов относительно морального состояния населения СССР и политической стабильности страны. Роковые для гитлеровцев просчеты были допущены и в оценке производственных возможностей промышленности СССР в восточных районах страны. Из важных военных сведений к моменту нападения на СССР немецкая разведка располагала сведениями о советских пограничных укреплениях, данными о некоторых советских дивизиях, дислоцированных в западных областях Советского Союза.

По утверждению Леверкюна, важным источником получения разведывательных данных служила белоэмигрантская эмиграция. Внедрение немецких агентов в белоэмигрантские организации, где, как считалось, имеются лица, сочувствующие Советскому Союзу, стало особенно интенсивным с начала 1941 г. Специальное внимание было обращено на украинских националистов, от бывшего гетмана Скоропадского до Бандеры, Коновальца и Мельника. Все они находились на содержании гитлеровской разведки. После поражения Польши украинскими националистами непосредственно руководил отдел немецкой разведки, рас-

положенный в Кракове. Еще в 1938 г. абвер начал подготовку диверсионно-террористических групп украинских националистов, обучая их технике террора и различным видам подрывной деятельности. Некоторое ослабление связей с украинскими националистическими антисоветскими организациями произошло в связи с передачей Венгрии в 1939 г. Закарпатской Украины. Бешенству украинских националистических лидеров, рассчитывавших на создание с помощью немцев «Великой Украины», не было предела. На помощь немецкой разведке, пришла... японская, которая взяла на себя руководство бандами Мельника и Бандеры и субсидирование их. Однако по мере приближения сроков нападения на СССР гитлеровцы вновь восстановили связь с украинскими националистами, которые во время советско-германской войны служили гитлеровцам верой и правдой, предавая украинский народ. Они «прославились» как самые жестокие палачи, творившие чудовищные злодеяния на оккупированной немецко-фашистскими захватчиками советской территории.

Одним из важных звеньев немецкой разведывательной сети против Советского Союза была организация в Софии, созданная немецким разведчиком, работавшим в военном атташате германского посольства, доктором Делиусом (настоящее имя Отто Вагнер). Делиус осуществлял сбор военной и экономической информации о Советском Союзе, засылал с Черноморского побережья немецких агентов в Советский Союз. Обязанности сотрудников Делиуса заключались также в ведении шпионажа и подрывной деятельности против других государств, в частности против Соединенных Штатов Америки⁵⁵.

Внимание разведывательных органов все больше нацеливалось на восток. Руководитель одного из отделов главного имперского управления безопасности Шелленберг писал в своих мемуарах: «Западные секторы нашей сети безопасности должны быть ослаблены для усиления восточных»⁵⁶.

Руководители разведывательных служб -- военной и гестапо -- периодически обсуждали разведывательные материалы, полученные из СССР. Основные разногласия были по поводу оценки советской военной продукции. Шелленберг считал, что советская тяжелая промышленность находится на довольно высоком уровне. Это, в частности, касалось производства танков. Он был убежден,

что в производстве находятся типы танков, превосходящие немецкие. Канарис отказывался в это верить. К своему заключению Шелленберг пришел в связи с приказом Гитлера произвести впечатление на Советский Союз мощью Германии. Для этого в марте 1941 г. советский военный атташе был приглашен посетить танковые заводы и школы подготовки танкистов. Увидев, что отношение военного атташе к показанному совсем иное, чем на то рассчитывали, Шелленберг сделал вывод, что в СССР имеются более совершенные типы танков⁵⁷. Расхождения были и по поводу оценки советской железнодорожной сети вокруг Москвы, вблизи Урала и т. д.

Шелленберг отмечает, что если собранный разведывательными службами материал не укладывался в концепцию военно-планирующих органов, то они попросту игнорировали его.

«Несмотря на склонность Канариса недооценивать технический прогресс, достигнутый Россией,— пишет Шелленберг,— в поздних беседах с ним господствовали страхи, что мы будем теперь вовлечены в войну на два фронта со всеми ей присущими опасностями. Мнение же генерального штаба заключалось в том, что наше превосходство в войсках, техническом оснащении и в военном руководстве настолько велико, что концентрированная кампания против России может быть закончена в течение десяти недель»⁵⁸.

Гитлер и Гиммлер разделяли точку зрения Гейдриха о том, что военное поражение настолько ослабит Советское государство, что с помощью политических агентов Германии можно будет добиться его полного крушения. Руководители разведывательных ведомств Канарис и Шелленберг, очевидно, были более осторожны в своих оценках. Канарис, например, пытался предостеречь Кейтеля от недооценки мощи советского строя. Однако Кейтель отклонил его доводы, заявив, что меры, предпринимаемые Гитлером в войне против СССР, настолько сильны, что «советская система, как бы прочно она ни была установлена, не сможет противостоять им»⁵⁹.

Деятельность немецкой контрразведки заключалась прежде всего в попытках внедрения своих агентов в советскую разведывательную сеть в Германии с тем, чтобы держать последнюю под своим непрерывным наблюдением и стараться дезинформировать ее. В частности, было

решено подбросить советским разведчикам такие материалы, из которых можно было бы заключить, будто германское руководство решило возобновить план «Морской лев» и вести интенсивные операции против Англии⁶⁰. Но эта затея не удалась. Советская разведка располагала вполне достоверной информацией о действительных намерениях Германии. Материалы немецкой разведки, по свидетельству Шелленберга, Гитлер изучал весьма тщательно, требуя представления ему все новых и новых данных о состоянии советских оборонительных сооружений и вооруженных сил⁶¹.

Руководитель абвера Канарис в последние недели перед нападением на СССР проявлял нервозность, так как полагал, что расчеты верховного командования, связанные с прогнозами о ходе и продолжительности военных операций против Советского Союза, нереальны, основаны на неправильных оценках и свидетельствуют о самодовольстве и чересчур большом оптимизме Браухича, Кейтеля, Гальдера и Йодля. Это еще раз подтверждает, что позднейшие заявления немецких генералов, будто они пытались удержать Гитлера от нападения на СССР, не соответствуют действительности. Не кто иной, как Кейтель, заявил Канарису: «Вы можете кое-что понимать в контрразведке, но вы моряк и не пытайтесь давать нам уроки стратегического и политического планирования»⁶². Настойчивость Канариса объяснялась главным образом его страхом перед перспективой ведения войны на два фронта.

Хотя с ноября 1940 г. Гитлер был полностью поглощен изучением информации относительно СССР, он проявлял беспокойство относительно позиции Соединенных Штатов Америки. Немецким разведывательным органам было дано задание выяснить позицию Соединенных Штатов Америки, потенциальные возможности их промышленности, особенно самолетостроительной и судостроительной. От этого, как считали в высших военных кругах, и зависит то количество времени, каким будет располагать Германия до того, когда начнется война на два фронта. Руководители разведывательных служб сходились во мнении, что если производственная мощь США будет поддерживать военные усилия Англии, то это, несомненно, приведет к вторжению на континент. Высадке будет предшествовать мощное воздушное наступление.

Дипломатическая подготовка

Решение о нападении на СССР немедленно оказало соответствующее воздействие и на германскую внешнюю политику, дало ей новый импульс и направление. Вскоре после заключения перемирия с Францией в Компьене перед дипломатическим ведомством рейха встал ряд задач. Наиболее важными среди них были: завершение политической консолидации главных фашистских держав; приспособление внешней политики и экономических ресурсов других союзников и сателлитов Германии к нуждам немецкой военной машины; втягивание в какой-либо форме побежденных государств в предполагаемую войну; проведение систематического политико-дипломатического наступления на позиции Советского Союза, жизненно важные для интересов СССР. Все это должно было привести к созданию благоприятных стратегических, политических и дипломатических условий для будущей войны.

27 сентября 1940 г. фашистские агрессоры — Германия, Италия и Япония — подписали между собой военнополитическое соглашение, в котором был зафиксирован предварительный раздел мира между ними. Германия получала «Евроафриканское пространство», Италия — Средиземноморье, Япония — «Восточноазиатское пространство». К моменту подписания Тройственного пакта Германия значительно укрепила свое положение в Румынии и Венгрии, а также в Болгарии. За месяц до того, 30 августа 1940 г., по решению Германии и Италии от Румынии была отторгнута и передана Венгрии Северная Трансильвания. Совершив этот акт, Германия укрепила свои позиции по отношению к этим двум странам и начала оказывать все большее влияние на их политику. В своей политике по отношению к Румынии Германия руководствовалась в немалой степени интересом к румынской нефти. Румынские нефтерождения в Плоешти были для Германии единственным крупным источником природной нефти. Румыния служила для германского хозяйства важным аграрно-сырьевым придатком. Кроме того, территория Румынии представляла удобный плацдарм для нападения на СССР с юго-запада.

Еще 28 июня 1940 г. Советский Союз потребовал от Румынии возвращения Бессарабии, незаконно отторгнутой

у него в 1918 г. Бессарабия была возвращена Советскому государству. Тогда же в состав СССР вошла Северная Буковина, народ которой еще в ноябре 1918 г. принял решение о воссоединении с Советской Украиной. Эти мероприятия имели для СССР немаловажное стратегическое значение в случае нападения гитлеровской Германии.

После второго венского арбитража, в сентябре 1940 г., румынский король Кароль счел за благо отречься от престола. Презируемый и ненавидимый своими соотечественниками, он покинул страну. Демократические силы в Румынии были в то время разобщены и слишком слабы, чтобы взять судьбу страны в собственные руки. Власть была захвачена генералом Ионом Антонеску, фашистом по убеждению и сторонником ориентации на Германию.

В стране была установлена жестокая диктатура. По приглашению Антонеску в Румынию прибыла германская «военная миссия», настолько многочисленная, что фактически это означало оккупацию страны немецкими войсками. 23 ноября 1940 г., вскоре после посещения Антонеску Берлина и Рима, где его воинственные планы в отношении СССР нашли сочувственный отклик, Румыния присоединилась к Тройственному пакту. Вскоре Антонеску подписал с Германией ряд соглашений экономического порядка, которые еще прочнее привязали Румынию к гитлеровскому рейху.

Предоставление затем Германией гарантии целостности Румынии подчеркивало готовность Румынии полностью придерживаться внешнеполитического курса, начертанного Берлином. 5 марта 1941 г. румынский «кондукатор» был вызван в Вену к Герингу, который потребовал максимального расширения производства нефти и решительного сокращения ее вывоза в другие страны. При этом Геринг делал Антонеску весьма прозрачные намеки относительно возможности германо-советской войны и советовал румынскому диктатору усилить противовоздушную оборону нефтяных источников. Антонеску заявил, что 30 румынских дивизий подготовлены к боям. Антонеску не скрывал своей ненависти к Советской стране, утверждая, как всегда делают агрессоры в подобных случаях, будто СССР концентрирует свои войска в Бессарабии. Беседа с Герингом не могла оставить у Антонеску никаких сомнений относительно приближающейся войны с СССР⁶³.

Спустя три недели, в начале апреля, в связи с подготовкой нападения на Югославию, под предлогом «неуверенности» в отношении позиции СССР, Гитлер через верховное командование вермахта предложил Антонеску «расширить приготовления к обороне на русской границе, не вызывая при этом подозрения России проведением всеобщей мобилизации». Особое беспокойство высказывал Гитлер по поводу охраны нефтяных источников. Гитлер требовал, чтобы все силы, находящиеся в Румынии, немецкие и румынские, были собраны таким образом, чтобы их можно было бы немедленно перебросить на румынский восточный фронт⁶⁴. Но румынский диктатор и поддерживавшие его круги монополистической буржуазии и помещиков и сами питали воинственные намерения в отношении СССР и других своих соседей. Жадно следила румынская правящая клика за войной в Югославии, требуя предоставления Румынии части добычи, а именно Баната. 28 апреля 1941 г. Антонеску убеждал немецкого посланника в Бухаресте Киллингера в необходимости как можно скорее напасть на Советский Союз. В частности, генерал объяснял немецкому дипломату, что необходимо предотвратить «угрозу объединения славян», а историческая миссия Румынии, оказывается, в том всегда и заключалась, чтобы служить барьером «против славян и турок». В связи с этим Антонеску предлагал Германии выйти к Черному морю в двух направлениях: через Львов и через Румынию, установить кондоминиум (совместное владение) над значительной частью Сербии и Греции и развивал другие планы порабощения славянских народов. Первым шагом в этом направлении должно было быть нападение на СССР. Россия будет быстро разгромлена, льстиво заверял Антонеску. Тогда, продолжал он, откроется путь к «нефти Баку и Ирака и к Индии». Антонеску призывал немцев начать войну против СССР как можно скорее, чтобы воспользоваться урожаем на советских полях. Догадываясь о намерениях Германии и о том, что Гитлер занят поисками аргументации для оправдания нападения на СССР, Антонеску провокационно уверял Килленгера, будто бы существует план сотрудничества между Югославией, Грецией, Турцией, СССР и англо-американским блоком⁶⁵. При этом он отлично знал, что на самом деле такого плана не существовало. Хотя румынские правящие круги стояли за скорейшее развязывание войны, директива верховного

командования германских вооруженных сил «Об участии иностранных государств в плане „Барбаросса“» предписывала начать переговоры с Румынией «как можно позже». Немецкое командование не очень надеялось на сдержанность своего не в меру темпераментного союзника. Директива верховного командования германских вооруженных сил устанавливала очередность переговоров с союзниками в такой последовательности: Финляндия, Венгрия, Румыния. Что касается Италии, то Гитлер решил ничего не сообщать Муссолини до самого последнего дня⁶⁶. Правительство Антонеску едва сдерживало свое нетерпение: когда же, наконец, начнется война против СССР? Об этом, в частности, в чуть-чуть завуалированной форме спрашивает 30 мая 1941 г. статс-секретаря германского МИДа Вермана посланник Румынии в Берлине. Опасаясь, однако, что преждевременная огласка может вызвать нежелательные политические и военные осложнения, гитлеровцы продолжали держать точную дату нападения в глубокой тайне⁶⁷. Наконец, румынский диктатор был вызван в Мюнхен на 11 июня. Там в присутствии Кейтеля, Йодля и других высших немецких генералов Гитлер сказал Антонеску о своем намерении напасть на СССР. Восторгу румынского диктатора не было предела. Он заверил Гитлера, что Румыния будет активно участвовать в войне с самого первого дня. Рвение Антонеску было принято во внимание. Он был назначен главнокомандующим на румынском участке фронта⁶⁸.

За четыре дня до нападения на Советский Союз (18 июня 1941 г.) Гитлер направил Антонеску письмо, в котором сообщил, что на немецкие войска, находящиеся в Румынии, а также на румынские вооруженные силы возлагается обязанность удерживать румынскую территорию. Специальное внимание обращалось на необходимость обеспечить безопасность нефтяных районов, гавань в Констанце и мосты через Дунай от воздушных налетов, парашютистов и диверсантов. Румынской армии предлагалось создать видимость большей концентрации войск на румыно-советской границе, чем это было на самом деле. В дальнейшем предполагались совместные действия румынских и немецких войск на территории Советского Союза⁶⁹.

Хортистская Венгрия, получив из рук гитлеровской Германии Северную Трансильванию, а еще раньше Закарпатскую Украину и Южную Словакию, тем самым

становилась соучастницей немецкого агрессора. Вся дальнейшая история Венгрии вплоть до вступления ее в войну против Советского Союза была в значительной степени predetermined результатами второго венского арбитража. Хортистскому правительству была брошена и другая приманка: в сентябре 1940 г. Гитлер дал понять, что в будущем возможно полное удовлетворение территориальных претензий Венгрии, которые включали не только всю Трансильванию, но и Банат. Вопрос о Трансильвании и в дальнейшем использовался Германией для того, чтобы заставить Румынию и Венгрию следовать ее политике. 20 ноября Венгрия присоединилась к Тройственному пакту. В дипломатической игре, которую Германия вела осенью и зимой 1940 г. на Балканах, стремясь полностью обеспечить свой тыл в районе балкано-дунайского бассейна в предстоящей войне против СССР, хортистской Венгрии отводилась особая роль. Она заключалась в том, чтобы оказать помощь Германии в нейтрализации Югославии, а если это не удастся, то в войне на уничтожение югославского государства.

В связи с этим Германия не возражала против заключения между Венгрией и Югославией договора о «вечном мире», который и был подписан в Белграде 12 декабря 1940 г. Некоторые венгерские и югославские круги рассчитывали на то, что договор в дальнейшем может быть использован для противодействия установлению германского господства на Балканах. То же полагали и в англо-американских кругах. Однако этим надеждам не удалось осуществиться. Германия с особым вниманием наблюдала за тем, чтобы развитие событий шло в нужном ей направлении, и не допускала никаких отклонений от начертанного ею для балканских государств курса. Это было тем более легко сделать, что другие великие державы либо устранились от участия в балканских делах, либо не обладали реальными возможностями, чтобы противостоять немецкому натиску. Только Советский Союз несколько раз проявлял свое отрицательное отношение к планам установления немецкого господства на Балканах.

Осенью 1940 г. и в начале 1941 г. между Германией и Венгрией усилились контакты и по военной линии. В декабре 1940 г. штаб верховного командования вермахта посетил военный министр Венгрии Барт. В результате последовавших переговоров Венгрия дала свое принци-

пальное согласие на участие при определенных обстоятельствах в войне против Югославии, СССР, а также изъявила готовность пропустить немецкие войска через территорию Венгрии⁷⁰. Венгрия согласилась также выставить для войны против СССР 15 соединений.

Попытки некоторых влиятельных венгерских кругов во главе с премьер-министром Палом Телеки проводить политику балансирования между германо-итальянским блоком и англо-американским с тем, чтобы добиться осуществления аннексионистских требований, не принимая при этом активного участия в военной агрессии гитлеровской Германии, окончились неудачей. 27 марта 1941 г. Гитлер передал венгерскому министру иностранных дел Стояи «пожелание», чтобы Венгрия приняла участие в наметившемся нападении на Югославию. «В случае конфликта,— заявил Гитлер,— Германия не будет ставить ограничений ревизионистским требованиям Венгрии»⁷¹.

На следующий день Стояи вручил Гитлеру ответ венгерского диктатора Хорти. Ответ гласил: «Я целиком и полностью с Германией»⁷².

6 апреля Германия напала на Югославию, а спустя пять дней нанесла удар в спину Югославии и Венгрии. Венгерские правящие круги рассчитывали получить за свое предательство крупную награду: югославские земли — Банат и Бачку, а в будущем рассчитывали и на поддержку Германии в их претензии на Фиуме, захваченном Италией после первой мировой войны. В результате раздела Югославии Венгрия получила лишь Бачку. предав своего соседа Югославию и оккупировав югославские земли, Венгрия была теперь связана гитлеровской Германией по рукам и ногам.

У Гитлера уже не было после этого сомнения, что Венгрия примет участие и в войне против Советского Союза. Убеждены были в этом и ответственные военные руководители Венгрии. Начальник венгерского генерального штаба генерал Верт в памятной записке правительству от 6 мая 1941 г. предлагал в предвидении нападения на СССР немедленно заключить с Германией военно-политический союз⁷³. Между генеральными штабами Германии и Венгрии начались переговоры, уточняющие конкретные задачи Венгрии в случае войны против СССР. Все же Гитлер тщательно скрывал от Венгрии, впрочем

как и от других своих союзников и сателлитов, точную дату нападения. Однако в Европе в то время уже мало кто сомневался, что вскоре начнется германо-советская война.

15 июня Риббентроп сообщил немецкому посланнику в Венгрии Эрдмансдорфу, что «самое позднее в начале июля» Гитлер собирается «прояснить германо-советские отношения», и потребовал, чтобы Венгрия провела соответствующие военные мероприятия на своей границе⁷⁴.

Спустя четыре дня, в Будапешт прибыл генерал Гальдер. Он сообщил, что война с СССР — вопрос самого ближайшего времени, и предлагал венгерскому генеральному штабу обратить внимание на укрепления линии Карпат. В то же время он рекомендовал не предпринимать ничего такого, что могло бы вызвать тревогу на советской стороне и тем помешать железнодорожным перевозкам немецких войск. Гальдер не требовал от Венгрии немедленного выступления, хотя и дал понять, что участие венгерской армии в войне против СССР не исключено. 21 июня Гитлер направил Хорти письмо, в котором сообщал о начале войны против СССР, благодарил его за мероприятия на венгеро-советской границе; они, по его мнению, создают безопасность немецкой армии от фланговых ударов и сковывают советские вооруженные силы. Однако в послании не содержалось прямого приглашения вступить в войну. В планы немецкого командования не входило немедленное участие Венгрии в войне. Кроме того, Гитлер полагал, что по политическим соображениям целесообразно заставить правящие круги Венгрии «бороться» за право воевать против «большевистской России», а Германия в этом случае могла не брать на себя обязательств относительно будущих территориальных компенсаций Венгрии. Психологический расчет был точен: венгерские фашисты были обеспокоены. Только на второй день войны против СССР, когда нервозность в венгерских правящих кругах достигла высокого накала, венгерское правительство «было приглашено» принять участие в войне против СССР.

27 июня Венгрия объявила войну СССР.

С точки зрения военно-политического руководства гитлеровской Германии, наиболее надежным союзником в предстоящей войне против СССР была Финляндия. Еще во время советско-финского конфликта финское правительство обращалось к Германии за помощью.

Несмотря на мирный договор между СССР и Финляндией, подписанный 12 марта 1940 г., финские фашиствующие реваншистские круги не оставляли планов войны против СССР. С лета 1940 г. между политическими и военными ведомствами Германии и Финляндии налаживается тесное сотрудничество на базе антисоветской политики.

В феврале 1941 г. Финляндию посетили начальник оперативного отдела германских военно-воздушных сил генерал Зайдель и начальник штаба немецких сил в Норвегии полковник Бушенхаген. В то время как визит Зайделя носил главным образом характер представительства, Бушенхаген вел переговоры с начальником финского генерального штаба генералом Хейнрихсом о возможности ведения войны против Советского Союза. Из бесед выяснилось, что финская армия будет готова прикрыть концентрацию немецких войск на территории Финляндии в районе Саала — Кандалахти (Кандалакша) и готова сама принять участие в войне. Бушенхаген делал вид, будто он рассматривает чисто умозрительные варианты, из чего финнам не следует делать каких-либо выводов. Однако и для финнов, и тем более для немцев было ясно, что Финляндия готова к военному сотрудничеству с Германией против Советского Союза⁷⁵.

В начале апреля финский министр иностранных дел Виттинг в беседе с немецким посланником Блюхером всячески подчеркивал, что Финляндия отныне ориентируется на Германию. Ради этого она прилагает все усилия, чтобы обеспечить немецкие интересы в никелевых рудниках Петсамо за счет Англии или Советского Союза, а также развивает торговлю с Германией и идет навстречу немецким пожеланиям об установлении сообщения через финскую территорию с немецкими войсками, расположенными в Северной Норвегии. «По моему личному впечатлению, — заключал свое сообщение посланник Блюхер, — министр иностранных дел был бы рад повести свою страну в объятия Тройственного пакта»⁷⁶.

Вскоре от имени верховного командования германской армии генерал Йодль сообщил видному сотруднику германского МИДа послу Риттеру о том, что наступил момент вступить в детальные военные переговоры с Финляндией, особенно о дальнейшей переброске немецких войск в эту страну, о совместном плане операций, верховном командо-

вании и т. п. Однако во время переговоров план «Барбаросса» не должен фигурировать. Верховное командование германских вооруженных сил предлагало пригласить как можно скорее двух офицеров финского генерального штаба в Германию⁷⁷.

По приказанию Гитлера 22 мая в Хельсинки отправился посланник Шнурре для переговоров с президентом Рюти и с финским правительством. Шнурре передал предложение Гитлера послать финских военных экспертов в Германию для обсуждения положения, которое может возникнуть из-за обострения германо-советских отношений. Не оставляло никаких сомнений, что речь идет о приближающемся нападении Германии на Советский Союз. Финское правительство, по свидетельству маршала Маннергейма, «единодушно решило направить военную делегацию в Германию». Переговоры происходили в штабквартире Гитлера в Зальцбурге 25 мая 1941 г. С немецкой стороны в них принимали участие Йодль, полковник Бупенхаген и др. Финская армия была представлена группой офицеров во главе с начальником финского генерального штаба генералом А. Хейнрихсом.

В отличие от общих разговоров с Румынией и Венгрией немецко-финские военные переговоры носили исключительно конкретный характер. Финской военной делегации были сообщены основные направления ударов немецких войск против СССР на севере, высказаны пожелания об участии финских войск на определенных направлениях. Финская делегация своей позицией показала, что правительство Рангеля готово вместе с Германией воевать против СССР. Было решено, что с 5 июня немецкие транспорты с войсками начнут прибывать в Финляндию. Финны потребовали девять дней для проведения мобилизации. Глава финской делегации подчеркнул готовность Финляндии принять участие в агрессии против СССР. «Присутствие финских представителей указывает на позицию Финляндии, даже несмотря на то, что пока еще отсутствуют полномочия для подписания политических обязательств», — отмечается в немецкой записи переговоров. Гитлеровцы были вполне удовлетворены. В дальнейшем по приказу Гитлера было решено ограничиться лишь теми сообщениями о предстоящей войне, которые уже были сделаны финнам во время военных переговоров⁷⁸.

4 июня Бушенхаген сообщил о «полной готовности Финляндии к военному сотрудничеству»⁷⁹. В то же время в своих переговорах с Германией финская сторона настаивала на гарантиях сохранения независимости Финляндии. Начальник финского генерального штаба предостерег немцев от попыток посадить в Финляндии какого-либо рода квислинговское правительство, что немедленно бы парализовало любое дальнейшее сотрудничество между Финляндией и Германией⁸⁰. Финское правительство, как видно, основательно изучило разбойничьи повадки гитлеровской Германии. Но опасения были тогда напрасны. Гитлера вполне устраивало именно правительство Рангеля, поскольку оно было готово тесно сотрудничать с Германией в войне против СССР. Позиция финского правительства была определенной: оно просило Германию даже в случае, если «военное решение не имело бы места (т. е. если нападение на СССР было бы отложено.— *А. Н.*), гарантировать существование Финляндии как независимого государства, гарантировать ее границы 1939 г., по возможности округленные (т. е. с приращением советских территорий.— *А. Н.*), а также предоставить ей экономическую помощь»⁸¹.

Сообщение финского министра иностранных дел Виттинга в комиссии по иностранным делам сейма о готовности Финляндии вместе с Германией принять участие в войне против СССР было с одобрением встречено подавляющим большинством членов комиссии. В эти предвоенные дни влиятельные финские официальные и неофициальные лица пытались представить действия Финляндии, начавшей 10 июня мобилизацию, как якобы оборонительные. Финские правители всеми силами пытались обмануть свой народ и внушить ему, будто Финляндия занимает оборонительную позицию, так как ей угрожает нападение со стороны Советского Союза⁸². Но это не было правдой.

Лучшим опровержением версии об «оборонительной» войне, которую якобы вынуждена была начать в июне 1941 г. Финляндия, служат следующие, подтвержденные документами факты. 14 июня Йодль передал послу Риттеру важное сообщение: финский генеральный штаб решил приступить к замаскированной мобилизации и в связи с этим потребовал подтверждения прежних немецких заверений о соблюдении интересов Финляндии в случае,

если бы нападение на СССР было отложено. Гитлер передал через Бушенхагена финнам, что «можно определенно рассчитывать на первую альтернативу» (т. е. на войну.— А. Н.). Кейтель в телеграмме Бушенхагену писал: «Вы уполномочены заявить, что требования и предварительные условия, выставленные Финляндией, к мероприятиям, которые должны быть предприняты, следует рассматривать как выполненные»⁸³.

Финское правительство, пытаясь представить перед своим народом войну против СССР как оборонительную, не останавливалось перед прямыми подлогами. Так, из опубликованного финской печатью заявления Гитлера о войне против СССР слова «в союзе с финскими дивизиями» были переведены «бок о бок с финскими дивизиями», что должно было подкрепить утверждения финского правительства, будто Финляндия ведет против СССР «отдельную» войну. Ради этой цели были организованы и провокационные налеты немецкой авиации на финские города, которые были выданы за действия советской авиации. Попытка Финляндии возложить ответственность за эти налеты на СССР была решительно отклонена советским посланником. В то же время Финляндия, стремясь выиграть время для завершения военных приготовлений к войне, уклонилась от определения своей позиции^{84—85}. 25 июня Финляндия напала на СССР.

Немаловажное значение для Германии имела позиция Турции. Формально Турция, подписавшая 19 октября 1939 г. договор о взаимной помощи с Англией и Францией, могла считаться союзником держав антигерманской группировки. Фактически политика Турции и ее позиция определялись расстановкой сил на международной арене в каждый данный момент. До крушения Франции Турция демонстрировала свою верность англо-французскому союзу, помогала Англии в проведении ее балканской политики. После поражения союзников на западе Турция стремилась улучшить отношения с гитлеровской Германией, не порывая, однако, с Англией. Короче говоря, Турция играла на обе стороны, стремясь извлечь для себя наибольшую выгоду. Изменение ситуации на Балканах — поражение Англии и изгнание ее войск с европейского континента, утверждение германского господства в Греции и Югославии — оказало огромное воздействие на турецкую политику. Турция заключила ряд чрезвычайно

выгодных для Германии экономических соглашений, значительно расширила поставку в Германию стратегического сырья (хрома, меди) и, кроме того, запретила транзит английского вооружения через территорию Турции. Турецкое правительство надеялось, что после окончания войны на Балканах Германия нападет на Советский Союз. В этом случае Турция была готова содействовать Германии любыми политическими мерами.

На следующий день, после того как Болгария примкнула к Тройственному пакту, — 2 марта 1941 г. Гитлер направил президенту Турции Исмету Иненю послание, в котором заверял, что Германия не питает в отношении Турции враждебных намерений. В своем ответе Иненю давал понять, что Турция готова пойти навстречу немецким пожеланиям. Спустя месяц, Турция не ответила на предложение Англии порвать отношения с Германией и Италией, а также нарушила свои обязательства как члена Балканской Антанты, согласно которым она должна была оказать помощь Югославии, подвергшейся нападению. Позиция Турции, занятая ею во время войны на Балканах, подтолкнула нацистских лидеров к более решительным шагам. В середине мая германский посол в Анкаре Папен начал секретные переговоры с Иненю и министром иностранных дел Сараджоглу о заключении германотурецкого договора о дружбе и ненападении. Германия, готовясь к войне против СССР, рассчитывала тем самым прикрыть свой южный фланг. Турция поставила в известность Англию о своем намерении. Англии удалось лишь добиться включения в договор условия о сохранении Турцией своих прежних обязательств. Важным стимулом, толкавшим Турцию на заключение договора с Германией, была антисоветская позиция турецких правящих кругов, которые полагали, что, заключая договор с Германией, Турция тем самым будет способствовать созданию единого антисоветского фронта капиталистических государств. Турецкий министр иностранных дел Сараджоглу убеждал Папена, что, прежде чем начать войну против Советского Союза, Германии необходимо прийти к полюбовному соглашению с Англией и Соединенными Штатами Америки. «Прежде всего вы должны вступить в переговоры о перемирии с англичанами, а затем восстановить порядок в России, действуя как представители Англии и Америки и в согласии с ними», — говорил он в

беседе с Папеном 13 мая 1941 г.⁸⁶ Весьма вероятно, что турецкие политические лидеры полагали, что такие переговоры уже ведутся между Гессом и английским правительством, и спешили выразить им свое одобрение. Заявление Сараджоглу вполне отвечало и установкам самого Папена, выступавшего за соглашение с западными государствами и за создание общего фронта против Советского Союза. Вот почему в своих донесениях германскому МИДу Папен выделяет именно эти рассуждения Сараджоглу. Турецкие государственные деятели призывали Германию поскорее напасть на Советский Союз и обещали, что Турция будет на стороне Германии. Высказывания турецких политических лидеров носили столь явно антисоветский характер, что дали основание гитлеровскому министру иностранных дел предложить Турции подписать секретное соглашение, предоставляющее Германии право неограниченного транзита оружия и военных материалов, а также определенных контингентов немецких войск через турецкую территорию. Однако Турция не рискнула пойти так далеко, так как отдавала себе отчет в том, что такой шаг поставит ее в фактическую зависимость от Германии и свобода маневрирования будет утеряна. Немалую роль при этом сыграло и предупреждение Соединенных Штатов Америки.

18 июня 1941 г., за четыре дня до нападения Германии на Советский Союз, германо-турецкий договор о дружбе был подписан. Договор этот явился важным элементом дипломатической подготовки Германии к войне против Советского Союза. 20 июня «Манчестер гардиан» писала: «Может быть, что подписание договора в этот момент связано с потоком слухов и контрслухов, утверждений и опровержений, которые изо дня в день бушуют над русско-немецкими границами,— каковы планы Гитлера, каков будет ответ Сталина? Среди этой неразберихи только одно бесспорно — от Финляндии и до Черного моря Гитлер сконцентрировал силы, значительнее тех, которые необходимы для любых оборонительных нужд»⁸⁷.

Лондонская «Таймс» подчеркивала в статье от 21 июня: «Кажется определенным, что заключение нового пакта связано с германскими планами относительно России»⁸⁸.

* * *

Уверенность Гитлера в быстром разгроме вооруженных сил Советского Союза была столь велика, что отделу ОКБ уже в феврале 1941 г. было дано задание начать подготовительную работу по выработке планов похода через Афганистан в Индию. В начале апреля уже указывалось, что следует иметь в виду возможность наступления на широком фронте в Северной Африке осенью 1941 г. После завершения войны на Балканах гитлеровцы уже подумывали о войне против Турции и Сирии. По-прежнему Гитлер не отказывался от мысли захватить Гибралтар и занять Французское Марокко.

Разгром Советского Союза должен был привести к полному крушению и Англию, территория которой подлежала оккупации немецкими войсками: обширные колониальные владения Британской империи предполагалось поделить между партнерами фашистского блока⁸⁹.

11 июня верховное командование германских вооруженных сил составило проект директивы № 32 «Приготовления на время после осуществления „операции Барбаросса“». Сама директива в несколько видоизмененном виде была подписана Варлимонтом уже 30 июня.

В проекте директивы говорилось: «После того как вооруженные силы Советской России будут сокрушены, Германия и Италия будут осуществлять военное господство над европейским континентом, в настоящее время — за исключением Иберийского полуострова. Не будет существовать больше какой-либо серьезной угрозы району Европы на суше. Для охраны и для наступательных операций, которые еще имеются в виду, потребуется существенно меньшая армия, чем та, которая была до сих пор. Центр тяжести в вооружениях переместится на военный флот и воздушные силы». Директивой предусматривались операции против английского флота, нажим на Испанию с целью заставить ее принять участие в захвате Гибралтара. Турция и Иран будут вынуждены принять непосредственное или косвенное участие в войне против Англии. В директиве, подписанной Варлимонтом, говорится уже и о захвате Тобрука, Северной Африки, о нападении на Суэцкий канал⁹⁰.

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ ПЕРЕД НАПАДЕНИЕМ ГИТЛЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ

Государство нового типа

Теперь, спустя почти четверть века после описываемых в этой книге событий, вновь и вновь задумываешься, в чем собственно заключался главный просчет Гитлера при оценке им состояния Советского государства? Приходишь к выводу, что Гитлер повторил ту же принципиальную ошибку, которую совершили до него иностранные интервенты в годы гражданской войны. Ошибка эта, вернее, роковой для них просчет заключался в непонимании сущности государства, возникшего в результате Великой Октябрьской социалистической революции, в игнорировании нового характера отношений внутри государства между классами и социальными группами, абсолютное отрицание возможности создания на базе общественной собственности нового типа отношений между классами, нациями и народами, населяющими государство, между государством и индивидуумом, вопиющее невежество гитлеровцев в области социальных отношений. Империалисты за двадцатилетний промежуток времени, прошедший с окончания гражданской войны в СССР и до начала Великой Отечественной войны советского народа, так и не смогли понять, что общественная собственность на средства производства, установленная в СССР —

государстве трудящихся,— является главным и определяющим фактором в жизни многомиллионного народа. Лишив права на владение предприятиями, землей, банками частных лиц и объявив низвергнутыми прежние частнособственнические отношения, партия коммунистов с полным сознанием принятой ею на себя великой исторической ответственности подняла самые широкие массы народа на строительство нового, социалистического общества. Не так-то просто было пройти в течение двух десятилетий расстояние, отделяющее отсталость от прогресса.

Эта грандиозная историческая перестройка происходила в неблагоприятных условиях. Первое в мире социалистическое государство рабочих и крестьян находилось в окружении враждебного капиталистического мира. Хозяева этого мира не скрывали своих стремлений тем или иным способом добиться ликвидации социалистического строя в Советском Союзе. Россия была страной многоукладной. Большинство населения страны составляли крестьяне, т. е. класс, из среды которого, как подчеркивал В. И. Ленин, ежедневно, ежечасно, стихийно рождается капитализм.

Россия, обладавшая гигантскими потенциальными возможностями, не имела прочной энергетической и индустриальной базы.

После окончания гражданской войны советский народ, возглавляемый Коммунистической партией, в очень короткий срок восстановил разрушенное империалистической и гражданской войнами хозяйство и с огромным энтузиазмом принялся за строительство социализма.

В течение исторически крайне незначительного срока — чуть побольше одного десятилетия — руками советских людей были созданы все необходимые для современного государства отрасли народного хозяйства, прежде всего энергетика. Слова В. И. Ленина: «коммунизм это есть советская власть плюс электрификация всей страны»¹ воплощались в жизнь. От Шатурской и Каширской электростанций, от Волховской гидроэлектростанции до Днепрпрогеса — какой гигантский скачок за несколько лет! Мощность электростанций Советской страны увеличилась с 1929 по 1940 г. почти в 5 раз (с 2,3 млн. до 11,2 млн. квт). Были созданы химическая, электротехническая, авиационная, автотракторная, станкостроительная и многие другие отрасли промышленности. Решительной реконструкции

подверглась металлургическая промышленность. На Украине и Урале выросли гиганты металлургии — Днепро-сталь и Магнитогорск. Новые домы, новые блюминги и металл, металл, металл, так необходимый для нужд страны и прежде всего для ее обороны. Во время пятилеток был решен принципиально важный и сыгравший огромную роль во время войны с фашистской Германией вопрос перевода сельского хозяйства на рельсы коллективизации.

Все это было сделано благодаря гигантской организаторской работе Коммунистической партии.

Гитлеровцы, с презрением относившиеся к народу, и представить себе не могли, что народные массы могут быть объединены и воодушевлены высокими идеями и во имя этих идеалов готовы на самые невероятные жертвы, страдания и подвиги. Цель гитлеровцев, этой реакционнейшей партии немецких монополий, заключалась в установлении господства немцев над всеми остальными народами, в приобретении для немецких монополий за счет грабежа других стран и народов все новых и новых богатств. Идеология гитлеровцев была, если вообще это слово применимо для характеристики взглядов немецких фашистов, идеологией банды разбойников. Впрочем, иные разбойники наверное справедливо считали бы себя обиженными таким сравнением.

Идеалом коммунистов, советских людей, идущих за Коммунистической партией, было строительство такого общества, в котором могло быть осуществлено подлинное равенство и братство и полностью устранена эксплуатация человека человеком, общества, в котором нет господствующей касты, подавляющей и эксплуатирующей большинство. В таком обществе труд является почетным правом и обязанностью каждого гражданина. Люди страны Советов самоотверженно воздвигали здание этого общества — социалистического, коммунистического.

Трудовой героизм был в годы пятилеток поистине всенародным, поистине массовым. Все это не могли понять руководители реакционнейшей партии воинствующих немецких шовинистов.

Другой просчет гитлеровцев заключался в том, что они рассматривали Советский Союз как искусственный конгломерат наций, ибо другого типа многонационального государства они не знали и не могли себе представить. А всякий конгломерат поддерживается, как они хорошо

усвоили, силой, государственной властью. Если эта власть прочна, то и народы находятся в повиновении у господствующей нации. Стóбит этой власти ослабеть, как многонациональное государство рассыпается. Разве не было так с империей Александра Македонского, с Римской империей, с Византией, наконец, со Священной Римской империей германской нации? Отсюда следовал вывод: при первых же неудачах многонациональный Советский Союз начнет распадаться на составные национальные части — отпадут Украина, Прибалтика, закавказские республики, поднимут восстание другие нерусские народы.

Но величайшим завоеванием Коммунистической партии, Советского государства как раз и было создание и затем укрепление свободного союза народов, основанного на принципах самоопределения, равенства, дружбы, пролетарского интернационализма, братской взаимопомощи. Советской власти удалось впервые в истории человечества создать свободный союз свободных от эксплуатации народов. Если учесть, что многие народы, населявшие Советский Союз, находились на разных ступенях экономического, социального и культурного развития, то можно представить себе грандиозные масштабы национального строительства в СССР. А ведь немецкие фашисты делали крупную ставку на вражду и антагонизм между народами, населяющими Советский Союз.

Не имея представления о силе пролетарского интернационализма и братской дружбы народов СССР, гитлеровцы в то же время не знали, не понимали, да и не стремились понять глубокого патриотизма народов Советского Союза, и прежде всего наиболее многочисленного народа — русского. Ненависть и презрительное отношение к славянским народам вообще, унаследованные гитлеровцами от своих предков — псов-рыцарей и немецкого дворянства, подвизавшегося на службе царского дома Романовых, были неотъемлемой частью фашистской идеологии. Немецко-фашистский расизм подкреплялся невежеством фашистских главарей.

Дикие, изуверские выходки немецких фашистов еще до прихода их к власти, преследование прогрессивных, демократических деятелей после января 1933 г., массовые убийства коммунистов, социал-демократов, расизм вообще и антисемитизм в частности, разгул реакции вызывали у советских людей резко враждебное отношение к гитлеров-

цам. На протяжении нескольких лет советские люди, подобно другим народам мира, были свидетелями лихорадочной подготовки Германии к войне. Каждый акт ее агрессии — против Австрии, Чехословакии, Испании — вызывал решительное осуждение. Борьбу против фашизма народы Советского Союза рассматривали как такое же свое кровное дело, как борьбу против белогвардейщины в годы гражданской войны.

Коммунистическая партия Советского Союза, комсомол, профсоюзы и все массовые и общественные организации систематически вели антифашистскую пропаганду среди населения. Советский народ с гордостью сознавал, что только его страна ведет неустанную и последовательную борьбу против фашистской агрессии, за организацию ей коллективного отпора. В те годы редко кто не знал выступлений М. М. Литвинова в защиту мира, против фашизма. Огромную роль в утверждении антифашистского настроения советских людей сыграли поджог гитлеровцами рейхстага в Берлине и последовавший затем процесс в Лейпциге над славным деятелем болгарского и международного рабочего движения Георгием Димитровым. Оправдание Димитрова и приезд его в Советский Союз были восприняты как триумф мирового пролетариата. В 1935 г. в Москве происходил VII конгресс Коммунистического Интернационала. Не говоря уже о замечательных решениях конгресса, которые не утратили своего значения и по сей день, следует напомнить о том неизгладимом впечатлении, которое сохранилось в сердцах многих людей от встреч с делегатами конгресса, борцами за коммунизм в своих странах, подпольщиками, многие из которых с риском для жизни приехали в Москву.

Но своего высшего торжества дух пролетарского интернационализма достиг в Советской стране во время испанских событий. Война в Испании была в течение двух с половиной лет главным предметом разговоров, горячих споров, огромной общественной деятельности. Испания, о которой абсолютное большинство советских людей имело прежде представление лишь по книгам и произведениям искусств, казалось, стала близкой Советскому Союзу. Тысячи и тысячи митингов солидарности с испанским народом, протестов против интервенции фашистов и пособничества английских и французских «умиротворителей» прошли за эти годы. В фонд помощи испанскому народу были

собраны десятки миллионов рублей. Стоило появиться на улицах Москвы испанцу, как его немедленно окружала огромная толпа. Особой любовью пользовались бойцы интернациональных бригад — этой высшей формы международной классовой солидарности. Рассказы о подвигах советских летчиков и танкистов, участвовавших в борьбе испанского народа за свободу и независимость, передавались из уст в уста. Газеты с корреспонденциями Михаила Кольцова и Ильи Эренбурга покупались нарасхват. Тысячи молодых людей, рабочих и студентов, колхозников и военнослужащих горели желанием немедленно отправиться на поля сражений в Испанию. В те годы антифашистские настроения советских людей достигли большого накала. Мало у кого были сомнения в том, что война, которая назревает, — а ее смертоносное дыхание уже доносилось из Китая, Эфиопии и Испании — будет войной против фашизма.

Быть готовым к защите Родины! Эта мысль была настолько естественна, что стала простым повседневным делом для миллионов юношей и девушек. Редко кто из учащейся или рабочей молодежи не состоял в военных или спортивных секциях Осоавиахима, добровольных спортивных обществах, не учился в аэроклубах, в школах планиристов, в школах медицинских сестер. Советское государство находилось в капиталистическом окружении. Миру угрожают фашистские агрессоры. Это было ясно и понятно каждому. Быть готовыми к решающей схватке с фашизмом, быть достойными этого великого испытания готовились десятки тысяч молодых людей. Они были убеждены, что грядущая война окончится победой социализма во всем мире. Впрочем мало кто себе представлял, какой будет война. Было хорошо известно, что воевать Красная Армия будет на территории врага, малой кровью и что в этой войне нашими союзниками будут немецкие рабочие и крестьяне, которые восстанут против Гитлера. Советские люди строго отделяли рабочих от капиталистов. Немецкий рабочий был для них другом и братом. Протягивая руку братской помощи угнетенным пролетариям мира, советские люди, естественно, рассчитывали на пролетарскую солидарность. И разве так не было в прошлом, во время гражданской войны, во время обострения англо-советских отношений в 1927 году?! Все казалось ясным и простым.

Великая индустриальная держава

К началу второй мировой войны Советский Союз превратился в мощную индустриальную державу, ресурсы которой по существу только начинали реализовываться.

Менее чем за полтора десятка лет после завершения восстановления народного хозяйства Советская страна достигла в своем экономическом развитии колоссальных успехов. Курс на преимущественное развитие производства средств производства, разработанный и принятый Коммунистической партией, обеспечил экономическую независимость Советского государства. Экономическая же независимость в свою очередь обеспечивала развитие экономики страны на здоровой основе. Особенно ярко это выявилось во время мировых экономических кризисов в 1929—1933 гг. и 1937—1938 гг., когда капиталистические страны испытывали серьезные экономические и социальные потрясения. Советская же страна не испытывала трудностей такого рода благодаря плановому хозяйству.

Нет необходимости сравнивать в этой книге экономические показатели России предреволюционной, т. е. 1913 г., и Советского Союза перед началом Великой Отечественной войны. Обратимся лишь к сравнительным данным экономического развития нашей страны в советский период. По сравнению с 1928 г. объем валовой продукции всей промышленности Советского Союза увеличился к началу Великой Отечественной войны в 7 раз, а тяжелой промышленности — в 11 раз. Основные фонды выросли к 1940 г. по сравнению с 1928 г. на 128%². Особенно стремительно развивалась промышленность в 1928—1937 гг. К исходу этого десятилетия Советский Союз занимал первое место в мире по добыче марганцевой руды, выработке синтетического каучука, а по выпуску валовой продукции машиностроения, тракторостроения и производству нефти — первое место в Европе и второе в мире; по производству электроэнергии, чугуна и стали — второе место в Европе и третье в мире; по добыче угля, производству цемента — третье место в Европе, четвертое в мире; по производству алюминия — второе место в Европе и третье в мире³. Доля Советского Союза в мировом промышленном производстве составила в 1937 г. около 10%⁴.

Важнейшей особенностью этого периода был неуклонный рост производительности труда, ибо она решала в конечном счете, кто победит в экономическом соревновании двух систем. По сравнению с 1928 г. (показатели которого берутся за 100) производительность труда в расчете на одного работающего составила 313 в промышленности, 247 в строительстве и 269 на транспорте. За счет роста производительности труда в первой пятилетке было получено 51% всего прироста промышленного производства, во второй — 79%⁵.

К началу 1941 г. решающая отрасль тяжелой промышленности — черная металлургия — обладала мощной производственной базой, оснащенной в большинстве случаев современным оборудованием. 99 доменных печей, 391 мартеновская печь, 207 электропечей, 73 конвертера, 38 электроплавильных печей, 227 прокатных станов, 51 трубопрокатный стан, 139 коксовых батарей — такие цифровые данные о развитии советской черной металлургии приводит на основании изученных им статистических материалов в своей книге советский исследователь Г. С. Кравченко⁶.

Черная металлургия служила основой военно-промышленной базы страны.

Однако географическое размещение предприятий черной металлургии далеко не соответствовало интересам обороны. Несмотря на энергичные меры по строительству предприятий черной металлургии на востоке страны, предпринятые в годы пятилеток, главной базой металлургии по-прежнему оставались предприятия, расположенные вблизи советской западной границы, на Украине. Там накануне войны производилось почти $\frac{2}{3}$ чугуна, выплавлялось около $\frac{1}{2}$ всей стали и проката. Украина давала также $\frac{2}{3}$ добычи железной руды и более $\frac{2}{3}$ выжига кокса⁷. На восточные же районы страны приходилась примерно $\frac{1}{3}$ производства черной металлургии. Лучше обстояло дело с углем, который составлял чуть меньше $\frac{2}{3}$ в общем топливном балансе страны. В юго-западных районах производилось немногим более $\frac{1}{2}$ всей добычи угля. Кроме Донбасса, уголь разрабатывался в подмосковных районах, на Урале, в Сибири, Средней Азии, Закавказье, на Крайнем Севере. Хотя удельный вес угольной промышленности этих районов был намного ниже удельного веса угля, добытого в Донбассе, с точки зрения перспективы развития такое географическое размещение открывало значитель-

ные возможности, которые и были использованы в ходе Великой Отечественной войны.

Советская страна обладала мощной нефтяной базой и неисчерпаемыми запасами жидкого топлива. В то время никто точно не мог определить нефтяные запасы страны. Основная масса нефти добывалась в Бакинском нефтяном районе — более 70% всего производства нефти. На втором месте находились северокавказские источники нефти (Грозный, Майкоп), дававшие почти 15%, за ними следовали нефтяные месторождения на Урале и в других районах страны. Новые месторождения нефти на Урале и в Поволжье таили богатейшие возможности, которые перед войной только начинали использоваться. С точки зрения стратегической сосредоточение основных источников нефти на юге страны, неподалеку от границы, было неудовлетворительным, так как они были в пределах досягаемости авиации, базирующейся в соседних государствах. Известно, что уже в ходе второй мировой войны нефтепромыслы Баку и нефтеперерабатывающие заводы в Батуми находились под непосредственной угрозой бомбардировок.

Велики были достижения Советской страны в выработке электроэнергии, хотя следует тут же отметить, что расширение промышленности требовало непрерывного увеличения количества вырабатываемой энергии, которая в основном поглощалась промышленностью и коммунальным хозяйством. Ничтожное место занимал расход электроэнергии на сельское хозяйство, что не могло не сказаться отрицательно и на уровне его развития.

Характерной особенностью развития производства электроэнергии в предвоенные годы было значительное увеличение числа электростанций в восточных районах, которые вырабатывали более $\frac{1}{4}$ всей электроэнергии в стране.

Особо важное место в военном потенциале страны занимала цветная металлургия. Она была одной из новых отраслей производства. Основные предприятия цветной металлургии были воздвигнуты в годы первой и второй пятилеток. В это же время произошла модернизация и расширение старых. Подобно электростанциям все большее число фабрик и заводов цветной металлургии размещалось в восточных районах страны. Мощным арсеналом цветной металлургии были Урал и Казахстан, поставлявшие значительную часть стратегического сырья, без кото-

рого было немыслимо бесперебойное развитие военного производства.

Значительными были успехи советского станкостроения, также нового для нашей страны вида промышленности.

Важным положительным фактором для советской военной экономики было наличие достаточного числа специалистов, квалификация которых обеспечивала запросы бурно развивающегося на основе современной техники производства. Только инженеров с высшим образованием насчитывалось в стране к началу 1941 г. почти 300 тыс. человек, что составляло $\frac{1}{3}$ общего числа специалистов с высшим образованием, работающих в народном хозяйстве. Почти 1,5 млн. человек со средним образованием, из которых более 320 тыс. составляли техники, трудились в народном хозяйстве. Хорошо налаженная система подготовки квалифицированных кадров для промышленности позволяла непрерывно совершенствовать технику и культуру производства.

В годы, предшествовавшие Великой Отечественной войне, несмотря на значительное изменение соотношения городского и сельского населения, в сельских районах проживала значительная часть населения страны⁸.

За годы пятилеток сельское хозяйство было почти полностью коллективизировано. Львиная доля товарной продукции приходилась на колхозы, остальную часть продукции давали главным образом государственные хозяйства — совхозы. В 1938—1940 гг. среднегодовой валовой сбор зерна (амбарный урожай) составлял 4756 млрд. пудов⁹. Сельское хозяйство получило за годы пятилеток значительное число сельскохозяйственных машин — тракторов, комбайнов и т. д. В то же время значительно отставало животноводство. поголовье крупного рогатого скота сократилось на 1 января 1938 г. до 50,9 млн. голов, в то время как на 1 января 1929 г. оно составляло 58,2 млн. голов. В 1938—1940 гг. положение несколько улучшилось. На 1 января 1941 г. поголовье крупного рогатого скота составило 54,5 млн. голов¹⁰.

Темпы роста валовой продукции сельского хозяйства также были неравномерными.

Накануне войны государству, опиравшемуся на колхозный строй, удалось создать продовольственные резервы на случай крайней необходимости. Отмечая положитель-

ную роль И. В. Сталина в руководстве страной и Вооруженными силами во время Великой Отечественной войны, следует сказать, что культ личности привел к серьезным ошибкам в решении ряда политических и стратегических вопросов накануне войны и в ходе боевых действий против гитлеровской Германии. Заслуги И. В. Сталина, «значение его действий и высказываний под влиянием культа личности преувеличивались, вместе с тем преуменьшалось значение деятельности Центрального комитета партии в целом»^{10а}.

Народное хозяйство Советской страны могло бы развиваться еще быстрее и достигнуть к моменту войны еще более высокого уровня, если бы на положение в стране не оказали отрицательного влияния культ личности и связанные с ним массовые необоснованные репрессии, проводимые И. В. Сталиным против партийных и советских работников. Для «теоретического» обоснования проводимых карательных мер И. В. Сталин на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. выдвинул положение о том, будто по мере продвижения к социализму классовая борьба все более обостряется. Сталин утверждал, будто появились «современные вредители» и «диверсанты», «обладающие партийным билетом». Выступавший с докладом на пленуме В. М. Молотов объявил, что чуть ли не все партийные организации засорены вредителями. Трудности, которые переживала страна в связи с быстрым ростом промышленного производства и революционными изменениями в народном хозяйстве, зачастую усугубленные ошибками и просчетами самого И. В. Сталина, он пытался выдать за происки врагов народа. Репрессии обрушились на многих партийных и советских работников, среди них были и видные деятели Советского государства.

После смерти И. В. Сталина Центральный Комитет партии принял меры к тому, чтобы покончить с произволом времен культа личности. Несправедливо осужденные были освобождены. Им были возвращены их доброе имя и все гражданские права. Были посмертно реабилитированы и те, кто пал жертвой произвола. XX съезд КПСС восстановил социалистическую законность в стране.

Репрессии, проводимые по указанию И. В. Сталина, лихорадили страну, мешали развитию производства, вселяли страх и неуверенность, сковывали инициативу. Руководители предприятий сменялись один за другим. Новые

люди, пришедшие к руководству в народном хозяйстве, часто не обладали необходимыми опытом и знаниями. Обстановка шпиономании, искусственно созданная И. В. Сталиным, усиливала подозрительность и открывала широкий простор для честолюбцев и подхалимов, для людей беспринципных и карьеристов, для шкурников и клеветников. В этих условиях требовалось известное мужество, чтобы взять на себя ответственность за то или иное производственное новшество, особенно если его преимущества становились очевидными не сразу, а лишь спустя некоторое время. Иные руководители предприятий поэтому сторонились новшеств, предпочитали жить «тихо и смирно», чтобы не подвергнуться риску быть обвиненными во вредительстве.

Все это вместе с причинами экономического порядка не могло не сказаться отрицательно на развитии пародного хозяйства, особенно в области черной металлургии. После 1938 г. там наблюдалось падение производства или топтание на месте. В 1938 г. было произведено 14 652 тыс. т чугуна, в 1939 г. оно сократилось на 132 тыс. т. Выпуск стали за то же время (1938 г. — 18 057 тыс. т) уменьшился на 493 тыс. т, проката (1938 г. — 13 258 тыс. т) — на 529 тыс. т.

Положение в черной металлургии было обсуждено ЦК ВКП(б) и Совнаркомом СССР, принявшими 2 июня 1940 г. специальное постановление, реализация которого позволила несколько выправить положение. В 1940 г. по сравнению с 1938 г. производство чугуна выросло на 250 тыс. т, стали — на 260 тыс. т, положение с прокатом продолжало оставаться в 1940 г. неудовлетворительным и начало выправляться лишь в первой половине 1941 г. В 1940 г. было произведено проката на 240 тыс. т больше, чем в 1939 г., но на 145 тыс. т меньше, чем в 1938 г. Некоторое снижение выплавки чугуна, стали и проката замедляло в свою очередь развитие машиностроения. Например, производство автомобилей сократилось в 1940 г. по сравнению с 1939 г. на 28 %, а тракторов — на 25 %.

В условиях все разраставшейся войны в Европе важнейшим условием подготовки к отпору агрессору в случае, если бы он напал на Советский Союз, было четко налаженное производство. Всячески поощряя ударников, передовиков производства, премируя лучшие предприятия и лучших рабочих, награждая их орденами и медалями,

Советское государство вынуждено было принимать строгие меры по упорядочению трудовой дисциплины.

Летом 1940 г. был издан указ, запрещавший самовольный уход с работы и самовольный переход с одного предприятия на другое, устанавливались различного рода взыскания вплоть до судебного преследования. В это же время был введен вместо 7-часового рабочего дня 8-часовой и установлена 6-дневная рабочая неделя.

Следует отметить, что эти постановления были приняты при чрезвычайных обстоятельствах. Ведь в Европе бушевала война, и надо было быть готовыми ко всяким случаям.

«Первая и самая главная наша обязанность,— говорил в докладе 6 ноября 1940 г. М. И. Калинин,— это дальнейшее укрепление хозяйственной и оборонной мощи социалистической родины»¹¹.

Для усиления военно-экономического потенциала страны имели важное значение принятые ЦК ВКП(б) и Советским правительством во второй половине 1940 г. решения о создании государственных трудовых резервов для нужд промышленности и транспорта. Трудовые резервы включали обширную сеть ремесленных училищ и школ фабрично-заводского обучения. В этих учебных заведениях готовились кадры молодых рабочих и работниц. На время обучения они полностью поступали на иждивение государства. В 1940 г. в системе трудовых резервов проходило обучение около 750 тыс. юношей и девушек.

Важное значение для обороны страны имело вовлечение в работу на производстве большого числа женщин. В 1940 г. они составляли $\frac{1}{3}$ общего числа рабочих и служащих, т. е. 11 млн. человек. В годы Отечественной войны, когда значительная часть мужского населения была мобилизована, это обстоятельство сыграло немалую роль в решении проблемы рабочей силы.

Объективный процесс развития советского общества, хотя и тормозился отрицательным влиянием культа личности и уродливыми явлениями, ему сопутствующими, не мог быть остановлен. В сферу активной производственной и общественной деятельности вовлекались все новые и новые тысячи людей. По мере роста общеобразовательного уровня расширялись интересы людей, возрастали их потребности, стремление внести свой наибольший вклад в дело строительства социалистического общества. Проявле-

нием этого стремления было широко развернувшееся социалистическое соревнование за досрочное выполнение планов третьей пятилетки, экономию на производстве, повышение производительности труда, ликвидацию штурмовщины. Рабочие многих отраслей промышленности, особенно оборонной, не жалели сил для укрепления могущества своего государства.

К 1941 г. положение в промышленности значительно улучшилось. XVIII партийная конференция, состоявшаяся в середине февраля 1941 г., отметила этот факт и приняла народнохозяйственный план на 1941 г., в котором большое внимание было обращено на развитие тяжелой индустрии и особенно тех ее отраслей, которые были связаны с обороной¹². В течение первого полугодия 1941 г. промышленное производство по всей стране продолжало быстро расти. Но на горизонте уже собирались тучи войны.

Оборонная промышленность

Советское государство всегда уделяло большое внимание оборонной промышленности. Создание мощной сырьевой и промышленной базы в годы первой и второй пятилеток позволило значительно расширить необходимое для защиты страны военное производство.

Перед войной все большее внимание уделялось развитию не зависимой от европейских районов страны промышленной базы в восточных районах и в Средней Азии. Так, в заданиях по третьему пятилетнему плану было предусмотрено создание за Волгой нового центра нефтяной промышленности, а на Урале и на Дальнем Востоке — угольно-металлургической базы; в Казахстане, а также в среднеазиатских республиках построенная в годы первых пятилеток промышленность цветной металлургии быстро расширялась. Страна приступила к реализации важнейшей задачи, имевшей огромное значение для обороны: строительству в восточных районах заводов-дублеров. В кратчайший срок были выстроены самолетостроительные, танковые заводы, предприятия по производству взрывчатых веществ, заводы радиоаппаратуры, оптического и иного оборудования.

Большое влияние на определение удельного веса военной промышленности во всем производстве страны и на

строительство вооруженных сил оказывали следующие факторы: СССР был единственным социалистическим государством среди капиталистического окружения и, следовательно, в случае вооруженного конфликта должен был полагаться исключительно на свои собственные силы. Ухудшение международного положения, локальные войны, вспыхивавшие с середины 30-х годов в разных районах мира, милитаризация капиталистических государств и особенно Германии после прихода в ней к власти фашистов заставляли Советское государство поддерживать свою военную мощь на высоком и современном уровне, чтобы не быть застигнутому врасплох какой-либо неожиданностью. Поэтому ассигнования на оборону в государственном бюджете страны составили в годы первой пятилетки всего лишь 5,4% всех бюджетных расходов, во второй — 12,6, а за три года третьей пятилетки достигли в среднем 26,4%. В связи с непосредственной угрозой войны ассигнования на оборону в 1941 г. были предусмотрены в размере 43,4% государственного бюджета¹³.

Значительными были успехи советской оборонной промышленности в области самолетостроения. Это была одна из самых молодых отраслей промышленности. Сюда пришли талантливейшие научные работники, конструкторы, инженеры, такие, как А. Н. Туполев, А. С. Яковлев, С. В. Ильюшин, С. А. Лавочкин, А. И. Микоян, В. М. Петляков, Н. Н. Поликарпов, А. А. Архангельский и многие другие.

Подобно тому, как в наше время юноши и девушки мечтают быть конструкторами космических кораблей или космонавтами, так в 30-е годы молодежь стремилась получить профессию авиационных инженеров или летчиков. Фантастические по тем временам перелеты, совершенные В. П. Чкаловым, М. М. Грозовым и их товарищами, высотные рекорды В. К. Коккинаки привлекали внимание всего мира также и потому, что все эти полеты были совершены на самолетах, задуманных советскими конструкторами и сделанными советскими инженерами и рабочими. Советские тяжелые бомбардировщики конструкции Туполева и истребители конструкции Яковлева в середине 30-х годов отвечали требованиям авиационной техники того времени. В конце 30-х годов в связи с начавшимися вооруженными конфликтами и особенно после начала второй мировой войны требования к летно-техническим данным самолетов,

к их скорости, маневренности, потолку, оборудованию и вооружению значительно возросли. Война в Европе показала, что фашистская Германия имеет пикирующие бомбардировщики, средние бомбардировщики и истребители, обладающие высокими качествами. Бурно развивалась истребительная авиация в Англии. В скором времени английские истребители по своим боевым качествам не только не уступали немецким, но и превосходили их. Гигантскими шагами развивалось авиационное производство в Соединенных Штатах Америки и Канаде.

Неустанно трудились над созданием новых, более современных типов боевых самолетов советские конструкторы. Вскоре после начала второй мировой войны Советское правительство приняло ряд неотложных мер по строительству новых авиационных заводов и по реконструкции старых. Однако реализация этих решений осуществлялась недостаточно быстро и эффективно, значительно отставала от все нарастающего темпа развития событий в мире.

В 1939 г. конструктор А. С. Яковлев и его сотрудники создали новый истребитель Як-1. В 1940 г. по проекту конструкторов Микояна и Гуревича были выпущены истребители МИГ-3, а по проекту Лавочкина и его сотрудников — истребитель ЛАИ-3. Эти истребители по тем временам были выдающимся достижением авиационной техники. Например, истребитель МИГ-3 развивал скорость до 620 км в час, поднимался на высоту до 12 тыс. м и мог покрыть расстояние в 700 км. Советские самолетостроители изготовили также великолепный штурмовик ИЛ-2 (конструктор Ильюшин) и пикирующий бомбардировщик Пе-2 (конструктор Петляков).

Однако серийное производство новых самолетов едва начинало налаживаться. В 1940 г. было выпущено всего 20 МИГ-3, 2 Пе-2 и 64 Як-1. В первой половине 1941 г. производство новых видов самолетов резко возросло, но не могло удовлетворить потребности вооруженных сил, самолетный парк которых значительно устарел. Истребителей новых типов было выпущено 1946, пикирующих бомбардировщиков Пе-2—458, штурмовиков ИЛ-2—249¹⁴.

«К середине 1941 г., — говорится в «Истории Великой Отечественной войны», — наша авиапромышленность перестраивалась, а ее производственная база была значительно расширена и подготовлена к серийному выпуску новых высококачественных боевых самолетов. Были созданы, ис-

пытаны и приняты на вооружение военно-воздушных сил новые образцы истребителей, штурмовиков и бомбардировщиков»¹⁵.

Значительными возможностями обладала танковая промышленность. И здесь работала плеяда талантливых конструкторов. Среди них Н. В. Барыков, профессор В. И. Заславский (он стал жертвой репрессий периода культа личности), В. М. Дорошенко, Ж. Я. Котин, Н. А. Кухаренко, М. И. Тарпинов и др. Однако война в Европе 1939—1940 гг. показала, что находившиеся в серийном производстве танки устарели. В 1939 и 1940 гг. были созданы новые типы танков — тяжелый КВ и средний Т-34. По своим боевым качествам эти танки превосходили известные в то время типы боевых машин, производившиеся в капиталистическом мире. Это особенно наглядно подтвердилось уже в ходе войны с гитлеровской Германией. Однако до начала Великой Отечественной войны серийное производство новых образцов еще только налаживалось. В 1940 г. было выпущено 243 танка КВ и 115 — Т-34. В первом полугодии 1941 г. танковая промышленность только начала набирать темпы и произвела 396 танков КВ и 1110 — Т-34.

Промышленность по производству артиллерийско-стрелкового вооружения выпускала значительное количество разнообразного вооружения. В конструкторских бюро под руководством В. Г. Грабина, И. И. Иванова, Ф. Ф. Петрова, Б. И. Шавырина и других разрабатывались новые типы орудий и совершенствовались старые. Большая работа по улучшению стрелкового оружия проводилась Г. С. Шпагиным, В. А. Дегтяревым, Ф. В. Токаревым. Многие образцы советского артиллерийского вооружения по своим показателям превосходили иностранные.

Накануне войны А. Г. Костиковым был изобретен реактивный миномет, ставший известным уже в августе 1941 г. и прозванный «катюшей». Однако в производстве артиллерийского вооружения имелись серьезные недостатки, которые были следствием устарелых представлений о требуемых в современной войне качестве и видах оружия. В своих воспоминаниях ныне покойный трижды Герой Социалистического Труда Б. Л. Ванников, занимавший пост народного комиссара вооружений, приводит пример поразительно некомпетентного и легкомысленного отношения к вопросам производства современного оружия со

стороны некоторых руководителей, непосредственно отвечавших за это дело. Начальник Главного артиллерийского управления Г. И. Кулик предложил накануне Великой Отечественной войны снять с производства 76-мм пушку и вместо нее быстро сконструировать и запустить в производство новую 107-мм танковую пушку. Не приводя здесь военно-технических доводов Б. Л. Ванникова против этого предложения, следует отметить главное: «76-мм пушка „Зис“, только недавно созданная и поступившая в производство, являлась лучшей современной пушкой»¹⁶. В связи с возражениями Ванникова дело было доложено И. В. Сталину. Вот как развернулись события дальше: «К концу моих объяснений в кабинет вошел А. А. Жданов. Сталин обратился к нему и сказал: „Вот Ванников не хочет делать 107-мм пушки для ваших ленинградских танков. А эти пушки очень хорошие, я знаю их по гражданской войне...“ Сталин говорил о полевой пушке времен первой мировой войны: она, кроме калибра по диаметру, ничего общего не могла иметь с пушкой, которую нужно было создать для современных танков и для современных условий боя. Вскользь брошенная Сталиным реплика обычно решала исход дела. Так получилось и на этот раз». На заседании специальной комиссии, разбившей этот вопрос, Ванников заявил Жданову: «Вы перед войной допускаете разоружение армии». Тем не менее было решено прекратить производство «самых нужных для борьбы с танками противника 45- и 76-мм пушек. Не разобравшись в совершенно необоснованных рекомендациях Кулика, Сталин санкционировал это решение, имевшее для армии тяжелые последствия»¹⁷.

Долго затягивался пуск в серийное производство прекрасного миномета, сконструированного Б. И. Шавыриным. Оно развернулось только в 1940 г. Промышленность быстро освоила шавыринские минометы, и к началу войны с гитлеровской Германией было выпущено 14 200 82-мм минометов и 3200—120-мм. Так, благодаря усилиям работников промышленности вооружений дело было выправлено¹⁸.

Для обстановки культа личности характерно, что виновником срыва производства минометов был выставлен подручными Берия не кто иной, как... их конструктор Б. И. Шавырин, который был обвинен во вредительстве... Наркому вооружений удалось не допустить его

ареста, но зато в начале июня 1941 г. был арестован сам нарком Б. Л. Ванников...¹⁹

Неблагополучно, по вине Г. И. Кулика, обстояло дело и с производством автоматов. Техническая неграмотность и боязнь ответственности приводили к тому, что Кулик, не имея своего обоснованного мнения, фактически тормозил выпуск новых образцов. Из-за этого, в частности, серьезно отставало производство противотанковых и зенитных средств²⁰. Накануне войны были сняты с вооружения противотанковые ружья. Сократился выпуск ручных и станковых пулеметов.

В 1939—1941 гг. Коммунистическая партия и Советское правительство приняли ряд энергичных мер для устранения недостатков в работе оборонной промышленности. Понимая сложность международной обстановки, чреватой для Советского Союза любыми неожиданностями, конструкторы, рабочие, инженеры оборонной промышленности самоотверженно трудились. Высокая сознательность ученых, сотрудников конструкторских бюро, рабочих обеспечивала вопреки объективным и субъективным трудностям рост и усиление оборонной готовности страны.

Но военное производство не поспевало за стремительным бегом событий. Оставалось слишком мало времени.

Н. А. Вознесенский в своей книге о советской военной экономике в годы Отечественной войны, опубликованной еще в 1948 г., говорил, что «Отечественная война застала советскую военную промышленность в процессе освоения новой техники, массового выпуска современной военной техники не было еще организовано»²¹.

Накануне войны был принят мобилизационный план на вторую половину 1941 и на 1942 г., предусматривавший «военную перестройку промышленности на случай войны», — сообщает Н. А. Вознесенский. С началом войны этот план превратился в оперативное задание.

Подготовка вооруженных сил к отпору агрессии

Советская Армия — армия народа. Эта короткая формула, восходящая еще к началу формирования рабоче-крестьянской Красной Армии, как нельзя лучше выражала смысл и задачи вооруженных сил Советского государства. Они были призваны защищать завоевания революции от посягательств врагов. И в этой функции обороны социали-

стического Отечества заключалась большая моральная сила Красной Армии. В отличие от армий империалистических государств, подготавливаемых для ведения агрессивных войн и на практике осуществляющих защиту интересов господствующих классов и слоев — буржуазии, крупных землевладельцев, монополий, — армии Советского государства были чужды агрессивные задачи, ибо она защищает интересы рабочего класса и крестьянства, кровно заинтересованных в поддержании и сохранении мира.

Воспитанная в высоких идеалах коммунизма, Красная Армия пользовалась большой любовью народа. Служба в рядах Красной Армии являлась почетным делом для каждого гражданина Советского государства. Тесная связь армии и народа выражалась прежде всего в том, что командиры вышли из гущи народной. Это были бывшие рабочие, крестьяне, выходцы из трудовой интеллигенции. Кому как не им были доступны и близки народные чаяния. Красная Армия — неотъемлемая часть советского народа, его вооруженный отряд. Подобно тому, как рабочий на производстве, крестьянин в поле, ученый в своей лаборатории трудились для увеличения могущества и благосостояния своей страны, советские воины несли свою службу, вкладывали свой нелегкий труд в общее дело.

На 1 июля 1940 г. по своему социальному происхождению командный состав Красной Армии представлял следующее: офицеры — выходцы из рабочей среды — 37,9%, из крестьян — 19,1, из служащих — 38,2%. Выходцы из других социальных слоев составляли 0,7%. Более половины офицерского состава (54,6%) были коммунистами, 22,1% — комсомольцами²².

Коммунистическая партия и Советское правительство неустанно заботились о своих вооруженных силах, способствовали усилению их боеспособности, насаждали сознательную воинскую дисциплину, поднимали моральный дух бойцов и командиров, много делали для оснащения армии новейшими образцами боевой техники. Важную роль в поддержании вооруженных сил на уровне современных требований выполняла военная наука, разработавшая стройную систему взглядов на стратегию и тактику вооруженных сил социалистического государства. В соответствии со взглядами и положениями военной науки обучались войска, развивались вооруженные силы.

Опыт гражданской войны, локальных войн 20-х и

30-х годов изучался и творчески применялся в ходе обучения войск. В 30-е годы советская военная наука была источником передовых идей в мировой военной науке. Так, уже в 1932 г. в Красной Армии впервые в мире были сформированы механизированные корпуса, а в 1934—1935 гг. бронетанковые и механизированные части были выделены в специальный род войск. Это было смелое, революционное решение, исходившее из правильных предпосылок о возрастающей роли этого рода войск в грядущей войне. К сожалению, в 1939 г. был сделан неправильный вывод из опыта применения танков во время войны в Испании. В результате было признано нецелесообразным сохранение крупных бронетанковых соединений, механизированные корпуса были расформированы²³.

Советский Союз был родиной парашютизма и созданных позднее на этой основе авиадесантных войск. Высадка авиадесантов была с успехом продемонстрирована на маневрах 1934 и 1935 гг., на которых присутствовали военные делегации ряда капиталистических государств. По мнению иностранных экспертов, Красная Армия была в середине 30-х годов одной из самых передовых и современных армий мира. Этот вывод сыграл немаловажную роль для принятия французским, а затем чехословацким правительствами решений о заключении с Советским Союзом договоров о взаимной помощи.

Параллельно с количественным и качественным ростом вооружения и боевой техники совершенствовалась организационная структура Красной Армии.

Разработка военной теории в нашей стране опиралась на учение марксизма-ленинизма о войне и армии, политическое и экономическое положение в стране и опыт прошлых войн. Советская военная теория правильно решала основные вопросы, связанные с характеристикой особенностей будущей войны, что показал опыт Великой Отечественной войны.

Советская военная наука придавала огромное значение моральному фактору, и эта правильная ориентация полностью оправдала себя во время войны с Германией, особенно на ее начальном этапе. Советская военная наука исходила из общих марксистско-ленинских положений о роли человека в социалистическом обществе. Раскрытие индивидуальных возможностей каждого члена общества, помощь в развитии его способностей в коллективе для

блага всего общества — эти положения, примененные к военным условиям, играли колоссальную роль, так как, воспитывая в бою мужество, сноровку, умение быстро принять самостоятельное решение, они вместе с тем помогали прививать высокую сознательную дисциплину, чувство ответственности за судьбу своих товарищей, своего подразделения, своей части и своей армии, за судьбу войны и своей страны, чувство взаимной выручки, презрение к смерти, героизм. Именно благодаря этим качествам советский воин выстоял в невероятно трудных условиях начального периода Отечественной войны.

Советская военная доктрина исходила из вероятности возникновения новой мировой войны, которая примет длительный, затяжной характер. В этой войне против Советского Союза может выступить коалиция империалистических государств. Война потребует напряжения всех ресурсов государства: экономических, политических и моральных. Предполагалось, что война будет вестись на территории противника, носить характер войны на уничтожение и победа будет достигнута малой кровью. Правильные в целом, эти положения имели существенные изъяны — исключалась возможность ведения войны на собственной территории и ошибочно исходили из предположения о незначительных потерях. Эти изъяны были усугублены неверной политической установкой на безусловную вооруженную поддержку Красной Армии со стороны трудящихся капиталистических стран.

Эти неправильные взгляды получили широкое хождение в армии и в народе. Ошибочные взгляды распространились и в произведениях некоторых писателей. Например, перед войной была издана и быстро разошлась книга Н. Шпанова «Первый удар». По этой книге уже на второй день войны в Германии вспыхивали восстания против гитлеровского режима...

Проверка теории боевой практикой войны также показала, что некоторые вопросы были решены неверно и что даже правильные положения не всегда могли осуществляться на практике. Эти некоторые просчеты советских военных специалистов вместе с основной причиной — недостаточной готовностью к отражению агрессии объясняют тот трагический факт, что стали возможны тактическая внезапность вторжения и первоначальные успехи фашистской армии.

Среди недочетов советской военной теории следует назвать недостаточную разработанность вопроса о характере и содержании начального периода войны в условиях внезапного массированного нападения. В результате этого и обучение войск не всегда соответствовало способам ведения боевых действий, характерных для первого периода второй мировой войны.

Совершенно очевидно, что опасность войны с Германией в 1941 г. недооценивалась. Разрабатывая план ведения войны на случай гитлеровской агрессии, наше командование считало, что военные действия в начале вторжения будут вестись ограниченными силами прикрытия, после от мобилизации и развертывания главных сил мы сможем разгромить агрессора в приграничной зоне и перейти в общее наступление, перенеся действия на территорию врага. Прикрытие и оборона западных границ возлагались на приграничные военные округа. Крупные силы, входившие в состав приграничных округов, были расположены на большом удалении от границы и не имели достаточного количества транспортных средств. В непосредственной близости от границы находились отдельные подразделения.

Мало уделялось внимания вопросу стратегической обороны. Считая наступление главным способом вооруженной борьбы, наша теория недостаточно разрабатывала вопросы организации и ведения обороны, которая рассматривалась как подчиненная по отношению к наступлению. Предполагалось, что оборона будет иметь местный характер, строиться лишь на отдельных участках, а не на всем фронте вооруженной борьбы.

Эти и некоторые другие ошибочные взгляды на основные вопросы ведения современной войны оказали отрицательное влияние на подготовку вооруженных сил к войне.

Многих ошибок можно было бы избежать, если бы некоторые предостережения советских военачальников не были незаслуженно забыты. Еще в 1936 г. выдающийся советский военачальник и теоретик военного искусства маршал М. Н. Тухачевский публично предостерегал (в своем выступлении на 2-й сессии ЦИК СССР), что Германия готовится к внезапному нападению, что германская армия будет готова неожиданно напасть. Тухачевский также полагал, что немцы начнут войну первыми, чтобы обеспечить внезапность нападения. Однако, как пишет извест-

ный военный деятель А. И. Тодорский, соображения Тухачевского тогда не были приняты во внимание^{24—26}.

Большое значение для вооруженных сил Советского Союза, для изучения опыта и практического применения его имели, кроме таких локальных и специфических военных конфликтов, как бои на Хасане и при Халхин-Голе, военные действия в Европе в 1939—1940 гг. и советско-финский вооруженный конфликт.

Советские военные специалисты тщательно изучали опыт этих боев, спешили извлечь уроки, реализовать то положительное, что можно было применить в войсках. Однако времени для обучения войск новейшим методам ведения войны и для технического переоснащения Красной Армии оставалось крайне мало, буквально считанные недели. А сделать нужно было очень много. И многое было сделано. На совещании руководящих военных работников в декабре 1940 г.—январе 1941 г. обращалось внимание на необходимость обучения курсантов и слушателей методам и формам современного боя с привлечением используемых в бою средств, в том числе танков, артиллерии и т. д.

В 1940 г. Наркомат обороны и Генеральный штаб представили правительству свои предложения по проведению необходимых мероприятий по стратегическому развертыванию. После рассмотрения правительством соображений по стратегическому развертыванию в 1941 г. были разработаны планы прикрытия и создана в приграничных районах группировка войск.

В 1940 г., а также в первой половине 1941 г. Советское правительство приняло ряд постановлений, в которых правильно обращалось внимание на серьезные недостатки в подготовке войск, в техническом оснащении, в подготовке приграничных оборонительных рубежей. В результате значительно возросло общее число стрелковых дивизий. Началось формирование артиллерийских противотанковых бригад артиллерии резерва Главного командования. Вновь формировались механизированные корпуса, отдельные танковые и механизированные дивизии. Большое внимание было обращено на увеличение численности авиадесантных войск. В первой половине 1941 г., еще до начала войны, удалось завершить формирование нескольких авиадесантных корпусов. Расширялась сеть противовоздушной обороны (ПВО) и улучшалась ее организационная структура. Большая работа была развернута на флоте и в военно-

воздушных силах. Формировались новые части инженерных войск, войск связи и др.

Однако техническое перевооружение войск затягивалось и к моменту нападения гитлеровской Германии завершено не было.

«На 22 июня 1941 г.,— пишет полковник А. Никитин,— новая материальная часть боевой авиации в приграничных военных округах составляла всего 22 процента, а старая 78 процентов»²⁷.

Примерно аналогичное положение сложилось в танковых и механизированных соединениях, которые к началу войны были укомплектованы новой техникой лишь наполовину²⁸.

Серьезная ошибка, которая в начале войны привела к тяжелым последствиям, была допущена в результате решения о разоружении укреплений на старой границе (1939 г.) в связи со строительством новых оборонительных рубежей. Разоружение старой границы было проведено быстрыми темпами, а строительство новых рубежей затянулось. Достаточно сказать, что планы строительства, утвержденные летом 1940 г., были рассчитаны на несколько лет! В своих мемуарах генерал армии И. И. Федюнинский, командовавший с апреля 1941 г. 15-м стрелковым корпусом Киевского особого военного округа, рассказывает, что строительство укреплений было далеко от завершения²⁹.

Бывший начальник инженерных войск Ленинградского фронта генерал-лейтенант Б. Бычевский пишет, что строительство инженерных сооружений на участке Ленинградского военного округа продолжалось еще 21 июня 1941 г. и не было завершено. Бычевский также пишет со слов начальника инженерного управления Прибалтийского военного округа генерал-майора В. Ф. Зотова, что «саперные части этого округа, так же как и нашего, пахотились на строительстве дотов, готовых сооружений не имелось»³⁰.

Законченные сооружением узлы обороны во многих случаях не имели предусмотренного вооружения. Гарнизоны нуждались в доукомплектовании. Начальник Главного политического управления Красной Армии армейский комиссар А. Н. Запорожец сообщал наркому обороны маршалу С. К. Тимошенко 15 апреля 1941 г.: «Укрепленные районы, строящиеся на наших западных границах, в большинстве своем не боеспособные».

Если бы не была разоружена старая граница, то даже при незавершенности строительства новых оборонительных узлов Красная Армия могла бы при отходе опереться на старые укрепления и выиграть драгоценное время для приведения частей в порядок и нанесения контрудара.

Печальную картину являет и история с реконструкцией старых и строительством новых аэродромов вблизи западной границы. Вопреки мнению военного командования начались одновременные работы на большинстве приграничных аэродромов. Многие из них при этом строились в опасной близости от границы. К началу войны строительство так и не было завершено, а авиация оказалась в крайне неблагоприятных условиях из-за большой скученности, ограниченности в маневре и демаскировки.

Поскольку в случае войны предусматривались отражение удара врага и перенесение военных действий на его территорию, основные склады и мобилизационные запасы размещались неподалеку от старой границы, в Белоруссии, на Украине, под Смоленском. В 1940 г. при рассмотрении правительством вопроса о месте размещения мобилизационных запасов «представители центральных доводящих управлений и Генерального штаба предлагали разместить их за Волгой. Однако И. В. Сталин отверг эти предложения и дал указание сосредоточивать мобилизационные запасы на территории приграничных военных округов. Впоследствии за эту ошибку пришлось жестоко расплачиваться»³¹, — пишут военные специалисты.

В 1940 г. был принят ряд мер для укрепления единоначалия. Институт военных комиссаров, введенный в 1937 г., был отменен. Вместо него были введены должности заместителей командиров по политической части.

Вооруженный конфликт с Финляндией, изучение состояния вооруженных сил выявили серьезные недостатки в подготовке командного состава. Особенно это относилось к пехоте, где не хватало на 1 мая 1940 г. $\frac{1}{5}$ начальствующего состава. Констатировалось, что ежегодные выпуски военных училищ не обеспечивают создания необходимых резервов. Качество подготовки было низкое. Выяснилось, что в звене взвод — рота до 68% имеет лишь краткосрочную 5-месячную подготовку курсов младшего лейтенанта.

Репрессии, которые И. В. Сталин обрушил на командный состав Красной Армии, еще более ухудшили положение с командными кадрами. Одной из первых жертв

был военный атташе Советского Союза в Лондоне В. Путьна, ложно обвиненный в подпольной контрреволюционной троцкистской деятельности. На открытом процессе «антисоветского троцкистского центра» в январе 1937 г. было упомянуто имя маршала Советского Союза М. Н. Тухачевского. И хотя тут же было заявлено, что Тухачевский никакого отношения к делу не имеет и ни в чем не обвиняется, на его имя была брошена тень. Этого-то, очевидно, и добивался государственный обвинитель на процессе Вышинский, который в своих вопросах, обращенных к обвиняемым по крайней мере десять раз назвал имя маршала.

Маршал Тухачевский продолжал оставаться на своем посту, но в это время его судьба была фактически решена. Стремясь скомпрометировать Тухачевского и других наиболее талантливых руководителей Красной Армии, их обвинили в заговоре против Советской власти.

Существует несколько версий этой истории. Они базируются на материалах, приведенных бывшим адъютантом заместителя начальника гестапо Кальтенбруннера Хеттлем, опубликовавшим в 1950 г. книгу под псевдонимом В. Хаген «Тайный фронт». Позднее Хеттль переиздал ее уже под своим собственным именем. В этой книге Хеттль рассказал о провокационно-шпионской деятельности гестапо, в том числе и о том, как в недрах немецких разведывательных и контрразведывательных органов были состряпаны документы, предназначенные для того, чтобы скомпрометировать высшее советское военное командование. Эта версия сходится с изложением событий в посмертно изданных мемуарах руководителя одного из отделов имперского управления безопасности В. Шелленберга. Имеются и другие материалы по этому делу, упоминающие в мемуарах политических деятелей западных стран и т. п.

Репрессии против преданных делу коммунизма партийных и советских кадров вызывали злорадство врагов Советской страны. Особенно радовались в Берлине, где фашисты давно обдумывали планы ослабления Красной Армии и Советского государства. Эти намерения усилились после заключения между Советским Союзом, Францией и Чехословакией пактов о взаимной помощи, которые служили препятствием фашистской агрессии в Европе. Руководили гитлеровцами и расчеты внутривосточного порядка. Эти расчеты заключались в том, чтобы

полностью подчинить немецкую армию фашистскому влиянию, заставить раз и навсегда немецких генералов отказаться от каких бы то ни было попыток проводить самостоятельную политику, опираясь на армию. Это было тем более важно, по мнению гитлеровцев, что начавшиеся перевооружение и увеличение немецких вооруженных сил требовали полной фашизации руководства ими. Поэтому попытки скомпрометировать любыми способами наиболее «строптивых» генералов не прекращались. Можно было бы обвинить немецких генералов в том, что они вступили в преступную связь с советскими генералами... Можно было бы сфабриковать документы, подтверждающие это. Можно было бы, наконец, найти способ переправить эти документы в Москву, чтобы скомпрометировать и советский генералитет...

Предоставим слово Вальтеру Шелленбергу.

В начале 1937 г. Гейдрих — непосредственный начальник Шелленберга — поручил ему подготовить обзор о взаимоотношениях между рейхсвером и Красной Армией в прошлые годы.

Как известно, в 20-е годы после заключения между Германией и СССР договора в Рапалло советско-германские отношения развивались нормально: налаживались торговля, контакты по научно-технической линии. Германия и СССР обменивались и военными делегациями. Некоторые военные руководители Красной Армии учились в немецкой военной академии. В числе слушателей был, например, командарм И. Э. Якир, блестяще окончивший эту академию. По просьбе руководителей рейхсвера Якир читал для немецких офицеров курс лекций по военным операциям во время гражданской войны. По всем этим и другим вопросам между советскими и немецкими учреждениями велась обычная служебная переписка. Среди этой переписки были бумаги, подписанные руководителями советских учреждений, в том числе и военных. В немецких архивах имелись факсимиле Тухачевского и других видных советских военачальников. Это обстоятельство сыграло немаловажную роль в подготовке их гибели.

Требуемый обзор был вскоре Шелленбергом представлен. Гейдрих сообщил Шелленбергу, что он располагает сведениями о том, будто советские генералы во главе с Тухачевским с помощью немецких генералов собираются произвести переворот, направленный против Сталина. Эта

идея была «подброшена» Гейдриху русским белоэмигрантом генералом Скоблиным. Гейдрих, по свидетельству Шелленберга, моментально понял, как использовать эту мысль. «Если действовать правильно, можно нанести такой удар по руководству Красной Армии, от которого она не оправится в течение многих лет», — пишет Шелленберг. План был доложен Гитлеру и получил его одобрение. Гестапо, не располагавшее, разумеется, никакими документами на этот счет, начало их быстро фабриковать³².

Оставляя в стороне многочисленные подробности этой чудовищной провокации, укажем, что поддельные документы, обвиняющие высшее командование Красной Армии в заговоре, были к апрелю 1937 г. подготовлены. Немецкий агент в Праге установил контакт с доверенным лицом президента Чехословакии Э. Бенеша и сообщил ему, что он располагает документами о заговоре среди высшего командования Красной Армии. Бенеш немедленно сообщил об этом Сталину. Вскоре в Прагу прибыл специальный уполномоченный Ежова. В апреле — мае 1937 г. произошли аресты высших офицеров Красной Армии. Среди них был и маршал М. Н. Тухачевский. Были арестованы также И. Э. Якир, И. П. Уборевич, А. И. Корк, Р. П. Эйдеман, Б. М. Фельдман, а до них — В. М. Примаков, В. И. Путна. Тем, кто давал распоряжение об их аресте и суде над ними, должно было быть известно, что обвинения беспочвенны, а документы сфабрикованы. 12 июня 1937 г. Тухачевский и его товарищи были расстреляны³³. Покончил самоубийством начальник Главного политического управления Я. Б. Гамарник. Аресты и уничтожение военных кадров продолжались и после 1937 г. Так, по ложному обвинению погиб маршал В. К. Блюхер, герой гражданской войны, многие годы командовавший армией на Дальнем Востоке, бывший начальник Генерального штаба и первый заместитель наркома маршал А. И. Егоров, командарм Г. М. Штерн — герой боев в Испании и на Дальнем Востоке и многие другие. В «Истории Великой Отечественной войны» написано, что «...подверглись репрессиям около половины командиров полков, почти все командиры бригад и дивизий, все командиры корпусов и командующие войсками военных округов, члены военных советов и начальники политических управлений округов, большинство политработников корпусов, дивизий и бригад, около трети комиссаров полков, многие преподаватели высших и сред-

них учебных заведений»³⁴. Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян в интервью корреспонденту «Литературной газеты» от 17 апреля 1965 г. сказал, что уничтожение накануне войны как «врагов народа» выдающихся советских полководцев, по сути, было одной из причин крупных неудач в первый период войны³⁵.

Репрессии, обрушенные на советские военные кадры, имели крайне неблагоприятные последствия и для внешней политики СССР. О мнимом заговоре президент Бенеш сообщил и французскому премьер-министру Леону Блюму как раз в то время, когда французским правительством обсуждался вопрос о заключении франко-советской военной конвенции, которая предусматривала практические шаги для реализации договора о взаимной помощи. В своем письме, переданном через сына Блюма, Бенеш рекомендовал проявлять исключительную осторожность в отношениях с Советским генеральным штабом, так как его руководители находятся в заговоре с Германией. Блюм впоследствии утверждал, что именно это сообщение сорвало заключение франко-советской военной конвенции. Враждебные Советскому Союзу французские политические круги стали утверждать, что подписывать военные обязательства с СССР нельзя, так как там существует заговор, если же заговор сфабрикован и репрессии продолжаются, то это свидетельствует о неустойчивости внутреннего положения СССР. Следовательно, подвели они к выводу, на Советский Союз в войне против Германии рассчитывать не приходится³⁶.

В Германии сообщение о расправе над командирами Красной Армии вызвало ликование.

Красная Армия потеряла своих лучших командиров как раз в тот момент, когда на горизонте все более сгущались тучи войны.

Не так-то было просто в короткий срок подготовить новых командиров полков, бригад, дивизий и корпусов. Выдвинутым на эти должности командирам подразделений часто не хватало знаний, опыта, которые не могли быть восполнены лишь способностями и преданностью долгу. Высшее военное образование к началу войны имели лишь 7% офицеров, 37% не имели полного среднего военного образования. К лету 1941 г. около 75% командиров и 70% политработников работали в своих должностях не свыше одного года³⁷. Лишь в ходе войны проявились таланты командиров, их полководческое искусство развернулось во всем своем блеске.

Международное положение СССР

Высшая цель внешней политики социалистического государства заключается в обеспечении благоприятных условий для своего мирного развития. Поддерживать мир, не допускать войн и вооруженных конфликтов, дать народу своей страны трудиться и развиваться в условиях мира, поддерживать борьбу против империалистической агрессии и за мир других народов, — эти стремления совершенно естественны и отвечают государственным, национальным и интернациональным интересам Советской страны.

Когда вспыхнула война в Европе, Советскому Союзу удалось остаться вне ее, хотя военный пожар бушевал у самых его границ. Удалось избежать одновременной войны на два фронта: в Европе — с гитлеровской Германией, в Азии — с милитаристской Японией. Остаться вне войны так долго, как это возможно, было главной целью советской внешней политики от начала второй мировой войны и до вероломного нападения фашистской Германии на Советский Союз. Об этом совершенно прямо заявил в своем докладе на торжественном заседании в Большом театре 6 ноября 1940 г. М. И. Калинин: «...Когда почти весь мир охвачен такой войной, быть вне ее это великое счастье». Эти 22 месяца наша страна старалась использовать для того, чтобы повысить свою обороноспособность, улучшить свои позиции на случай, если бы Советский Союз подвергся нападению извне.

В этом довольно коротком промежутке времени можно условно наметить три этапа советской внешней политики: первый — с сентября 1939 г. до поражения Франции в июне 1940 г., второй — до советско-германских переговоров в Берлине в ноябре 1940 г., третий — до нападения Германии на Советский Союз.

На первом этапе внешнеполитическое положение Советского Союза было наиболее прочным и устойчивым. На западе существовал в лице Англии и Франции, паходившихся в состоянии войны с Германией, контрбаланс агрессивным устремлениям Германии. До тех пор пока на западе продолжалась война, угроза нападения на Советский Союз с этой стороны была мало реальной, хотя следовало считаться с попытками в период так называемой странной войны некоторых империалистических кругов Франции и Англии создать военные плацдармы поближе к границам

СССР, например в Скандинавии и в Турции. На Дальнем Востоке — после поражения Японии на Халхин-Голе и заключения пакта о ненападении между Советским Союзом и союзницей Японии Германией — практической опасности немедленного японского нападения на Советский Союз не существовало.

Важнейшим элементом внешней политики Советского Союза от 23 августа 1939 г. до 22 июня 1941 г. оставались отношения с Германией.

Германия знала, что Советский Союз — миролюбивое государство и ни на кого нападать не собирается. Но можно ли было это сказать про такое агрессивное государство, как фашистская Германия?

Советско-германские отношения регулировались пактом о ненападении от 23 августа 1939 г. и договором о дружбе и границе, подписанным 28 сентября 1939 г. Между Германией и Советским Союзом была установлена граница государственных интересов, которая, согласно договору от 28 сентября, была признана окончательной.

При заключении договора о дружбе и границе указывалось, что между Советским Союзом и Германией будут всемерно развиваться экономические отношения и товарооборот и для этой цели будет составлена экономическая программа. СССР обязывался поставлять Германии сырье, Германия должна была снабжать СССР промышленным оборудованием и машинами³⁸. Позднее между Советским Союзом и Германией были заключены хозяйственные соглашения — 11 февраля 1940 г. и 10 января 1941 г. Последнее соглашение должно было регулировать товарооборот между СССР и Германией до 1 августа 1942 г. СССР поставлял Германии промышленное сырье, нефтяные продукты и продукты питания, особенно зерновые, Германия Советскому Союзу — промышленное оборудование³⁹.

Советский Союз честно и неукоснительно выполнял заключенные с Германией политические и экономические соглашения.

В сложных условиях развертывающейся мировой войны и быстро меняющейся международной обстановки Советский Союз принял ряд мер для укрепления собственной безопасности. Этой цели служили, в частности, воссоединение Западной Украины и Западной Белоруссии с Украинской и Белорусской советскими социалистическими республиками, последовавшее в сентябре 1939 г. В результате

этого шага Советского правительства граница проходила теперь на 200—300 км западнее старой государственной границы, от опасности фашистского порабощения было спасено свыше 12 млн. жителей этих областей.

Меры по усилению безопасности Советского государства были предприняты правительством и на северо-западе. Попытки в 1938—1939 гг. договориться с Финляндией о заключении договора о взаимной помощи не увенчались успехом. Отношения все более обострялись, пока не привели глубокой осенью 1939 г. к вооруженному советско-финляндскому конфликту. После тяжелых и кровопролитных для обеих сторон боев конфликт разрешился заключением 12 марта 1940 г. мирного договора. Советский Союз предъявил весьма умеренные требования, не выходявшие за рамки соображений безопасности, которые диктовались все расширяющейся войной в Европе. В частности, к СССР отошел Карельский перешеек с Выборгом. Граница на северо-западе была несколько отодвинута. Советский Союз получил в аренду для военно-морской базы полуостров Ханко.

Советско-финляндский конфликт был печальным эпизодом во взаимоотношениях между двумя соседними государствами, тем более что Финляндия достигла своей независимости благодаря Великой Октябрьской социалистической революции.

Советско-финляндский мирный договор сыграл положительную роль и для Швеции, которая способствовала его заключению. Впрочем ликвидация конфликта, который западные державы собирались использовать для создания нового театра войны в Скандинавии, отвечала жизненным интересам самой Швеции. Менее чем через три недели всякие сомнения на этот счет исчезли. 9 апреля гитлеровская Германия вторглась в Данию и Норвегию. 13 апреля Советское правительство пригласило германского посла в Москве Шуленбурга и заявило ему, что Советский Союз заинтересован в сохранении нейтралитета Швеции. Германия не могла игнорировать предупреждение СССР. 17 апреля советский посол в Стокгольме А. М. Коллонтай сообщила о позиции СССР и немецком ответе шведскому министру иностранных дел Гюнтеру, который поблагодарил Советское правительство и заявил, что «акция со стороны Советского Союза укрепит установку кабинета и твердую волю Швеции соблюдать нейтралитет»^{40—42}.

Были приняты меры, чтобы не допустить возникновения очага войны в Прибалтике. Прибалтийские государства — Эстония, Латвия и Литва — на протяжении двух десятилетий служили центрами антисоветских интриг империалистических государств и поддерживавшихся ими белогвардейских организаций. После начала второй мировой войны в прибалтийских государствах усилилось влияние гитлеровской Германии. Гитлеровские эмиссары вроде генерал-полковника Гальдера, видных руководителей немецкой разведки Пикенброка и Бентевиньи посещали Прибалтику, договаривались с местными ответственными военными руководителями прибалтийских государств об использовании территории, ресурсов и вооруженных сил этих государств в интересах Германии. Это грозило превращением территории прибалтийских государств в антисоветский плацдарм. Народы Прибалтики выступали против такой политики.

Немецкая разведка имела в Прибалтике широко разветвленную сеть. На ее содержании находились, в частности, такие высокопоставленные лица, как начальник второго (разведывательного) отдела эстонского генерального штаба полковник Р. Маазинг, полковники Л. Якобсен, И. Соодла и др.

Опираясь на поддержку прибалтийских народов, Советскому Союзу удалось подписать с правительствами государств Прибалтики договоры о взаимной помощи, которые предоставляли Советскому Союзу военные и военно-морские базы на территориях упомянутых государств. 28 сентября 1939 г. был подписан советско-эстонский договор, а 5 и 10 октября того же года — аналогичные договоры с Латвией и Литвой. Наиболее дальновидные деятели западных государств понимали стратегическую необходимость этих мер. Еще весной 1939 г., выступая в палате общин Уинстон Черчилль говорил: «Для России жизненно важно, чтобы эти государства (Литва, Латвия и Эстония.— *А. Н.*) не попали в руки нацистской Германии»^{43—45}. Однако английское правительство, возглавляемое тогда Чемберленом, вовсе не разделяло этого мнения.

В то время отношения между СССР и Францией и между СССР и Англией были напряженными. В предвоенные годы Советский Союз настойчиво стремился к созданию системы коллективной безопасности, важнейшую роль в которой должны были играть СССР, Англия, Франция и их

союзники, связанные между собой обязательствами взаимной помощи на случай неспровоцированной агрессии со стороны Германии. Однако стремление правящих кругов Англии столкнуть между собой Германию и СССР, двусмысленная и непоследовательная позиция Франции, заключившей, с одной стороны, пакт о взаимной помощи с СССР, а с другой — проводившей мюнхенскую политику, направленную против СССР, были немаловажными причинами срыва накануне второй мировой войны плана создания антифашистской коалиции. Это обстоятельство отразилось на отношениях Советского Союза с западными государствами самым пагубным образом. По существу после начала войны в Европе дело ограничивалось простым поддержанием дипломатических отношений. К концу первого этапа англо-советские и франко-советские отношения резко ухудшились в связи с ярко выраженной враждебной позицией Англии и Франции во время советско-финского вооруженного конфликта. В то время англо-французские штабы по поручению своих правительств разрабатывали планы оказания непосредственной военной помощи Финляндии путем отправки своего экспедиционного корпуса и переноса центра тяжести войны с запада на север и северо-запад. Однако в силу различных причин английское правительство проявляло известные колебания, несмотря на энергичный нажим французского правительства и на его попытки с помощью американской дипломатии воспрепятствовать мирным переговорам, начавшимся в Москве. Договор между Финляндией и Советским Союзом от 12 марта окончательно сорвал антисоветские планы Англии и Франции того периода и вынудил правительство Англии обратиться к более реальной политике в отношении СССР. Об этом свидетельствовало, в частности, предложение английского правительства 18 марта 1940 г. возобновить прерванные осенью 1939 г. торговые переговоры. Однако вскоре торговые переговоры снова зашли в тупик, так как английское правительство настаивало на поддержании Советским Союзом экономической блокады Германии, проводившейся Англией, на что Советский Союз не мог пойти без ущерба для своей позиции нейтрального государства и для отношений с Германией⁴⁶.

Советско-французские отношения в эти месяцы носили напряженный характер. С первых же дней войны во Франции началась разнузданная антисоветская кампания, до-

стигшая своего апогея во время финского конфликта. Совместно с Англией Франция добилась в декабре 1939 г. исключения СССР из Лиги Наций. Французское правительство Даладье прилагало все усилия, чтобы под предлогом оказания помощи Финляндии тем или иным способом втянуть Советский Союз в мировую войну. Одновременно с планом нападения на СССР с северо-запада французский генеральный штаб разрабатывал планы нападения на СССР с юга, который должен был осуществляться: с воздуха — бомбардировками центров нефтяной и нефтеперерабатывающей промышленности в Баку и в Батуми, с моря — посылкой англо-французской военной эскадры в воды Черного моря для бомбардировки черноморского побережья Советского Союза. Для этой цели Франция успела заручиться принципиальным согласием Турции. Готовя разрыв отношений с СССР, 5 февраля 1940 г. французская полиция совершила налет на помещение советского торгпредства в Париже, помещения Интуриста и бывшей советской школы в Париже. Были вскрыты сейфы со служебными документами. Обыски были произведены и на квартирах сотрудников советских учреждений в Париже. Часть документов была изъята. Эта полицейская провокация еще более ухудшила отношения. Нет сомнения, что французские власти были заняты поисками предлогов, чтобы в дальнейшем было легче объяснить разрыв отношений с СССР⁴⁷.

Франко-советские отношения еще больше обострились в то время, когда французское правительство интенсивно разрабатывало военные антисоветские планы. Заключение советско-финского договора привело к отставке 20 марта правительства Даладье, сделавшего главным направлением своего курса в эти месяцы антисоветскую политику. Последним актом Даладье на посту премьера было требование 19 марта отозвать советского полпреда во Франции Я. З. Сурица за поздравительную телеграмму, отправленную им Советскому правительству по поводу заключения мирного договора с Финляндией⁴⁸.

Новое французское правительство П. Рейно пыталось продолжить курс на обострение франко-советских отношений и 25 марта передало английскому правительству меморандум, в котором продолжало настаивать на проведении прежней, обанкротившейся политики в отношении СССР. Английское правительство отнеслось к меморанду-

му сдержанно. Тем временем Германия вторглась в Норвегию и Данию, а 10 мая начала наступление на Западном фронте. Последовавшая затем военная катастрофа решительно изменила ситуацию. После капитуляции Франции вся западная часть европейского континента оказалась под господством гитлеровской Германии. Из всех западноевропейских государств, принимавших участие в войне, уцелела лишь одна Англия. Но положение ее оставалось чрезвычайно тяжелым.

Быстрый разгром Франции оказался полной неожиданностью. Германия становилась единственной военной силой на западноевропейском континенте. Ей никто здесь не противостоял. Баланс сил решительно изменился. Внешнеполитическое положение Советского Союза значительно ухудшилось. Никто не мог предсказать, в каком направлении развернется дальнейшая агрессия Германии. Авторы многотомного японского издания «История войны на Тихом океане» обращают внимание на то, что в своей речи после поражения Франции, в которой Гитлер предложил мир с Англией, он не сказал ничего такого, что свидетельствовало бы о его доброжелательном отношении к СССР⁴⁹. Договор о ненападении между Советским Союзом и Германией не мог в условиях стремительно возросшей военно-экономической мощи Германии и невероятного самодовольства немецких фашистов служить сам по себе достаточно надежной гарантией от нападения. Учитывая эти обстоятельства и стремясь облегчить тяжелое положение Англии, новый английский военный кабинет, сформированный в середине мая Уинстоном Черчиллем, решил попытаться наладить отношения с СССР. 12 июня 1940 г. в Москву прибыл вновь назначенный английский посол, известный деятель лейбористской партии Стаффорд Криппс. 25 июня 1940 г. Черчилль обратился с письмом к И. В. Сталину. В письме Черчилль выражал надежду, что ни расстояния, разделяющие обе страны, ни различие систем, ни идеологические расхождения не должны помешать обеим странам поддерживать взаимовыгодные отношения. Признавая, таким образом, справедливость установки советской внешней политики на мирное сосуществование, Черчилль подчеркивал, что Советский Союз сам должен судить о том, угрожают ли германские претензии на господство в Европе его интересам. Со своей стороны глава английского правительства заверял в готовности обсу-

дать с Советским правительством «любую из широких проблем, созданных нынешней попыткой Германии проводить политику поэтапного завоевания и поглощения европейских государств»⁵⁰.

3 июля Черчилль принял советского посла в Лондоне И. М. Майского и имел с ним откровенную беседу. Однако ситуация была чрезвычайно сложной. Практически Англия не могла оказать никакой немедленной помощи Советскому Союзу в случае, если бы Германия напала на СССР. Если даже не принимать в расчет все еще широко распространенных в правящих кругах Англии того времени антисоветских предубеждений, положение самой Англии было крайне тяжелым. Приходилось со дня на день ожидать немецкого вторжения на Британские острова. Сложившаяся ситуация была правильно охарактеризована в то время в выступлении в парламенте лейбористом Коксом: «В этих обстоятельствах мы не в состоянии защитить Советский Союз в какой-либо ощутимой степени. Поэтому любая надежда, что мы можем в настоящее время перетянуть на свою сторону Россию, тщетна. В то же время Россия не желает германской победы... Мы должны культивировать как можно более дружественные отношения с Россией...»⁵¹

Для Советского государства наступило весьма тревожное время. Положение у советских границ было недостаточно устойчивым. В Прибалтике под влиянием немецких побед и советско-финского конфликта правящие круги начали втайне сколачивать военный союз Эстонии, Латвии и Литвы, направленный против СССР. На советской юго-западной границе в связи с усилением тенденций к румыно-немецкому сближению и стремлением к захвату власти со стороны откровенно фашистских элементов в самой Румынии вырисовывалась перспектива опасных осложнений. В политических кругах многих капиталистических государств упорно ходили слухи, что Германия будет добиваться полного экономического и политического подчинения стран Юго-Восточной и прежде всего Балканской Европы. Это означало, что в скором времени для Советского Союза возникнет здесь новая угроза.

Трудящиеся Прибалтики, обеспокоенные усилением Германии, требовали передачи власти в руки подлинных народных представителей. В июне 1940 г. к власти в Эстонии, Литве и Латвии пришли народные правительства.

В конце июня Бессарабия и Северная Буковина, а в августе 1940 г. Эстония, Латвия и Литва вошли в состав Советского Союза. Прибалтийские государства стали союзными республиками. Бессарабия была объединена с Молдавской автономной республикой. Обе эти части, слитые воедино, образовали союзную Молдавскую республику. Границы СССР были отодвинуты на запад. Однако времени для их укрепления оставалось крайне мало. Это должно было стать очевидным после подписания 27 сентября 1940 г. Германией, Японией и Италией агрессивного Тройственного пакта.

Хотя Советское правительство и было информировано Германией о предстоящем заключении Тройственного пакта еще до его опубликования, оно не было введено в заблуждение относительно истинного характера пакта. В передовой статье газеты «Правда» от 30 сентября 1940 г. по поводу Тройственного пакта подчеркивалось, что его подписание означает «дальнейшее обострение войны и расширение сферы ее действий». В то же время советская печать обращала внимание на оговорку, что Тройственный пакт не затрагивает отношений его участников с СССР, и разъясняла, что эту оговорку следует понимать «как подтверждение силы и значения пакта о ненападении между СССР и Германией и пакта о ненападении между СССР и Италией»⁵².

О том, что в СССР не сомневались в смысле Тройственного пакта как пакта о предварительном разделе мира, свидетельствовал и ставший более дружелюбным тон советской печати по отношению к Англии. Например, 5 октября 1940 г. «Правда» поместила весьма обстоятельную и сочувственную корреспонденцию из Лондона о посещении корреспондентом ТАСС одной из лондонских полевых батарей зенитных орудий. Из этой статьи читатель мог легко сделать вывод, что Англия воюет всерьез и ее силы растут⁵³.

Советское правительство продолжало скрупулезно выполнять соглашения, заключенные им с гитлеровской Германией, не давая ей ни малейшего повода для ухудшения отношений. Германия со своей стороны стремилась использовать обстановку, чтобы оказать давление на Советский Союз и вынудить его вести свою внешнюю политику исключительно в немецких интересах. С этой целью в ноябре 1940 г. в Берлин был приглашен председатель Совнаркома

СССР и народный комиссар иностранных дел В. М. Молотов. В ходе бесед, которые состоялись между ним, с одной стороны, и Гитлером, Риббентропом — с другой, Советскому Союзу было сделано предложение примкнуть к Тройственному пакту и принять участие в переделе сфер влияния в мире. Советское правительство уклонилось от германских предложений. Берлинские переговоры не могли оставлять никаких сомнений в том, что агрессивность Германии усилилась и она стремится в кратчайший срок достигнуть мирового господства.

Последний этап в развитии германо-советских отношений протекал после безуспешных ноябрьских переговоров и до нападения Германии 22 июня 1941 г. Советский Союз по-прежнему прилагал все усилия, чтобы не допустить войны. Со стороны Германии делалось все, чтобы поставить Советский Союз в наименее выгодные политические, дипломатические и военные условия в момент нападения на него.

После ноябрьских переговоров уже не могло быть никаких сомнений в истинных намерениях Германии. К такому выводу должны были подвести и события, разыгравшиеся на Балканах.

Летом и осенью 1940 г. гитлеровская Германия, искусно используя румыно-венгерские противоречия из-за Трансильвании, заставила оба государства, прежде всего Румынию, следовать в фарватере немецкой политики. В сентябре 1940 г. в Румынию была послана германская военная миссия, что фактически означало оккупацию Румынии немецко-фашистскими войсками. Предпринимая такие меры, Германия рассчитывала взять под полный контроль румынские нефтяные месторождения и нефтеочистительные заводы в Плоешти, а также использовать румынский плацдарм для будущей войны с СССР. В лице румынского диктатора Антонеску Гитлер нашел правителя, готового очертя голову броситься в любую антисоветскую авантюру. Захваты фашистской Германии, особенно ее продвижение на Балканы, которые Италия издавна рассматривала как сферу своих собственных интересов, вызвали негодование итальянского «дуче» Муссолини. Не предупреждая своего немецкого союзника, Италия напала 28 октября 1940 г. на Грецию.

Незадолго до нападения Муссолини говорил своему министру иностранных дел Чиано: «Гитлер всегда ставит

меня перед совершившимся фактом. Теперь я отплачу ему его собственной монетой. Он узнает из газет, что я оккупировал Грецию. Таким образом будет восстановлено равновесие»⁵⁴.

Однако итальянские захватчики натолкнулись на мужественный отпор греческого народа и были вынуждены не только перейти к обороне, но и очистить часть захваченных территорий. Италия оказалась перед угрозой военной катастрофы. Гитлеровская Германия пришла на помощь своему союзнику.

Решение вторгнуться в Грецию показало, что Германия стремится в кратчайший срок полностью подчинить своей политике страны Юго-Восточной и Южной Европы. В связи с этим усилился нажим на Югославию, которой было предложено присоединиться к Тройственному пакту. В то время Румыния и Венгрия уже это сделали. Усилился нажим и на Болгарию. Таким образом, на Балканах создавалась явная угроза для Советского Союза, ибо захват Балкан Германией неминуемо означал приближение немецкой угрозы к границам Советского Союза. Логика подсказывала, что если Германии удастся справиться с балканской ситуацией и лишить англичан последнего плацдарма на континенте, то угроза для СССР возрастет во сто крат.

Между тем отношения Советского Союза с его потенциальными союзниками — Англией и Соединенными Штатами Америки — оставались и в этот период неизменными. Англия и Соединенные Штаты по-прежнему «не признавали» вхождения прибалтийских государств в состав Советского Союза. Фонды этих государств, депонированные в английских и американских банках, оставались замороженными. Англо-советская торговля практически была приостановлена, советско-американская наталкивалась на большие затруднения вследствие дискриминационных мер правительства США. Тем не менее и в Англии, и в Соединенных Штатах Америки постепенно пробивала себе дорогу другая тенденция — тенденция улучшения отношений с Советским Союзом, осознание исторической необходимости для всех трех держав объединиться перед лицом угрозы со стороны фашистского блока. Многие общественные деятели в Англии и в Америке не скрывали своего сожаления в связи с тем, что летом 1939 г. намечавшееся создание антигитлеровской коалиции было приостановлено. В своих выступлениях английские парламентарии все чаще

настаивали на том, что в связи с активным немецким военно-политическим наступлением на Балканах, угрожающим английским интересам не только там, но и на Ближнем и Среднем Востоке, Англии следует незамедлительно вступить в переговоры с Советским Союзом, для которого установление германского господства на Балканах таит огромную опасность. Глубокой осенью 1940 г. английский посол Стаффорд Криппс пытался по указанию своего правительства вести переговоры в Москве по политическим вопросам, однако ни к каким результатам они не привели. Летом и осенью 1940 г. и в первые месяцы 1941 г. начали несколько улучшаться американо-советские отношения. 6 августа 1940 г. было возобновлено советско-американское торговое соглашение⁵⁵.

Наиболее важным результатом советско-американских переговоров была отмена «морального эмбарго», т. е. рекомендации правительства США американским фирмам воздержаться от торговли с СССР, сделанной в разгар финского конфликта в декабре 1939 г. Хотя отмена «морального эмбарго» в конце января 1941 г. не имела существенного экономического значения, так как американское правительство по-прежнему осуществляло строгий контроль над вывозом в Советский Союз, политический эффект этого шага нельзя недооценивать. «Это был, — пишет советский исследователь Л. В. Поздеева, — своего рода примирительный жест правительства США в отношении СССР»⁵⁶. Позиция СССР в целом, подчеркивал в своей беседе с английским послом в Вашингтоне Галифаксом государственный секретарь Хэлл, направлена против многих планов Германии и Японии.

Сдвиг в сторону сближения с СССР со стороны Соединенных Штатов Америки нашел известное выражение в отклонении конгрессом США в марте 1941 г. поправки к законопроекту о ленд-лизе, предлагавшей исключить Советский Союз из программы помощи, предусмотренной законопроектом. В ходе прений некоторые конгрессмены высказали надежду на возможность выступления СССР «плечом к плечу» с западными державами⁵⁷.

Однако до подлинного сближения с Англией и США или даже до серьезного улучшения отношений с ними дело, к сожалению, не дошло. Попытки Советского Союза оказать сопротивление германской агрессии на Балканах предпринимались им единолично.

Еще с конца 1939 г. наметилось некоторое улучшение болгаро-советских отношений. Были заключены экономические и культурные соглашения, которые способствовали установлению между СССР и Болгарией более тесных связей. Традиционные симпатии болгарского народа к русскому народу, помогавшему в прошлом его борьбе против турецкого владычества, широко распространенная идея славянской солидарности цементировались огромным интересом болгар к стране социализма, социалистическими традициями болгарского рабочего движения. Все это вместе взятое оказывало влияние и на внешнюю политику Болгарии. Кроме того, значительное усиление Германии на Балканах в результате ее победы на западе вызывало в Болгарии немалое волнение. Играли роль и опасения нападения со стороны Турции. Советский Союз был единственной страной, которая реально могла противостоять проискам немецких фашистов на Балканах, в том числе в Болгарии. Во время советско-болгарских переговоров осенью 1939 г. Советское правительство предложило подписать договор о дружбе и взаимной помощи. Однако царское болгарское правительство отклонило это предложение. В дальнейшем, под влиянием событий в Западной Европе и страха перед усилением советского влияния и распространением идей социализма, болгарское правительство все более склонялось к блоку фашистских агрессоров. После ноябрьских переговоров в Берлине Советское правительство 19 ноября 1940 г. обратилось к Болгарии с предложением заключить договор о дружбе и взаимной помощи. Спустя неделю в Софию прибыл генеральный секретарь Наркоминдела А. А. Соболев, подтвердивший это предложение. Советский Союз заявил о своей готовности оказать Болгарии помощь, в том числе и военную, в случае нападения на нее третьей державы или группы держав. СССР выразил готовность оказать Болгарии и финансово-экономическую помощь. При этом Советский Союз заявлял, что пакт ни в коем случае не затронет существующего режима, независимости и суверенитета Болгарии⁵⁸. В этот же день, 25 ноября, советское предложение было обсуждено на узком заседании болгарского кабинета министров у царя Бориса и отклонено. Об этом советском предложении был поставлен в известность германский посланник в Софии⁵⁹.

Хотя болгарское правительство и отвергло предложение СССР, однако оно сыграло известную положительную

роль, замедлив переход Болгарии в лагерь фашистских агрессоров. Болгарский посланник в Стокгольме доносил своему правительству в середине декабря 1940 г.: «...здесь с интересом отмечают проявленное в последнее время русскими заступничество в пользу Болгарии и Швеции с тем, чтобы сохранить эти две страны не только вне войны, но и вне комбинации Германии против Англии»⁶⁰.

В январе 1941 г. в связи с распространившимися сообщениями, что в Болгарию с согласия СССР перебрасываются немецкие войска, Советское правительство официально заявило, что если такой факт действительно имеет место, то «это произошло и происходит без ведома и согласия СССР»⁶¹.

Спустя четыре дня Советское правительство заявило германскому послу в Москве Шуленбургу, что оно рассматривает территорию восточной части Балкан как зону безопасности СССР и не может оставаться безучастным к событиям, угрожающим этой безопасности. Это же было повторено 17 января 1941 г. советским полпредом в Берлине статс-секретарю германского МИДа Вейцзеру. Однако 1 марта болгарское правительство примкнуло к Тройственному пакту, предоставив свою территорию для прохода немецких войск для военных действий против Греции, а затем и против Югославии.

Советское правительство в специальном заявлении осудило этот шаг правительства Болгарии, указав при этом, что его позиция «ведет не к укреплению мира, а к расширению сферы войны и втягиванию в нее Болгарии»⁶². 3 марта германскому послу в Москве было заявлено, что Германия не может рассчитывать на поддержку Советским Союзом ее действий в Болгарии⁶³.

Неудача с Болгарией показывала, что Германия уже начала враждебные военно-политические шаги против СССР. Столкновение в Болгарии фактически было испытанием прочности советско-германских отношений. Из результатов этого испытания следовало сделать и соответствующие выводы.

Серьезные опасения возникли в Советском Союзе из-за позиции Турции во время «странной войны», а также в связи с тем, что турецкое правительство продолжало лавировать между воюющими сторонами, склоняясь то к одной, то к другой стороне, в зависимости от складывающегося соотношения сил в каждый данный момент. Одна-

ко вступление немецких войск в Болгарию напугало турецкое правительство. В результате обмена мнениями между советским и турецким правительствами в марте 1941 г. были даны взаимные заверения, что в случае нападения на одну из сторон другая может «рассчитывать на полное понимание и нейтралитет...»⁶⁴.

События на Балканах показали, что отношения между Германией и СССР развиваются в угрожающем направлении. Германо-советские противоречия, носившие вследствие стремления гитлеровцев к мировому господству непримиримый характер и лишь смягченные соглашениями 1939 г., теперь давали о себе знать с новой силой. Германия продолжала готовить плацдармы вблизи границ СССР. Натолкнувшись на отрицательную позицию Советского Союза в отношении немецкой агрессии на Балканах, гитлеровцы пытались припугнуть Советский Союз своей военной мощью. 22 февраля 1941 г. ответственный сотрудник германского МИДа посол Риттер по поручению своих вышестоящих начальников в строго секретной закодированной телеграмме послу в Москве Шуленбургу сообщил, что наступило время огласить данные о количестве немецких войск, находящихся в Румынии, с тем чтобы произвести соответствующее впечатление на советские круги. 680-тысячная немецкая армия в Румынии находится в полной боевой готовности. Она хорошо технически оснащена и насчитывает в своем составе моторизованные части. Эта армия поддерживается «неисчерпаемыми резервами». Риттер предлагал всем членам германских миссий, а также через доверенных лиц начать распространение сведений о германской мощи. Надо подать эту мощь во впечатляющей манере, писал Риттер, подчеркивая, что она более чем достаточна, чтобы встретить любую эвентуальность на Балканах, с какой бы стороны она ни исходила⁶⁵. Предлагалось распространять эти сведения не только в правительственных кругах, но и среди заинтересованных иностранных представительств, аккредитованных в Москве.

Наряду с запугиванием гитлеровцы старались замаскировать ведущиеся военные приготовления вдоль советско-германской границы. 10 января 1941 г. между Германией и Советским Союзом был подписан договор о советско-германской границе от р. Игорка до Балтийского моря⁶⁶. После заключения договора уполномоченными обеих сторон должна была быть проведена демаркация определен-

ной договором границы. Переговоры о порядке работы комиссии начались 17 февраля. Немецкая сторона всячески затягивала их. По требованию верховного командования сухопутных войск Шуленбургу было дано указание всячески оттягивать переговоры, чтобы не допустить работы советской комиссии на границе. Немцы опасались, что иначе их военные приготовления будут раскрыты⁶⁷.

Гитлеровцы усилили воздушную разведку советских приграничных районов. Одновременно они с целью маскировки начали утверждать, будто слухи о намечающемся нападении Германии на Советский Союз специально распространяются «английскими поджигателями войны». Как раз в это время Советский Союз получил предупреждения по дипломатическим каналам о германских планах нападения на СССР.

Новое осложнение отношений между СССР и Германией произошло затем из-за Югославии. 27 марта 1941 г. в Югославии было свергнуто правительство Цветковича, подписавшее соглашение о присоединении к Тройственному пакту. Югославский народ был полон решимости оказать вооруженное сопротивление германскому агрессору. «Последние события в Югославии,— писала «Правда»,— со всей ясностью показали, что народы Югославии стремятся к миру и не хотят войны и вовлечения страны в водоворот войны. Путем многочисленных демонстраций и митингов широкие слои населения Югославии выразили свой протест против внешней политики правительства Цветковича, которая грозила Югославии вовлечением ее в орбиту войны...»⁶⁸ 5 апреля между Югославией и Советским Союзом был подписан договор о дружбе и ненападении, согласно которому если бы одна из сторон подверглась нападению, то другая обязывалась соблюдать «политику дружественных отношений к ней». В день опубликования договора, 6 апреля, гитлеровская Германия напала на Югославию. Советский Союз публично осудил этот акт агрессии в сообщении Наркоминдела от 13 апреля 1941 г. об отношении правительства СССР к нападению Венгрии на Югославию. Хотя в заявлении осуждалась Венгрия, но тем самым осуждался и инициатор агрессии — гитлеровская Германия⁶⁹. События, связанные с Югославией, показывали, что отношения между Германией и СССР приближаются к развязке.

В обстановке растущей напряженности Советскому Союзу удалось добиться крупного успеха в делах с другим потенциальным противником — Японией.

Уже с конца 1939 г. постепенно начала вырисовываться перспектива хотя бы временного улучшения советско-японских отношений. После Халхин-Гола в японских военных кругах началось некоторое отрезвление. Попытки оказать давление на Советский Союз военным путем окончились неудачей. Война против СССР представлялась делом чрезвычайно сложным и опасным. Определенное влияние на политику Японии оказало и заключение советско-германского пакта о ненападении от 23 августа 1939 г., вызвавшее охлаждение в отношениях между партнерами «оси». В правящих кругах Японии отдавали себе отчет в том, что в этих условиях шансы Японии на ведение победоносной войны против СССР значительно уменьшились. Несмотря на антисоветскую кампанию, начатую в Японии во время советско-финляндского конфликта, которая поддерживалась и разжигалась проанглийскими и проамериканскими кругами, дальше антисоветских заявлений в печати дело не пошло. Ряд японских промышленников и финансистов, заинтересованных в развитии экономических отношений с СССР, и особенно рыбопромышленники оказывали нажим на правительство, требуя улучшения отношений с СССР и подписания новой рыболовной конвенции, так как срок прежней истек в 1939 г. В японской прессе появились статьи, требовавшие заключения с СССР пакта о ненападении. Таково было положение к моменту крушения Франции. Это событие значительно усилило те японские круги, которые выступали за экспансию в сторону южных морей. Они находили поддержку и у Германии, которая в то время считала своей основной задачей ведение войны против Англии и выступала поэтому за урегулирование советско-японских отношений «с тем, чтобы развязать руки Токио для экспансии на юг. Это должно было привлечь внимание Англии и США к Тихому океану, ослабив их позиции в Европе»⁷⁰.

В начале июня был урегулирован вопрос о пограничной линии между Маньчжоу-Го и Монгольской Народной Республикой в районе конфликта 1939 г. Спустя месяц, японский посол в Москве Того предложил заключить советско-японский договор сроком на 5 лет. Суть такого договора, который основывался бы на советско-японском

договоре 1925 г., заключалась в сохранении нейтралитета в том случае, если бы одна из сторон подверглась нападению третьей стороны. Советский Союз дал согласие на японское предложение, но обусловил его отказом от договора 1925 г. как основы нового соглашения, поскольку конвенция 1925 г. в значительной своей части устарела. В связи со сменой кабинета в Японии в июле 1940 г. переговоры были прерваны, а посол Того отозван в Токио. Однако тенденция к урегулированию отношений с СССР продолжала усиливаться по мере того, как выявлялись благоприятные перспективы для усиления японской агрессии в Юго-Восточной Азии в результате ослабления Англии и поражения Франции и Голландии. Эта тенденция была коротко сформулирована в конце сентября 1940 г. японской газетой «Хопи»: «Если Япония хочет продвинуться на юге, она должна быть свободной от опасений на севере»⁷¹. В Москву был назначен новый посол — Татекава, которому, по словам министра иностранных дел Мацуока, было поручено «открыть новую страницу в отношениях между Японией и Советским Союзом»⁷².

Заключение Тройственного пакта 27 сентября 1940 г. означало в тех конкретных условиях усиление японских кругов, выступающих за агрессию в южном направлении, т. е. против английских владений в Азии. В то же время следовало считаться и с тем, что в случае изменения международной обстановки, например в случае нападения Германии на Советский Союз, Япония может оказать ей поддержку. Этот момент неоднократно подчеркивался ответственными руководителями японского правительства на секретных заседаниях.

Осенью 1940 г. и в начале 1941 г. советско-японские переговоры были продолжены. СССР выдвинул предложение подписать договор о нейтралитете при условии ликвидации японских нефтяных и угольных концессий на Северном Сахалине. В этом случае СССР обязывался компенсировать концессионеров и поставлять Японии сахалинскую нефть в течение 5 лет на обычных коммерческих условиях. Японское правительство согласилось обсудить проект договора, но отклонило предложение о ликвидации концессий⁷³.

Однако, несмотря на все трудности, советско-японские отношения уже входили в период временного урегулирования. Перспективы его улучшились после подписания во

второй половине января 1941 г. протокола о продлении рыболовной конвенции до конца 1941 г. Определенное воздействие оказало на позицию Японии и неудачное начало японо-американских переговоров.

Вскоре после подписания Тройственного пакта японское правительство обратилось к правительству СССР с предложением заключить пакт о ненападении. Одновременно Япония просила Германию содействовать заключению пакта.

План, предложенный Риббентропом, был отклонен в ноябре 1940 г. Советским правительством. Между тем сторонники направления японской агрессии на юг оказывали все большее влияние на японскую внешнюю политику и требовали с этой целью обеспечить безопасность японского тыла на севере, т. е. в северо-восточных районах Китая, граничащих с Советским Союзом и Монгольской Народной Республикой. Немалую роль сыграло то обстоятельство, что уроки Халхин-Гола еще не были забыты японской военщиной. Перспектива войны против СССР казалась куда более опасной, чем нападение на английские владения в Юго-Восточной Азии, несмотря на то, что Англия находилась в весьма тяжелом положении. 3 февраля 1941 г. на совместном заседании правительства и представителей военных кругов были одобрены «Принципы ведения переговоров с Германией, Италией и Советским Союзом». 12 марта японский министр иностранных дел Мацуока отбыл в Европу. Во время остановки в Москве Мацуока предложил Советскому правительству заключить пакт о ненападении. Напомним, что в 30-е годы Советский Союз неоднократно обращался к Японии с таким предложением, но тогда оно было отклонено Японией. В новой же обстановке Советский Союз не считал достаточным заключение лишь пакта о ненападении. Было важно заручиться нейтралитетом Японии на случай осложнения с Германией. Поэтому Советский Союз выдвинул контрпредложение: заключить договор о нейтралитете. 26 марта с этим предложением Мацуока и отправился в Берлин.

После издания директивы «Барбаросса» гитлеровская Германия стала оказывать давление на Японию с целью заставить ее занять позицию, которая бы благоприятствовала германским планам. Во второй половине января 1941 г. при встрече с Муссолини в Бергхофе Гитлер говорит о Японии, «чья свобода действий ограничена Россией,

точно так же как и Германии, которая должна держать на советской границе 80 дивизий в постоянной готовности на случай действий против России». Оценивая Японию как важный фактор борьбы с Англией и Соединенными Штатами, Гитлер не без умысла подчеркивал, что часть японских сил скована Советским Союзом⁷⁴.

Гитлер, принимая 3 февраля 1941 г. японского посла Курусу, явившегося к нему с прощальным визитом, сделал послу прозрачные намеки относительно возможного развития германо-советских отношений. «Нашими общими врагами,— говорил он,— являются две страны — Англия и Америка. Другая страна — Россия — не является врагом в данный момент, но представляет опасность для обоих государств (т. е. для Германии и Японии.— *А. Н.*). В данный момент в отношениях с Россией все в порядке. Германия верит этой стране, но 185 дивизий, которые Германия имеет в своем распоряжении, обеспечивают ее безопасность лучше, чем это делают договоры. Таким образом,— заключил Гитлер,— интересы Германии и Японии абсолютно параллельны в трех направлениях»⁷⁵.

Добиваться скорейшего вовлечения Японии в войну — такая установка была дана в директиве германского верховного командования вооруженных сил № 24 от 5 марта 1941 г. относительно сотрудничества с Японией. В этом документе прямо указывалось, что цель германской политики заключается в том, чтобы «вовлечь Японию в активные действия на Дальнем Востоке как можно скорее». «Операция Барбаросса,— говорилось далее,— создает для этого особо благоприятные политические и военные условия»⁷⁶. Из этой директивы явствовало, что речь идет о нападении Японии на английские владения, в то время как Германия, нападая на Советский Союз, высвобождает скованные на Дальнем Востоке японские войска.

Во время пребывания японского министра иностранных дел в Берлине эта установка была лейтмотивом всех бесед с ним Гитлера и Риббентропа. Подчеркивая, что Англия уже потерпела поражение и для Японии выгодно немедленно выступить против нее, глава немецких фашистов обращал внимание японского министра также и на то, что надеждой Англии являются американская помощь и Советский Союз. Упоминая в данной связи Советский Союз, Гитлер хотел отвлечь Японию от подписания в Москве каких-либо политических соглашений. Риббентроп также

старался внушить Мацуока мысль о скором поражении Англии и ликвидации Британской империи, следовательно, Японии следует поспешить, напад, скажем, на Сингапур. Риббентроп всячески давал понять собеседнику, что война Германии против СССР неизбежна⁷⁷. Отсюда Мацуока должен был сам прийти к выводу о том, что нет смысла входить с Советским Союзом в политическое соглашение. Ведь ее союзник, Германия, все берет на себя... Риббентроп разъяснял Мацуока: «Немецкие армии на востоке подготовлены в любое время. Если Россия однажды займет позицию, которую можно будет интерпретировать как угрозу Германии, фюрер сокрушит Россию. Германия убеждена, что кампания против России окончится абсолютной победой немецкого оружия и полным разгромом Красной Армии и русского государства. Фюрер убежден, что в случае действия против Советского Союза через несколько месяцев не будет больше великой державы России... Не следует также упускать из виду, что Советский Союз, несмотря на все отрицания, все еще ведет коммунистическую пропаганду за границей... Далее остается фактом, что Германия должна обезопасить свой тыл для ее окончательной битвы против Англии... Немецкая армия практически не имеет противников на континенте за возможным исключением России»⁷⁸.

В беседе от 29 марта 1941 г. Риббентроп в своей обычной провокационной манере заверял Мацуоку: «Если Россия когда-либо нападет на Японию, Германия ударит немедленно». Следовательно, безопасность Японии на севере обеспечена⁷⁹.

Давление на Мацуоку оказывалось с неослабевающей настойчивостью в течение всего пребывания японского министра в Берлине. 4 апреля Мацуока вновь беседовал с Гитлером, а 5 апреля — с Риббентропом. Снова и снова немецкие министры уверяли Мацуока, что Англия вот-вот рухнет и мир будет достигнут ценой ее полной капитуляции. Японии следует поспешить. Мацуока понимающе поддакивал, делая вид, что со всем согласен, и просил оказать помощь Японии в вооружении, в частности в оборудовании подводных лодок⁸⁰. Мацуока обещал своим партнерам поддержать в Токио план нападения на Сингапур, хотя во время пребывания в Берлине получил предупреждение японского верховного командования о нежелательности принимать на себя какие-либо военные обязательства, на-

пример нападения на Сингапур. Сам Мацуока исходил из расчета, что война с Англией необязательно будет означать также и войну с Соединенными Штатами Америки. Несмотря на заверения Риббентропа, что Германия обеспечит безопасность Японии на севере, Мацуока, действуя в духе полученных в Токио директив, решил добиваться прямого японо-советского соглашения⁸¹. Еще 2 февраля в Токио был утвержден документ «О форсировании политики продвижения в южном направлении».

Переговоры о заключении советско-японского пакта возобновились с 8 апреля, после возвращения Мацуока в Москву. Они происходили в обстановке продолжающихся разногласий по поводу характера договора. Японский министр иностранных дел настаивал на заключении пакта о ненападении. Советская сторона соглашалась на это при условии ликвидации японских концессий на Северном Сахалине. После долгих споров было решено подписать договор о нейтралитете, что и было сделано 13 апреля 1941 г.⁸² Одновременно Мацуока дал письменное обязательство разрешить в течение нескольких месяцев вопрос о концессиях на Северном Сахалине. Позднее, в связи с начавшейся германо-советской войной, к проблеме концессий уже не возвращались.

Советско-японский пакт о нейтралитете был одобрен в Токио, так как в тот момент сторонники экспансии в южном направлении имели перевес. Это выразилось и в том, что 12 июня было решено активизировать действия Японии на юге, не останавливаясь перед войной с Англией и Соединенными Штатами Америки. Окончательное же решение было принято, спустя 10 дней после нападения Германии на Советский Союз, на императорской конференции 2 июля 1941 г.⁸³

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ, КОТОРЫМИ ПРЕНЕБРЕГЛИ

С границы сообщают...

Вряд ли нужно было более ясное доказательство намерения гитлеровской Германии не считаться с интересами Советского Союза, чем нападение на Югославию в день заключения советско-югославского договора. В то же время подписание договора с Югославией, а спустя неделю — пакта о нейтралитете с Японией как будто показало, что Советский Союз не намерен закрывать глаза на враждебные германские акты.

Предупреждения о готовящемся германском нападении на СССР поступали с разных сторон, из разнообразных источников. Они стекались в Москву в виде сообщений военных округов, данных пограничной службы, материалов иностранной прессы и радио, наконец, по разведывательным и дипломатическим каналам.

На советско-германской границе, несмотря на советско-германские соглашения, положение оставалось напряженным. Шла тайная, а иногда и явная война. Вражеские лазутчики, диверсанты, вооруженные банды день за днем «прощупывали» границу. Потери противника от боевых столкновений на границе исчислялись только убитыми и ранеными около 1300 человек. То на одном участке границы вооруженная группа пыталась углубиться на советскую территорию, то вражеских агентов,

имевших при себе радиопередатчики, обнаруживали в ближайшем тылу. В течение 1939—1941 гг. всевозможные случаи нарушений границы насчитывались, без преувеличения, тысячами. Гитлеровцы широко использовали для шпионажа и диверсий против Советского Союза украинских и польских националистов, членов различных белогвардейских союзов, фашистских и полуфашистских организаций. По данным, приведенным в «Истории Великой Отечественной войны», пограничные войска на территории западных военных округов задержали около 5 тыс. вражеских агентов и уничтожили немало вооруженных банд. Только на территории Польши, согласно данным разведки советских пограничных войск, было обнаружено 95 немецких агентурно-вербовочных и переправочных пунктов. Информация, которую получала пограничная служба различными способами, не оставляла сомнений в том, что на территории так называемого генерал-губернаторства гитлеровцы ведут интенсивные военные приготовления, направленные против СССР, что туда перебрасываются войска из Западной Европы и с Балкан. Сведения эти были абсолютно достоверными и во многих случаях содержали точное наименование воинских частей, данные о числе проследовавших эшелонов, о военной технике в этих частях, о строительстве аэродромов, дорог, подъездных путей.

Другим верным признаком усиления военной опасности было резкое возрастание числа вражеских агентов, пытавшихся пересечь советскую границу. Число задержанных или уничтоженных вражеских агентов в 1941 г. по сравнению с январем — мартом 1940 г. увеличилось в 15—20 раз, а в апреле — июне 1941 г. по сравнению с апрелем — июнем 1940 г. — в 25—30 раз¹!

Вся эта информация, следуя по служебным каналам, начиная от пограничных застав, поступала в соответствующий отдел Главного управления пограничных войск (ГУПВ), которое незамедлительно сообщало в Генеральный штаб Наркомата обороны и правительству.

Чем ближе дело шло к войне, тем больше нагнали гитлеровцы, начавшие переброску на территорию СССР вооруженных групп. В «Истории Великой Отечественной войны» приводится пример, как советскую границу переплыли 16 вооруженных немецких солдат, переодетых в форму инженерных войск Красной Армии. В бою с пограничниками было убито 11 гитлеровцев, пятеро взято в плен².

В то время в пограничных районах было сосредоточено огромное число людей, занятых на строительстве оборонительных рубежей.

Вражеские агенты смешивались со строителями и незаметно проникали на советскую территорию. В апреле и мае 1941 г. фашистская разведка начала засылать в Советский Союз агентов высокой квалификации. Большинство из них окончило специальные разведывательные школы в Штеттине, Кенигсберге, Берлине и Вене. Многие были обнаружены, но многие проникли в тыл и в день 22 июня дали знать о своем присутствии диверсиями, нападениями и убийствами. О случаях проникновения вражеских диверсантов и о положении на границе вообще командиры соединений Красной Армии, дислоцированных вблизи границы, не всегда имели ясное представление, так как в тот период стройной системы информации в звене пограничный отряд — стрелковая дивизия создано не было. Такая информация осуществлялась в звене пограничный округ — военный округ. В ряде случаев эта информация поступала непосредственно в Главное управление в Москву и только там передавалась Наркомату обороны, который в свою очередь решал, сообщать эту информацию в войска или нет. Таков был сложный путь, который проделывала зачастую важная для данной дивизии в данный момент информация.

А как обстояло дело в воздухе? Несмотря на то, что немецкие самолеты и после пограничных соглашений продолжали нарушать советскую границу и вести интенсивную разведку, было приказано не открывать по ним огня. Этот приказ был отдан в апреле 1940 г. по настоянию тогдашнего наркома внутренних дел, позднее разоблаченного предателя Берия. С апреля 1940 г. не только пограничным войскам, но и частям Красной Армии запрещалось открывать огонь по нарушителям советских воздушных границ. Судя по немецким документам, гитлеровское правительство было официально об этом информировано.

Главный маршал артиллерии Н. Н. Воронов подтверждает, что противовоздушная оборона имела «категорическое приказание не открывать огня зенитной артиллерии по немецким самолетам; истребительной авиации также запрещалось их сбивать. При встрече с немецкими самолетами истребители должны были предлагать им призем-

литься на один из наших аэродромов. Однако такие предложения немцами, конечно, не принимались, и они спокойно уходили на свою территорию»³.

Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян рассказывает, что командующий Киевским особым военным округом генерал-полковник М. П. Кирпонос просил «Москву разрешить хотя бы предупредительным огнем препятствовать действиям фашистских самолетов. Но его одернули: „Вы что — хотите спровоцировать войну?“».

Правда, советская воздушная служба охраны границы иногда вынуждала немецкие самолеты приземлиться. В отдельных случаях у экипажей немецких самолетов были обнаружены фотопленки, не оставлявшие сомнений в преднамеренном характере «случайного» углубления в воздушное пространство СССР. Но даже в этих случаях проявлялось неслыханное великодушие: летчиков отправляли назад в Германию, а самолеты возвращали немецкому командованию. Печальнее всего было то, что пока шло расследование, немецкие летчики часто оставались на тех полевых аэродромах, где их заставили приземлиться, и, пользуясь относительной свободой, могли вести и, нет сомнения, вели наблюдения. Эти сведения были весьма кстати для немецкого командования воздушных сил, намечавшего объекты бомбардировок на советской территории на первые дни войны. Нарушения советской воздушной границы с каждым месяцем принимали все большие масштабы. Советское правительство неоднократно заявляло германскому правительству протест. С января 1941 г. и до начала войны немецкие самолеты 152 раза нарушали советскую границу⁴.

С 27 марта по 18 апреля 1941 г. было 80 случаев нарушения немецкими самолетами воздушного пространства СССР. 15 апреля около Ровно приземлился немецкий самолет, в котором была найдена камера с заснятой пленкой части топографической карты СССР; все это неопровержимо свидетельствовало о том, что самолет выполнял шпионское поручение. По сообщению германского поверенного в делах в Советском Союзе Типпельскирха, Наркоминдел вручил ему по этому поводу вербальную ноту. Германскому советнику напомнили, что пограничным войскам был дан приказ не открывать огня по немецким самолетам, летающим над советской территорией, до тех пор, пока такие полеты не станут частыми. Типпельскирх сообщил

своему начальству в Берлин: «...Следует ожидать серьезных инцидентов, если немецкие самолеты будут продолжать перелеты советской границы»⁵.

Дополнительные сведения

Информация, поступавшая в Москву по дипломатическим и разведывательным каналам, также не должна была оставить и тени сомнения в активной подготовке, проводимой гитлеровской Германией для нападения на Советский Союз.

Советские дипломатические и военно-дипломатические представители с лета 1940 г. систематически сообщали в Москву об интенсивных военных приготовлениях немцев. Так, советский военный атташе во Франции генерал-майор И. А. Суслопаров рассказал автору, что в июле 1940 г. он получил официальный отчет французского генерального штаба о причинах поражения Франции. В июле 1940 г. во время пребывания в Москве советский военный атташе подробно доложил об этом, а также и о дислокации немецких войск как на советско-германской границе, так и в других странах Европы⁶.

Охлаждение, наступившее в германо-советских отношениях, быстро почувствовали уже в январе 1941 г. советские дипломатические работники, находившиеся во Франции. Немецкие власти чинили препятствия при передвижении советских работников, в том числе и военного атташе, по территории Франции. Суслопаров рассказывает также, что была прекращена выдача виз советским гражданам на выезд в СССР. Немцы потребовали, чтобы помощник советского военного атташе майор Власюк выехал из Парижа. В начале февраля все сотрудники советского посольства, в том числе и военного атташата, а также их семьи выехали в Виши. В Париже осталось только советское консульство.

В апреле советский военный атташе отправил в Москву донесение, в котором указывал, что нападение Германии на СССР планируется на последнюю декаду мая. Но вместе с тем стало известно, «что в связи с затянувшейся весной» немцы откладывают начало наступления на месяц.

Суслопарову в конце апреля — начале мая было досконально известно из разного рода источников о готовя-

щемся германском нападении. «К этому времени,— рассказывает Суслопаров,— я уже располагал данными о нападении на СССР, полученными мною от югославского, китайского, американского, турецкого и болгарского военных атташе, с которыми у меня в то время установились неплохие отношения. Из всех сведений, которыми я располагал, с неизбежностью вытекало, что Германия завершает подготовку для нападения на Советский Союз⁷.

В середине мая Суслопаров отправил соответствующее донесение в Москву.

Сообщения, получаемые по разведывательным каналам, также становились все более тревожными. Советские разведывательные органы располагали обширной и вполне достоверной информацией о положении Германии и о ее намерениях. Существенно облегчала задачи советской разведки ненависть самых широких слоев населения Европы к гитлеризму.

В условиях фашистского террора, царившего в самой Германии и на оккупированных ею территориях, советские разведчики вели героическую и нужную работу. В то время Европа представляла собой гигантский концентрационный лагерь. Немецкие фашисты немилосердно грабили оккупированные страны. Захватчики жестоко расправлялись с недовольными и инакомыслящими. Страх, навеянный, казалось, непреодолимой мощью Германии, стал, однако, постепенно проходить. То там, то тут возникали антифашистские группы и организации. Их состав был самый разнообразный: были здесь и рабочие, и крестьяне, и интеллигенты, и военнослужащие, и священники, люди различных политических взглядов и религиозных убеждений. Наиболее организованными и целеустремленными были антифашистские организации, возглавляемые коммунистами. Антифашистское подполье вело неустанную борьбу против оккупантов. На первом этапе возникшего в Европе Сопротивления наиболее распространенными формами его были саботаж, подрыв военных усилий гитлеровцев, вооруженные нападения на отдельных, наиболее ненавистных представителей оккупационных властей, уничтожение предателей. Постепенно борьба начала принимать более широкий и организованный характер. Возникшие в Европе антифашистские организации, сплачивая вокруг себя патриотов в то же время стремилась найти поддержку повсюду, где могли ее получить. Одни ориен-

тировались на помощь Англии, другие — на помощь Советского Союза.

Многие из организаций, особенно правого или консервативного толка, связанные с Англией, снабжали ее стратегической и политической информацией. Левые антифашистские организации, как правило, ориентировались прежде всего на свой собственный народ, понимая, что главный вклад в освобождение своей страны должны внести они сами. Немецкие антифашисты и антифашисты других европейских стран, среди них прежде всего коммунисты, видели свой интернациональный долг по отношению к единственному в мире социалистическому государству — СССР и свой национальный долг по отношению к собственному народу в том, чтобы способствовать ослаблению и в конечном счете гибели гитлеровского рейха всеми доступными им средствами. С риском для жизни антифашисты Европы, прежде всего в самой Германии, добывали сведения о гитлеровских планах, состоянии германских вооруженных сил, информацию военно-экономического порядка, любые данные, которые могли оказать помощь и им самим, и тем, кто вел войну против Германии или мог стать объектом неожиданного нападения гитлеровских разбойников. Те, кто добывал эти сведения, делали это в силу своих убеждений и не руководствовались, как правило, никакими иными соображениями. Таковую опасную и сложную борьбу в условиях военного времени, оккупации и предательства могли успешно вести истинные антифашисты. Вера в свободу, в освобождение, в гибель ненавистного фашистского нового порядка руководила этими людьми, над которыми постоянно висела угроза ареста, пыток в застенках гестапо и смерти.

Подтверждающая информация о подготовке Германией нападения на СССР была получена с другого конца земли, из Токио. Здесь действовал талантливый советский разведчик Рихард Зорге. Биографии Зорге посвящена не одна книга, и как бы их авторы ни относились к Зорге, каких бы политических убеждений они ни придерживались, все они, начиная с американского генерала Уиллоби, опубликовавшего в 1952 г. книгу о Зорге, и до Аллена Даллеса, бывшего главы американской разведки, не могут писать о нем без восхищения.

Зорге родился в 1895 г. в городе Баку. Отец его, немец, техник-нефтяник по специальности. Дед приходился род-

ственным сподвижнику Карла Маркса Адольфу Зорге. Мать была русской. В юношеском возрасте он вместе с родителями покинул Россию. В Германии он глубоко заинтересовался личностью своего деда, а отсюда и возник его интерес к социалистическому учению. Испытания первой мировой войны — он был ее участником — подкрепили решение, к которому он должен был неизбежно прийти. В годы Веймарской республики Зорге стал коммунистом. Благодаря своим незаурядным способностям он после окончания Кильского университета стал сотрудником популярных европейских газет и в первую очередь широко распространенной в Германии «Франкфуртер цейтунг». Несколько лет Зорге прожил в СССР. Он был убежден, что ему удастся лучше всего служить делу социализма на поприще разведчика. Для этого у него были все данные. Зорге отправляется в Шанхай, а позднее в Токио в качестве корреспондента «Франкфуртер цейтунг», путешествует, посещает Соединенные Штаты Америки. Незадолго до приезда в Токио он вступает в гитлеровскую партию и скоро становится своим человеком в кругах, близких к профессору геополитики генералу Карлу Гаусгоферу, развивавшему «теорию жизненного пространства». В то время Гаусгофер возглавлял политико-разведывательное учреждение.

В Токио Зорге быстро вошел в доверие к немецкому военному атташе, а затем послу Германии Отту, который сделал его нештатным заместителем руководителя информационного бюро посольства, а фактически своим советником. В конце 1935 г. Зорге создал разведывательную организацию, в которую входили также немец Макс Клаузен, высококвалифицированный радист на службе советской разведки, серб Бранко Вукелич, Одзакки Хоцуми, блестящий японский журналист по политическим вопросам и доверенное лицо японского премьер-министра принца Коноэ, и Иотоко, художник и артист. В течение 6 лет осуществлялась постоянная передача информации из Токио в Москву. Только в 1939 г. было передано 60 сообщений с общим числом 23 139 слов, а в 1940 г. было передано почти 30 тыс. слов. Это была совершенно уникальная информация. В различных японских правительственных учреждениях у Зорге были люди, снабжавшие его важнейшими сведениями. Но наиболее ценным сотрудником был, конечно, Одзакки Хоцуми, имевший доступ к самым секретным правительственным бумагам, которые ему давал лично принц Коноэ.

Микрофильмы этих документов посылались специальными курьерами в Шанхай, Гонконг или Манилу, а оттуда дальше, к месту назначения...

Зорге время от времени сообщал, что Япония, несмотря на всю свою враждебность к Советскому Союзу, не нападет на СССР и в конечном счете повернет против Соединенных Штатов Америки.

1 мая 1941 г. Гитлер в беседе с японским послом в Берлине Осима сообщил ему о своем намерении напасть 22 июня на Советский Союз. Было бы хорошо, уговаривал Гитлер японского посла, если бы и Япония напала на Советский Союз в то же самое время. Одзакки немедленно стало известно об этом. Информация была препровождена Зорге.

12 мая Зорге и Клаузен передали в Москву сообщение, что 150 немецких дивизий сосредоточилось на советской границе для атаки по всему фронту 20 июня. Главное направление — Москва.

В другом сообщении от 15 мая Зорге уточняет дату нападения — 22 июня. В статье, опубликованной в «Правде» от 4 сентября 1964 г., советский журналист В. Маевский писал, что, кроме того, Зорге в своих донесениях «дает общую схему военных действий, которые развернут гитлеровцы»⁸.

Кроме этого важнейшего сообщения, Зорге в октябре 1941 г. сообщает в Москву о намерении японского правительства начать войну в Юго-Восточной Азии, против колониальных владений Англии и Нидерландов. Японская контрразведка долго не могла напасть на след организации Зорге, но в конце концов ей это удалось.

18 октября Зорге был арестован и спустя 3 года, 7 ноября 1944 г., повешен в японской тюрьме. Так оборвалась жизнь бесстрашного советского разведчика, коммуниста Рихарда Зорге. 5 ноября 1964 г. Рихарду Зорге было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Сподвижники Зорге — супруги Клаузен, освобожденные из токийской тюрьмы после капитуляции Японии и проживающие ныне в Германской Демократической Республике, были также награждены советскими орденами.

Итак, из Берлина, Берна, Токио в Москву по каналам разведки поступила тревожная информация: Германия 22 июня нападет на Советский Союз.

США и Англия предупреждают

С 1934 г. в посольстве Соединенных Штатов Америки в Берлине служил в качестве коммерческого атташе Сэм Эддисон Вудс. К моменту описываемых событий ему уже было 48 лет. Он был одновременно и инженером, и дельцом, и дипломатом. Вудс имел в высших немецких кругах обширные связи и действовал настолько хитро и спокойно, что немецкой контрразведке и в голову не приходило заподозрить его в запрещенной деятельности. У Вудса был друг — немец, принадлежавший к антигитлеровской оппозиции, но, разумеется, тщательно это скрывавший. Немец принадлежал к высшему свету и не только пользовался доверием в министерстве хозяйства и Рейхсбанке — учреждениях, возглавлявшихся в разное время Хьялмаром Шахтом, который ему доверял, но и имел влиятельные связи в верховном командовании вермахта.

В августе 1940 г. друг Вудса прислал ему билет в театр. Когда в зале погас свет, он опустил в карман пиджака атташе свернутый листок бумаги. После окончания спектакля они разошлись в разные стороны, ни одним движением не выдав своего знакомства. Дома Вудс вынул из кармана эту записку. В ней было написано: «В главной квартире Гитлера происходили совещания относительно приготовлений для войны против России». Вудс немедленно препроводил информацию в госдепартамент Соединенных Штатов Америки. Однако там, по свидетельству покойного государственного секретаря США Корделла Хэлла, информация Вудса была воспринята с недоверием⁹. В США по-прежнему были убеждены в том, что Гитлер намеревается произвести вторжение на Британские острова. Впрочем не так-то было просто представить себе в августе 1940 г., что Гитлер решится повернуть на восток и затеять войну на два фронта.

Несмотря на сомнения госдепартамента, Вудс получил указание заняться тщательным изучением новых планов Гитлера. Друг Вудса заверил его, что информация получена им от лица, заслуживающего доверия. Это лицо принадлежит к узкому кругу особо доверенных офицеров в верховном командовании германских вооруженных сил. Он заявил Вудсу, что Гитлер под прикрытием опустошительных налетов на Англию готовится к внезапному нападению на Советский Союз.

Изучение событий показывает, что Гитлер попытался бы осуществить вторжение в Англию, если бы налицо были необходимые предпосылки. Об этом свидетельствует и тот факт, что планирование вторжения в Англию продолжалось в штабе верховного командования наряду с начавшейся работой генштабистов по планированию нападения на Советский Союз. Информатор Вудса вскоре сообщил ему, что интенсивно разрабатываются и экономические планы эксплуатации территорий Советского Союза, а также начато печатание русских банкнот¹⁰.

После утверждения Гитлером директивы № 21 (план «Барбаросса») все детали этого плана были немедленно сообщены Вудсу. Информатор Вудса передал ему в январе 1941 г. копию директивы и сообщил детали трех главных направлений ударов немецких армий. Все приготовления к войне против СССР должны быть завершены к весне 1941 г., подчеркивал немецкий друг Вудса.

К этому времени госдепартамент США имел возможность проверить информацию Вудса и получить подтверждение правильности сообщенных им сведений. В январе 1941 г. Хэлл доложил информацию Вудса президенту Рузвельту. После ряда совещаний было решено поставить в известность о планах Гитлера советского посла в Вашингтоне. 1 марта заместитель государственного секретаря Самнер Уэллес познакомил К. Уманского с материалами, присланными Вудсом. Хэлл писал позднее в своих мемуарах, что посол, выслушав сообщение Уэллеса, побледнел. После короткой паузы Уманский, придя в себя, горячо поблагодарил американское правительство и сказал, что полностью отдает себе отчет в важности полученной им информации и немедленно сообщит обо всем Советскому правительству¹¹. 20 марта Уэллес подтвердил советскому послу сообщение от 1 марта и дополнил ряд сведений¹².

Это было первое предупреждение по иностранным дипломатическим каналам, а не «самое первое предупреждение, которое получил СССР», как утверждает Фараго, ибо первое предупреждение было получено еще в 1940 г. по разведывательным каналам. Впрочем, все предупреждения постигла одинаковая судьба: И. В. Сталин попросту их игнорировал.

Хотя британский премьер-министр Уинстон Черчилль был осведомлен об информации Вудса, но он относился к ней до марта 1941 г. скептически. Между тем английская

разведывательная служба на континенте продолжала посылать сообщения о подозрительных перемещениях немецких войск. Правда, эти сообщения, очевидно, не могли еще создать ясной картины, поскольку английская разведка интересовалась намерениями Германии лишь с точки зрения вторжения на Британские острова, но именно на побережье Ла-Манша и Па-де-Кале приготовления к операции «Морской лев», казалось, шли в обычном порядке: производились учения по высадке десантов и т. п.

В один из последних дней марта Черчилль, читая очередную разведывательную сводку, обратил внимание на донесение английских агентов с Балкан. Сообщалось, что в то самое время, когда югославские министры прибыли в Вену для подписания протоколов о присоединении Югославии к Тройственному пакту, три из пяти немецких танковых дивизий, проследовавших недавно через территорию Румынии в направлении Югославии и Греции, были остановлены и повернуты в направлении Кракова. Из этого Черчилль сделал вывод: немцы, очевидно, действительно готовятся к нападению на СССР. И хотя через несколько дней эти дивизии были вновь брошены против Югославии, английский премьер лишь сделал поправку в своих выводах — нападение на СССР начнется не в мае, а в июне. В начале апреля объединенный разведывательный комитет в докладе Черчиллю констатировал, что Германия концентрирует на востоке большие силы и что рано или поздно будет война. Однако комитет не считал войну вероятной в скором времени. Более того, 23 мая комитет информировал, что слухи о нападении Германии на СССР угасли. Однако еще до этого сообщения Черчилль больше не сомневался, что после Югославии и Греции наступит очередь Советского Союза.

В письме Идену, находившемуся в то время в Афинах, от 28 марта 1941 г. Черчилль предложил своему министру иностранных дел сосредоточить усилия на заключении союза между Югославией, Грецией и Турцией (одна из многих идей британского премьера, оказавшаяся мертворожденной). Черчилль писал: «Если на Балканском полуострове будет создан единый фронт, не сочтет ли Германия за благо отказаться от нападения на Россию? Ведь мы имели много сообщений о значительных сосредоточениях (немецких. — А. Н.) войск в Польше и об интригах в Швеции и в Финляндии»¹³.

Британский премьер не только не огорчился таким оборотом войны, но и радовался. Ведь нападение Германии на Советский Союз избавляло Англию от опасности вторжения, облегчало ее тяжелейшее военно-политическое положение и предоставляло передышку для того, чтобы собраться с силами. Поэтому он считал, что следует направить Сталину предупреждение. Надо, чтобы нападение Германии не застало русских врасплох и борьба на востоке продолжалась как можно дольше.

31 марта из Белграда в Лондон поступила информация, подтверждающая прежнюю: будто бы Гитлер в беседе с югославским принцем-регентом Павлом сообщил ему, что нападение на Советский Союз намечено на 30 июня. Такую же информацию получил английский посол в Вашингтоне от помощника государственного секретаря Уэллеса вечером 2 апреля. На следующий день Черчилль принял окончательное решение. Стаффорд Криспису, английскому послу в Москве, было отправлено послание премьера для личной передачи Сталину. 5 апреля Криспис сообщил в Лондон, что нет никакой возможности вручить послание И. В. Сталину лично. Следует распоряжение, чтобы послание было передано В. М. Молотову, но и к Молотову Криспис попасть на прием не мог. Взбешенный посол на свой страх и риск отправляет личное письмо заместителю наркома иностранных дел, в котором, ни слова не говоря о поручении премьера, разбирает весь комплекс англо-советских отношений. Форин Оффис со своей стороны также теперь сомневается в целесообразности вручения послания. Черчилль требует немедленно выполнить его распоряжение.

19 апреля, спустя две недели после получения послания Черчилля, оно, наконец, вручается, но не И. В. Сталину и не Молотову, ибо они всячески уклоняются от встречи с английским послом, а НКВД. Потеряны две бесценные недели: ведь в своем послании Черчилль предупреждает о готовящемся нападении на СССР. Но до войны остается еще два месяца¹⁴.

22 апреля английский посол был уведомлен, что послание британского премьер-министра И. В. Сталину вручено.

Но и на послание Черчилля такая же реакция: И. В. Сталин убежден, что это интриги английского правительства, цель которых — посорить Советский Союз и Германию. Незадолго до того военный атташе Германии

в СССР генерал Кестринг получил инструкцию сообщить Генеральному штабу Красной Армии, что переброска немецких солдат с запада на восток происходит для замены старых возрастов молодыми, чтобы использовать первых на производстве. Кроме того, условия для обучения молодых солдат на востоке более благоприятны, так как нет опасности воздушных налетов¹⁵.

* * *

Сведения о подготавливаемом нападении на СССР И. В. Сталину докладывались систематически. 10 апреля сообщено об упомянутой выше беседе Гитлера с принцем-регентом Павлом. 5 мая И. В. Сталину передана новая информация о подготовке нападения на СССР. В том же месяце доложены сведения, полученные от Зорге. 6 июня Сталину представлены данные о сосредоточении на советской границе вражеской группировки, насчитывавшей около 4 млн. человек. 11 июня И. В. Сталин поставлен в известность, что по указанию из Берлина немецкое посольство должно подготовиться к эвакуации в течение семи дней и что 9 июня там начали сжигать документы¹⁶.

* * *

Маршал Советского Союза Ф. И. Голиков был начальником Разведывательного управления Генерального штаба как раз в период подготовки Германией нападения на СССР, с середины июля 1940 г.

В беседе с автором этой книги маршал ответил на ряд вопросов о событиях, предшествовавших войне.

«Вопрос: За рубежом пишут много о предупреждениях, которые получал Советский Союз по различным каналам о готовящемся нападении. Создается впечатление, будто первое предупреждение относится к марту 1941 г. (сообщение заместителя государственного секретаря США С. Уэллеса советскому послу К. Уманскому). Так ли это?»

Ответ: Нет, это не так. Первые предупреждения поступили по линии советской военной разведки гораздо раньше марта 1941 г. Разведывательное управление проводило огромную работу по добыванию и анализу сведений по различным каналам о намерениях гитлеровской Германии, особенно и в первую очередь против Советского государст-

ва. Наряду с добыванием и анализом обширных агентурных данных РУ тщательно изучало международную информацию, зарубежную прессу, отклики общественного мнения, немецкую и других стран военно-политическую и военно-техническую литературу и т. п. Советская военная разведка располагала надежными и проверенными источниками получения секретной информации в целом ряде стран, в том числе и в самой Германии. Поэтому американское сообщение не было и уж во всяком случае не могло быть новостью для политического и военного руководства нашей страны, начиная с И. В. Сталина¹⁷.

Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян также полагает, что было достаточно сведений, «чтобы трезво судить о готовящемся на Советский Союз нападении»¹⁸.

Итак, все свидетельствует о том, что советская разведка накануне войны с честью выполнила свой долг перед народом. Советские разведчики сделали все от них зависящее. Но их предупреждениями пренебрегли.

НАКАНУНЕ

Последние месяцы

Переговоры в Берлине в ноябре 1940 г. и последовавшие затем события на Балканах свидетельствовали о развитии агрессивных планов гитлеровской Германии.

Расчет на то, что война на Балканах затянется и немцы вынуждены будут в связи с наступлением осени отказаться от нападения на СССР в 1941 г., если таковые намерения у них действительно есть, не оправдался. О том, что И. В. Сталин надеялся на такое развитие событий, свидетельствуют заявления югославского посла в Москве Милана Гавриловича после приезда его в Анкару в мае 1941 г. Но Югославия была разгромлена в быстрой кампании. Теперь И. В. Сталин старался не давать повода Германии для нападения на СССР. Вопреки фактам И. В. Сталин был убежден, что гитлеровская Германия не осмелится нарушить пакт о ненападении и напасть на Советский Союз. Такая оценка вела к преуменьшению агрессивной сущности гитлеровской Германии. Международная обстановка быстро менялась и усложнялась. Ход событий ломал искусственную схему международных отношений, созданную И. В. Сталиным. А он продолжал упорно за нее цепляться. Он по-прежнему считал, что Англия только и ищет возможности спровоцировать советско-германский конфликт.

В действительности же между Англией и Германией уже было невозможно никакое политическое соглашение, невозможен компромиссный мир, так как заключение любого мира означало бы для Англии в условиях господства Германии на западном континенте Европы и поражений Англии на Балканах и на Среднем Востоке фактическую капитуляцию, распад Британской империи, на что Англия, конечно, согласиться не могла. В самой Англии, а также в Соединенных Штатах Америки все усиливалась борьба между двумя тенденциями: старой — мюнхенской и новой — курсом на сближение с СССР и создание совместно с ним антигерманской коалиции. Вторая тенденция находила влиятельных сторонников прежде всего в лице Уинстона Черчилля. В новых условиях острота англо-германских противоречий достигла такого напряжения, что вопрос мог быть решен только военным разгромом одного из соперников. Наконец, происходили и политические изменения в США, где сторонники военного вмешательства в пользу Англии получали все больший перевес. Во всех предложениях политического характера, которые делало английское правительство, И. В. Сталин усматривал лишь одну сторону — попытку спровоцировать вооруженный конфликт между Советским Союзом и Германией. Точно так же он в дальнейшем оценивал и сообщения, поступавшие по различным каналам, о готовящемся нападении Германии на Советский Союз.

Главный маршал артиллерии Н. Н. Воронов утверждает, что И. В. Сталин полагал, что «война между фашистской Германией и Советским Союзом может возникнуть только в результате провокаций со стороны фашистской военщины, и больше всего опасался этих провокаций». Это весьма интересное замечание. Если Воронов не случайно употребил выражение «фашистская военщина», то это нельзя понимать иначе, как подтверждение того, что И. В. Сталин продолжал надеяться на договор о ненападении, т. е. верил Гитлеру, но не доверял опьяненным военными победами немецким генералам. Это объясняет и последующие приказы частям Красной Армии не поддаваться на фашистские провокации.

И. В. Сталин с особым подозрением относился ко всем сообщениям, которые исходили из английских или американских источников, видя в них лишь подтверждение его анализа политики «невмешательства»: западные державы

хотят втянуть Советский Союз и Германию в войну между собой, а сами погреть руки. Версия, распространяемая гитлеровцами о провокационном характере слухов и сообщений о готовящемся нападении на СССР, как раз и отвечала его собственным суждениям. Но оказывается, что в начале апреля слухи о предстоящей германо-советской войне распространяли главным образом немецкие граждане. Об этом сообщает, в частности, в своем донесении германскому МИДу его представитель при верховном командовании сухопутных сил (ОКХ) 3 апреля 1941 г.: «ОКХ получил сообщения, согласно которым среди немецких граждан, проживающих в России, путешественники, следующие из Германии, распространяют слухи, что германо-советское столкновение неизбежно. Говорят также, что иностранные дипломаты в Москве также встревожены этими слухами». ОКХ просило в связи с этим министерство иностранных дел, чтобы немцам, путешествующим через территорию СССР, было дано строгое указание не только не распространять подобных слухов, но и опровергать их¹.

Однако слухи день от дня становились все тревожнее. Полностью игнорировать их, делать вид, будто все в порядке, было невозможно. Желая, очевидно, подчеркнуть свое недоверие к подобным слухам и подтвердить желание строго придерживаться заключенных с Германией соглашений, при отъезде японского министра иностранных дел Мацуока на перроне вокзала неожиданно появились Сталин и Молотов. В сообщении МИДу немецкий посол в Москве Шуленбург писал: «Отбытие Мацуока задержалось на час, а затем имела место необычная церемония. По-видимому, неожиданно как для японцев, так и для русских появились Сталин и Молотов и в подчеркнуто дружеской манере приветствовали Мацуока и японцев, которые присутствовали там, и пожелали им приятного путешествия. Затем Сталин громко спросил обо мне, и когда он нашел меня, подошел ко мне, обнял меня за плечи и сказал: „Мы должны остаться друзьями и вы должны теперь сделать для этого все!“ Несколько позднее Сталин повернулся к исполняющему обязанности немецкого военного атташе полковнику Кребсу и предварительно убедившись, что он немец, сказал ему: „Мы останемся друзьями с вами в любом случае“. Сталин, несомненно, приветствовал полковника Кребса и меня таким образом

намеренно и тем самым сознательно привлёк внимание многочисленной публики, присутствовавшей здесь»².

Вскоре Шуленбург был вызван в Берлин для консультации. По свидетельству советника германского посольства в Москве Густава Хильгера, Шуленбург привез в Берлин меморандум, составленный им совместно с военным атташе генералом Кестрингом. Меморандум был передан через служебные инстанции Гитлеру, но тот не спешил побеседовать с послом. Шуленбург в течение двух недель ожидал приема.

Его затянувшееся пребывание в Германии вновь породило многочисленные слухи. Об этом, в частности, сообщал, по словам немецкого посланника в Бухаресте, румынский посол в Москве Гафенку. Он будто бы писал, что «тяжелое впечатление в этой связи в советских кругах породили слухи о том, что идут приготовления к отправке детей и ценностей из немецкого посольства»³.

28 апреля Шуленбург был, наконец, приглашен к Гитлеру. Весь характер и тон беседы не оставляли у посла сомнений в том, что решение о нападении на СССР принято и теперь Гитлер занят поисками аргументов для объяснения или оправдания нападения. В записи, составленной Шуленбургом после беседы, этот мотив звучит особенно сильно. В частности, Гитлер настаивал, что советско-югославский договор от 5 апреля был заключен, чтобы запугать Германию. «Я отрицал это,— пишет Шуленбург,— и повторил, что русские только намеревались подчеркнуть свой интерес, но тем не менее проявили корректность, уведомив нас о своем намерении».

Гитлер утверждал, будто советское командование проводит стратегическую концентрацию. Шуленбург отрицал это: «Я не могу поверить, что Россия когда-либо нападет на Германию». Реакция Шуленбурга, очевидно, насторожила Гитлера, который, отпуская посла, сказал ему: «О, вот еще что, я не намереваюсь воевать против России»⁴. Но Шуленбург 30 апреля по возвращении в Москву отвел в сторону встречавшего его на аэродроме советника Гильгера и прошептал ему: «Жребий брошен. Война с Россией решена». Он сказал также, что Гитлер лгал ему⁵.

Гитлер не простил Шуленбургу его отрицательного отношения к войне против СССР. Принявший участие в заговоре против Гитлера, Шуленбург был казнен в 1944 г.

Спустя пять дней после возвращения германского пос-

ла в Москву, из Москвы в Берлин прибыл полковник Кребс, замещавший военного атташе генерала Кёстринга. Кребс сообщил Гальдеру: «Россия сделает все для того, чтобы избежать войны»⁶.

Между тем среди дипломатических кругов Москвы все упорнее ходили слухи о неизбежной германо-советской войне. Германский военно-морской атташе в Москве капитан Норберт Баумбах сообщал об этом командованию флота со ссылкой на путешественников, следующих через Германию. Он также сообщал, что, по словам советника итальянского посольства, английский посол в Москве (т. е. Стаффорд Криппс.— *А. Н.*) «предсказал 22 июня как дату начала войны». Другие дипломаты называли 20 мая. Баумбах сообщал, что он опровергает эти слухи⁷.

В мае месяце слухи о приближающейся войне не только не ослабли, но и продолжали усиливаться. Лондонская «Таймс», например, в номере от 1 мая сообщала, что во многих европейских столицах немецкие офицеры и пропагандисты во всеуслышание заявляли, что немецкая армия накануне нападения на Советский Союз. Литовские эмигранты поощрялись Берлином. Украинские националисты значительно расширили свою деятельность, особенно после того, как они получили в Польше права, одинаковые с фольксдейче. В Бухаресте говорили о присоединении Бессарабии к Румынии. В Турции немецкие пропагандисты нашептывали о будто бы готовящемся нападении СССР на Турцию⁸.

Шуленбург на третий день своего возвращения в Москву писал в министерство иностранных дел с плохо скрываемым раздражением: «Я и высшие чиновники моего посольства постоянно борются со слухами о неминуемом немецко-русском военном конфликте, так как ясно, что эти слухи создают препятствия для продолжающегося мирного развития германо-советских отношений. Пожалуйста, имейте в виду, что попытки опровергнуть эти слухи здесь, в Москве, остаются неэффективными поневоле, если эти слухи беспрестанно поступают сюда из Германии и если каждый прибывающий в Москву или проезжающий через Москву не только привозит эти слухи, но может даже подтвердить их ссылкой на факты»⁹.

В ответ из Берлина последовало указание: опровергать слухи ссылкой на то, что они являются не чем иным, как возобновлением попыток Англии отравить германо-совет-

ские отношения. От Шуленбурга требовали также провокационного распространения слухов о будто бы происходящей значительной концентрации советских войск на границе, в то время как Германия держит вблизи советских границ лишь те силы, которые абсолютно необходимы для прикрытия тыла в Балканской операции. Послу предлагалось также сеять слухи о якобы начавшейся переброске немецких войск с востока на запад¹⁰.

Действия И. В. Сталина в этот период носили крайне противоречивый характер: с одной стороны, указывали на его стремление по-прежнему держаться обветшалой догмы, а с другой — свидетельствовали о боязни войны и неуверенности. 5 мая на приеме выпускников военных академий в Кремле Сталин выступил с 40-минутной речью, в которой он требовал повышения боевого мастерства и готовности к отражению агрессии. Но с чьей же стороны могло в то время ожидать нападение? Ясно, что только со стороны Германии. На следующий день в газетах было опубликовано сообщение о назначении Сталина председателем Совета Народных Комиссаров. Молотов оставался наркомом иностранных дел. Это назначение подчеркивало, что Сталин официально принимает на себя всю полноту власти и всю ответственность за политику.

Вступление И. В. Сталина на пост председателя Совнаркома было расценено за рубежом как приглашающий жест Германии открыть переговоры, которые он готов вести лично.

Но Германия не реагировала...

Известный английский историк Дж. Эриксон пишет, что в день, когда И. В. Сталин занял пост председателя Совнаркома, советский военный атташе в Берлине сообщил, что 14 мая немцы нападут на СССР со стороны Финляндии и прибалтийских государств. 22 мая помощник военного атташе в Берлине сообщил, что немецкое нападение состоится 15 июня, а может быть, и в начале июля¹¹.

Отсутствие реакции со стороны Германии на новое назначение И. В. Сталина также должно было вызвать настороженность. Нельзя же было ограничиться предположением, что Гитлер занимается вымогательством и хочет «набить себе цену» перед тем, как предложить переговоры. Но, очевидно, именно это И. В. Сталин и предполагал. Его малообъяснимое поведение, очевидно, уходит своими глу-

бокими корнями в схематизм его понимания внешнего мира, о котором он по существу мог судить лишь на основании той информации, которую он получал, а главное, которую он желал получить. Ни разу до того времени он не покидал пределы Советского Союза. Впрочем и по своей собственной стране путешествовал он крайне мало. Из его высказываний, речей и выступлений видно, что он считал в предвоенные годы главным врагом Советского государства Англию. В 1941 г. это ощущение должно было быть у него еще острее, так как во главе английского правительства находился старый враг Советской власти, опытный и хитрый политик Уинстон Черчилль. Нет никаких сомнений, что неожиданный полет в Англию заместителя Гитлера по нацистской партии Рудольфа Гесса усилил подозрительность И. В. Сталина относительно интриг «коварного Альбиона».

Это случилось 10 мая 1941 г.

О миссии Гесса написано достаточно много. Нет необходимости подробно останавливаться на этом эпизоде. По нашему мнению, его значение преувеличивается. Такой заманчивый сюжет...

Ознакомление с имеющимися в распоряжении историков документами, материалами, мемуарами и исследованиями дает серьезное основание полагать, что Гесс предпринял полет в Англию на свой страх и риск, по собственной инициативе. Во время Нюрнбергского процесса Гесс признался американскому врачу-психиатру Келли, что один из его астрологов (Гесс был подвержен мистицизму и окружал себя звездочетами, впрочем как и многие другие «сверхчеловеки») предсказал ему, что звезды указывают на то, что он, Гесс, должен кое-что предпринять для заключения мира¹². Гесс находился под сильным влиянием профессора геополитики Карла Гаусгофера, много лет выступавшего за соглашение Германии с Англией против Советского Союза. Гесс, зная, что предстоит нападение на Советский Союз, решил попытаться лично объяснить англичанам, как им следует вести себя в связи с этим событием. Благополучно приземлившись в Шотландии, Гесс был затем интернирован английскими властями. Беседы, которые вели с ним английские министры, в том числе лорды Саймон и Бивербрук, бывший английский поверенный в делах в Берлине Киркпатрик, показали, что Германия накануне нападения на Советский Союз,

а прилет Гесса вызван не какими-нибудь «гуманными побуждениями», как пытались представить это адвокаты Гесса на Нюрнбергском процессе, а стремлением обезопасить Германию от войны на два фронта, добиться по крайней мере нейтрализации Англии на время предстоящей войны. Именно об этом, и Гесс это отлично знал, мечтал Гитлер. Гесс предложил поделить Европу на сферы влияния — советская территория до Урала должна отойти к Германии. В беседе с Бивербруком Гесс настаивал на необходимости заключения англо-германского союза против СССР¹³.

Для английского военного кабинета «предложения» Гесса имели главную ценность в том, что они подтверждали намерение гитлеровской Германии напасть на Советский Союз и что среди нацистских лидеров существует мучительная тревога, не окажется ли Германия вынужденной воевать на два фронта. Какова будет позиция Англии в момент, когда Германия начнет войну против большевиков? Для Англии немецкий «поход на восток» был, и этого никогда английские государственные деятели не скрывали, спасительной передышкой. По их мнению, чем дольше тянулась бы советско-германская война, тем было бы лучше для английских интересов. Вот почему в Лондоне было решено: во-первых, содержать Гесса как военнопленного, во-вторых, поставить в известность Советский Союз о продолжающихся перебросках немецких войск в Польшу, поближе к советской границе.

В западных странах полет Гесса был воспринят как выражение неуверенности гитлеровской верхушки и желание ее пойти на компромиссный мир. Особенно настаивали на этом американские изоляционисты. Так, согласно сообщению лондонской «Таймс», один из лидеров изоляционистов сенатор Уиллер убеждал президента Рузвельта предложить мирные переговоры. Полет Гесса, как утверждал Уиллер, доказывает, что моральное состояние Германии подорвано и самое время начать переговоры о мире¹⁴.

Гитлер, со своей стороны, был в бешенстве от эскапады Гесса и отдал приказ устранить его.

Полет Гесса оказал большое впечатление на И. В. Сталина, который, как показывают его позднейшие беседы на эту тему с Черчиллем и Бивербруком, был уверен в том, что Англия подстрекает Германию напасть на СССР и в Лондоне ведутся тайные переговоры, на базе предложений

Гесса. Если не учитывать этого обстоятельства, то будет очень трудно понять ту внутреннюю враждебность, с которой Сталин встречал в последний предвоенный месяц всякое новое сообщение о готовящемся нападении Германии на Советский Союз, считая такие сообщения английской провокацией. В апреле — июне 1941 г. И. В. Сталин продолжал делать все, чтобы уверить Германию в намерении продолжать строго придерживаться заключенных соглашений как в политической, так и в экономической областях. Все это происходило в то время, когда Германия подвела к советским границам свои войска и нарушала экономические соглашения, задерживая поставки в Советский Союз оборудования и, в частности, орудийных башен для крейсеров.

В западной исторической литературе существует версия, согласно которой германский посол в Москве Шуленбург и советник посольства Хильгер пытались предупредить Министерство иностранных дел СССР о решении Гитлера напасть на СССР. Попытка эта была предпринята в конце мая — начале июня 1941 г. В своих воспоминаниях Хильгер рассказывает, что он предложил Шуленбургу воспользоваться приездом в Москву советского посла в Берлине Деканозова и сообщить ему о намерениях Германии. Как известно, Деканозов был одним из наиболее приближенных к Берия лиц. (В 1953 г. Деканозов был осужден советским судом за соучастие в преступлениях Берия.) Шуленбург колеблется. Хильгер пишет: «Убедить его было весьма трудно. Он вполне справедливо указал, что германское правительство будет судить его и меня за измену, если обнаружится, что мы собирались предупредить русских. Я, однако, возразил, что слишком много было поставлено на карту и что никакие соображения о нашей собственной жизни не должны помешать нам решиться на этот отчаянный шаг».

Тайная встреча состоялась в резиденции Шуленбурга. Согласно утверждению Хильгера, несмотря на то, что Шуленбург и он с самого начала поставили в известность Деканозова о том, что действуют по собственной инициативе, последний упорно добивался, имеют ли они поручение своего правительства (?!). «В противном случае он не в состоянии передать наши заявления Советскому правительству. Очевидно, он не мог себе представить, что мы сознательно подвергаем себя величайшей опасности ради

последней надежды сохранить мир». Советы немецких дипломатов сводились к тому, чтобы СССР проявил инициативу и первый повел переговоры с Гитлером, тогда, будучи втянут в переговоры, Гитлер уже не сможет напасть на СССР. Хильгер признает, что такого рода предложение могло быть с основанием расценено как провокация¹⁵. И с этим можно согласиться. Однако пренебрегать этим новым неожиданным предостережением было нельзя. Как бы ни расценивать шаг Шуленбурга, необходимо было усилить военные меры предупреждения нападения.

В первых числах июня в Лондон из Москвы был вызван для консультации посол Криппс. 10 июня 1941 г. советский посол в Лондоне И. М. Майский был приглашен к постоянному заместителю министра иностранных дел Англии Кадогану. После обычного обмена приветствиями Кадоган сказал: «Господин посол, я пригласил вас, чтобы сделать чрезвычайно важное сообщение. Прошу вас взять лист бумаги и записать то, что я вам продиктую». Затем Кадоган зачитал сведения английской разведки о передислокации соединений немецко-фашистской армии по направлению советской границы. Возвратившись в посольство, Майский немедленно зашифровал сообщение Кадогана и отправил его в Москву. 13 июня советский посол в Лондоне был снова приглашен в Форин Оффис, на этот раз к министру иностранных дел А. Идену. Министр передал Майскому еще одно предупреждение. Иден сообщил Майскому, что, если Германия нападет на Советский Союз, а английское правительство считает с такой возможностью, оно готово оказать СССР помощь, во-первых, путем действий английской авиации против Германии, во-вторых, посылкой в Москву военной миссии, члены которой имеют большой опыт военных операций в нынешней войне, в-третьих, путем оказания практически возможной экономической помощи¹⁶.

Таким образом, попытки гитлеровской Германии добиться «перемирия» с Англией перед нападением на СССР потерпели неудачу. Англия сделала тот выбор, который отвечал ее национальным интересам.

В начале июня наиболее широко распространенная в международных политических кругах точка зрения заключалась в том, что Сталин, находясь под впечатлением военной мощи Германии, был готов идти почти на все, чтобы избежать войны летом 1941 г.¹⁷

Советник германского посольства в Москве Хильгер так суммирует свои впечатления того времени: «Все указывало на то, что он (Сталин.— А. Н.) полагал, что Гитлер собирается вести игру с целью вымогательства, в которой вслед за угрожающими передвижениями войск последуют неожиданные требования об экономических или даже территориальных уступках. Он, по-видимому, верил, что ему удастся договориться с Гитлером, когда будут выставлены эти требования»¹⁸.

Из воспоминаний Л. М. Сандалова мы узнаем, что аналогичная точка зрения была распространена и в среде высшего командования Красной Армии. В июне командующий 4-й армией А. А. Коробков заявил на узком совещании в штабе армии после возвращения из штаба округа: «Германия не осмелится нарушить договор о ненападении. Она стягивает войска к нашей границе главным образом потому, что опасается нас... А с другой стороны,— продолжал командующий после минутной паузы,— вполне можно допустить, что сосредоточение немецких войск на нашей границе должно усилить „аргументы“ Германии при решении с нами каких-то политических вопросов»¹⁹. Если эти впечатления верно отражали суть дела, то они являются лишь подтверждением отсутствия у Сталина реального представления о положении дел в мире и свидетельствует также о его опасениях в связи с неготовностью к отражению немецкого удара. Но какие бы выводы ни делал Сталин, ничто не может оправдать его отказ принять элементарные предупредительные меры на случай, если нападение Германии все же последовало бы. Практически это должно было выразиться в реализации плана прикрытия. О настоятельной необходимости принятия срочных предупредительных мер свидетельствовали сообщения с границы.

В последних числах мая и в начале июня в приграничных военных округах было отмечено достаточно признаков приближения войны. Об этом постоянно напоминали все учащавшиеся облеты немецкими самолетами советских границ. По данным армейской военной разведки, активность немцев в районах, примыкающих к советской границе, значительно усилилась.

Так, в донесении разведотдела штаба Западного особого военного округа командующему войсками округа генералу армии Д. Г. Павлову от 4 июня 1941 г. указыва-

лось, что военная подготовка Германии против СССР за последнее время, особенно с 25 мая 1941 г., проводится интенсивно. В донесении обращалось внимание на увеличение группировки немцев в районе Острленка, Красныш, Млава, Цеханов на две-три пехотные дивизии и на две бронетанковые дивизии СС, на увеличение артиллерийских частей, танковых подразделений и автомашин, средств противотанковой и противовоздушной защиты в направлении границы. Отмечались прибытие немецкой военной авиации в Варшаву и Кенигсберг и увеличение числа учебных полетов. Говорилось об увеличении войск в приграничной полосе и переселении жителей приграничных районов в глубинные. Армейская разведка сообщала о скрытой мобилизации немецких чиновников для занятия будущих должностей в западных районах СССР. В заключение в донесении подчеркивалось: «Сведения о форсированной подготовке театра и об усилении группировки войск в полосе против Западного военного округа заслуживают доверия».

Подобными же сведениями располагало и командование других приграничных округов. Например, было известно, что в полосе советской 4-й армии силы немцев, подведенные к границе, имели превосходство в наземных войсках в 3 раза, а в авиации — еще больше.

Штаб 4-й армии располагал сведениями о сосредоточении значительных немецких сил. Эта информация была получена от пограничного отряда и строительных подразделений, работавших на границе. «Время от времени» штаб получал информацию и сверху. Кроме того, в полосе армии были задержаны немецкие шпионы, диверсанты, подтверждавшие тревожные сведения о подготовке германской армии к нападению. В информации штаба округа от 5 июня 1941 г. указывалось, что на границе Белоруссии сосредоточилось около 40 немецких дивизий, в том числе на Брестском направлении 24 дивизии²⁰⁻²².

2 июня Главное управление пограничных войск сообщило вышестоящему руководству, что вблизи советской границы немцы сосредоточили в течение апреля — мая от 80 до 88 пехотных дивизий, от 13 до 15 моторизованных дивизий, 7 танковых дивизий, 65 артиллерийских полков и т. д. 6 июня ГУПВ информировало, что вблизи советских границ сосредоточено около 4 млн. немецких войск, на польской территории сосредоточено 8 немецких армий.

В мае-июне немцы производили усиленную рекогносцировку вдоль советской границы — фотографирование, топографическую съемку, измерение глубины пограничных рек.

Да и вся атмосфера в приграничных районах свидетельствовала о приближении войны. Вот как описывает обстановку в районе Бреста Л. М. Сандалов, мемуары которого характерны своей объективностью, точностью, великолепным знанием положения дел и искренностью: «Слухи о том, что скоро придут немцы, всюду циркулировали среди местного населения. У магазинов толпились очереди. Мука, сахар, керосин, мыло раскупались нарасхват. Владельцы частных портняжных, сапожных и часовых мастерских охотно принимали новые заказы, но выдавать заказчикам их пальто, костюмы, сапоги и часы не спешили. Особенно задерживались заказы военнослужащих.

В войсках это вызывало тревогу, а из округа шли самые противоречивые указания»²³.

Командование Ленинградского военного округа уже располагало данными о сосредоточении на Мурманском и Кандалакшском направлениях немецких войск, переброшенных из Норвегии и Германии. Немецкие суда, прибывшие в ленинградский порт, не разгружаясь, стали уходить обратно. Были и другие, более мелкие, но примечательные симптомы. Например, сотрудники германского консульства в Ленинграде отказывались от заказов, сданных ленинградским портным...²⁴

На Карельском перешейке пограничники отмечали появление на той стороне границы многих новых офицеров. На финской стороне было построено большое число вышек. Однако командование округа, очевидно, проходит мимо этих сообщений. Вот что, например, пишет начальник инженерных войск округа генерал Б. Бычевский: «К таким сведениям мы привыкли и не придавали особо большого значения, так как не верили, что Финляндия пойдет на повторение военной авантюры»²⁵.

Сообщение Бычевского подтверждается более высокими военными руководителями, как, например, генералом армии И. В. Тюленевым, командовавшим Московским военным округом. «Да, мы, особенно высшие военные круги, — пишет он, — знали, что война не за горами, стучится у наших ворот. И все же, надо честно признать, дезинфор-

мация вроде вышеприведенного опровержения ТАСС (см. ниже.— А. Н.), настойчивая пропаганда того, что „если завтра война, если завтра поход, мы сегодня к походу готовы“, привела к некоторой самоуспокоенности. Ориентация на то, что мощная концентрация немецких войск на наших границах — всего лишь провокация, на которую не следует болезненно реагировать, дескать, правительство Германии только „играет“ на наших нервах, в какой-то мере заворожила и нас, командующих военными округами, и Наркомат обороны, имевший возможность составить точный прогноз „военной погоды“ на 22 июня 1941 г.»²⁶

Свидетельство Тюленева весьма важно. Однако он, очевидно, ошибается, распространяя такое настроение на всех командующих округами. Из воспоминаний других участников событий и из материалов иного рода мы знаем, какое беспокойство испытывало, например, командование Киевского особого военного округа. Командующий генерал-полковник М. П. Кирпонос и член Военного совета М. Ф. Лукин в середине июня полагали, что война вот-вот начнется. «Командующий округом говорил,— рассказывает генерал-майор А. А. Лобачев,— что армии фашистской Германии подведены к Бугу. Граница в сфере обороны Киевского особого военного округа нарушается каждый день. Над нашей территорией летают немецкие самолеты. В старых укрепленных районах вооружение снято как устаревшее и новым не заменено. Руководители округа были обеспокоены тем обстоятельством, что практически они не имеют реальной возможности дать ясную ориентировку комсоставу частей и соединений»²⁷.

Такой же точки зрения придерживался и начальник оперативного отдела штаба округа полковник И. Х. Баграмян (позднее маршал Советского Союза). «По мнению Баграмяна, уже нельзя сомневаться в том, что Гитлер нарушит пакт о ненападении»,— подчеркивает А. А. Лобачев. М. П. Кирпонос обратился к Сталину с письмом. Он писал, что немцы сосредоточиваются на р. Буг и что скоро начнется немецкое наступление. Он предлагал эвакуировать из угрожаемых районов 300 тыс. человек населения, подготовить там позиции и воздвигнуть противотанковые сооружения. На это Кирпонос получил ответ, что такого рода приготовления были бы провокацией по от-

ношению к немцам и что не следует давать повод для нападения²⁸.

Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский пишет: «Просьбы некоторых командующих войсками округов разрешить им привести войска в боевую готовность и выдвинуть их ближе к границе И. В. Сталиным единолично отвергались (значит, такие просьбы были! — А. Н.). Войска продолжали учиться по-мирному: артиллерия стрелковых дивизий была в артиллерийских лагерях и на полигонах, зенитные средства — на зенитных полигонах, саперные части — в инженерных лагерях, а „голые“ стрелковые полки дивизий — отдельно в своих лагерях. При надвигавшейся угрозе войны эти грубейшие ошибки граничили с преступлением. Можно ли было этого избежать? Можно и должно»²⁹.

Все же находились командиры, которые были обеспокоены обстановкой. Они добивались разрешения у вышестоящих начальников хотя бы на частичное передвижение войск для занятия более удобных позиций в случае нападения. На этот счет мы располагаем, в частности, убедительными свидетельствами И. Х. Баграмяна и Р. Я. Малиновского. Он рассказывает, что, будучи в то время командиром корпуса, настоял на передислокации своего соединения. 7 июня 1941 г. он выступил из района Кировограда и Первомайска со штабом корпуса и одной стрелковой дивизией в Молдавию, в район Бельцы, куда прибыл 14 июня, за неделю до начала войны. Накануне войны была завершена переброска на Украину с Северного Кавказа армии под командованием И. С. Конева, а вслед затем из Забайкалья часть сил другой армии. С разрешения наркома обороны командование Киевского особого военного округа начало выдвигать к границе пять стрелковых корпусов. По мнению маршала И. Х. Баграмяна, эти факты свидетельствуют о том, что Москва предприняла серьезные меры «по укреплению западных рубежей нашей страны». Действительно дело было не только в инициативе отдельных командиров, хотя в тех условиях и это имело значение. С начала июня было начато общее передвижение войск из глубины страны в западные районы. Но эти меры носили крайне непоследовательный характер. И. Х. Баграмян сообщает, например, что когда 10 июня войска Киевского военного округа начали занимать предполье незаконченных приграничных укреплен-

ных районов, из Москвы «последовал грозный окрик: „Такое распоряжение немедленно отмените и донесите, кто конкретно дал это самочинное распоряжение“»³⁰.

Последняя неделя

14 июня. Внимание читателей, раскрывших утром 14 июня газеты, было привлечено к заявлению ТАСС. В заявлении категорически опровергались утверждения английской и другой иностранной печати, будто Германия предъявила Советскому Союзу претензии территориального и экономического характера и будто «идут переговоры между Германией и СССР о заключении нового, более тесного соглашения между ними». Иностранная пресса утверждала, что эти претензии были Советским Союзом отклонены, после чего Германия начала сосредоточивать свои войска у советских границ для нападения на СССР, а Советский Союз со своей стороны также «усиленно готовится к войне с Германией и сосредоточивает войска у границ последней».

Называя эти слухи «неуклюже состряпанной пропагандой враждебных СССР и Германии сил, заинтересованных в дальнейшем расширении и развязывании войны», ТАСС по уполномочению ответственных кругов в Москве заявляло, что Германия не предъявляла Советскому Союзу никаких претензий и никаких предложений о новом, «более тесном соглашении» не поступало, что «Германия так же неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы, а происходящая в последнее время переброска германских войск, освободившихся от операций на Балканах, в восточные и северо-восточные районы Германии связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям». В коммюнике подтверждалось, что Советский Союз по-прежнему соблюдает и намерен соблюдать условия советско-германского пакта о ненападении, ввиду чего слухи о подготовке СССР к войне с Германией «являются лживыми и провокационными». В заключение в коммюнике указывалось, что происходящие летние сборы континген-

тов запаса Красной Армии и предстоящие маневры, которые происходят ежегодно, «по меньшей мере нелепо» изображать как враждебные Германии³¹.

Это коммюнике ТАСС представляет собой весьма любопытный документ. Прежде всего из его текста со всей определенностью вытекает, что Советскому правительству было хорошо известно о переброске немецких войск поближе к советским границам. Стало быть, речь шла лишь об истолковании цели этой переброски, а сам факт не вызывал сомнений. Таким образом, Германии предоставлялась возможность подтвердить мнение, высказанное в коммюнике ТАСС, что сосредоточение связано, *«надо полагать»* (курсив мой.— А. Н.), с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям. Выбор мотивов — дело самой Германии. Такая формулировка свидетельствовала о готовности принять любое объяснение. Далее. Коммюнике не исключало возможности открытия новых переговоров между Советским Союзом и Германией. Там просто констатировалось, что переговоры о заключении «какого-либо нового, более тесного соглашения» не были предложены Германией, *«ввиду чего»* (курсив мой.— А. Н.) и переговоры на этот предмет не могли иметь места.

Заявление ТАСС предоставляло Германии возможность предложить новые переговоры: или присоединиться к опровержению ТАСС, или и то, и другое.

Но немецкая сторона предпочитала хранить молчание. «Нью-Йорк таймс» сообщила 14 июня: за несколько часов до опубликования коммюнике ТАСС в германском посольстве в Москве была открыта небольшая экспозиция о блицкриге на Балканах, включая фотографии бомбежек Белграда и оккупации Афин³².

Невольно вспоминаешь о том, что за несколько дней до немецкого вторжения в Норвегию посол Германии в Осло демонстрировал фильм о блицкриге в Польше...

В Германии коммюнике ТАСС опубликовано не было. Но в день, когда это сообщение появилось в советской печати, Гитлер созвал последнее большое военное совещание перед нападением на СССР. Гальдер записал в этот день в своем служебном дневнике: «Большое совещание у фюрера. Доклады командующих группами армий, армиями и танковыми группами о плане операции „Барбаросса“... Фюрер произнес большую политическую речь, в ко-

торой дал мотивировку своего решения относительно нападения на Россию и высказал обоснование о том, что с разгромом России Англия будет принуждена прекратить борьбу»³³. На совещании была еще раз подтверждена дата нападения: 22 июня по условному сигналу «Дортмунд» немецко-фашистские армии должны вторгнуться в пределы Советского Союза.

Все советские военачальники в один голос утверждают, что заявление ТАСС оказало на армию пагубное, деморализующее влияние. Например, Л. М. Сандалов пишет: «Тревожное настроение, достигшее особой остроты к середине месяца, как-то было приглушено известным заявлением ТАСС, опубликованным в газете „Правда“ 15 июня... Такого рода выступление авторитетного государственного учреждения притупило бдительность войск. У командного состава оно породило уверенность в том, что есть какие-то неизвестные обстоятельства, позволяющие нашему правительству оставаться спокойным и уверенным в безопасности советских границ. Командиры перестали ночевать в казармах. Бойцы стали раздеваться на ночь». И. Х. Баграмян пишет: «...организационная пассивность, на которую Сталин и руководство Наркомата обороны обрекали войска пограничных округов, усугублялась подчас неумной пропагандой, дезориентировавшей воинов, притуплявшей их бдительность. Этому способствовало и опубликованное 14 июня специальное сообщение ТАСС...»³⁴ Комментируя заявление ТАСС, «Манчестер гардиан» подчеркивала, что это сообщение не отрицает концентрации немецких войск на границах СССР. 14 июня английские и американские газеты сообщили, что немцы отправили морским путем в Финляндию новые войска. «Хотя эти сообщения не подтверждены, — писала «Манчестер гардиан», — они рассматриваются как, вероятно, правильные»³⁵.

15 и 16 июня. Из Анкары поползли слухи о предстоящем нападении Германии на Советский Союз. Эти слухи, очевидно, были связаны с турецко-германскими переговорами о заключении пакта нейтралитета. «Манчестер гардиан» сообщала 16 июня из Анкары: прибывшие туда люди из Венгрии и Румынии рассказывают, что немецкие пропагандисты в этих странах предсказывают неизбежное столкновение между Германией и Советским Союзом в течение ближайших двух недель. Корреспондент подчеркивал, что на этот счет заключаются даже пари 5 : 1³⁶.

17 июня. Над главной базой Северного флота в Полярном на небольшой высоте прошел немецкий самолет-разведчик. Были даже видны опознавательные знаки. Но зенитные батареи безмолвствовали. Не было сделано ни одного выстрела. Командующий Северным флотом адмирал А. Г. Головкин записывал в тот день в своем дневнике: «Побывав на батареях, я задавал командирам один и тот же вопрос: почему не стреляли, несмотря на инструкции открывать огонь? Получил один и тот же ответ: не открывали огня из-за боязни что-либо напутать. То есть — инструкции инструкциями, а сознание большинства нас продолжало механически подчиняться общей нацеленности последних лет: не поддаваться на провокацию, не давать повода к инцидентам, могущим вызвать мало-мальский конфликт и послужить формальным предлогом для развязывания войны.

А гитлеровцы уже развязывают ее, действуя пока что в воздухе, причем нагло, уверенные, что здесь, на Севере, мы не можем противопоставить им равноценные самолеты»³⁷.

На западной границе в полосе 86-го погранотряда была задержана группа вражеских агентов, имевших задание взорвать железнодорожное полотно на участках Столбцы, Барановичи, Осиповичи, Лида — Молодечно, Лунинец. Сталину доложено, что нападение фашистской Германии на Советский Союз произойдет 21—22 июня. Но Сталин по-прежнему глух к предупреждениям³⁸.

Финская газета «Хельсинкен саномат» поместила статью бывшего финского министра иностранных дел Эрко, в которой тот писал, что военная обстановка на Балтике созрела для неожиданностей, которые, вероятно, затронут Финляндию, но не уточнял, о чем идет речь. В Финляндии распространились слухи о передвижении войск вдоль советско-финской границы.

18 июня. На участке 15-го стрелкового корпуса появился немецкий перебежчик в чине фельдфебеля. Бежал, так как в пьяном виде ударил офицера и ему грозил расстрел. Фельдфебель сообщил начальнику погранотряда, а затем повторил командиру 15-го стрелкового корпуса И. И. Федюнинскому: в 4 часа утра 22 июня гитлеровские войска перейдут в наступление на всем протяжении советско-германской границы. Командующий 5-й армией генерал-майор М. И. Потапов, которому были доложены

показания перебежчика, заявил: «Напрасно бьете тревогу», однако после настояний согласился передвинуть поближе к границе два полка и вызвать с полигонов артиллерийские полки³⁹⁻⁴⁰.

В полосе 87-го погранотряда задержана группа диверсантов. Их задание заключалось в организации крушений поездов и создании пробки на ст. Луинец, чтобы облегчить действия немецкой авиации.

Из Анкары сообщают: Турция подписала с Германией пакт о дружбе. «Нью-Йорк таймс» поместила ряд сообщений в связи с германо-советскими отношениями. В сообщении из Анкары указывалось: «Полагают, что война рейха с Советами приближается». А затем сообщение из Москвы: «Сегодня нет никаких признаков всеобщей или частичной мобилизации в России, но это вовсе не означает, что Советский Союз не подготовлен встретить любую неожиданность, возникшую из международного положения»⁴¹.

19 июня. Нарком обороны С. К. Тимошенко отдает приказ командующему Киевским Особым округом М. П. Кирпоносу перевести управление округа в Тернополь. Командование округом предупреждено о возможности нападения Германии в ближайшие дни без объявления войны. Но в то же время приказа привести войска в полную боевую готовность не последовало⁴².

Военный совет 12-й армии 18 июня запросил начальника штаба Киевского особого военного округа об указании: «„Огонь зенитные средства могут открывать только на общих основаниях с пунктовой системой ПВО по особому распоряжению Военного совета округа“. Непонятно, разъясните». 19 июня последовало разъяснение: «Огонь можно открыть: 1) если будет дано особое распоряжение Военного совета округа, 2) при объявлении мобилизации, 3) при вводе в действие плана прикрытия, если при этом не будет особого запрещения, 4) Военному совету 12 А известно, что мы огня зенитной артиллерией по немецким самолетам в мирное время не ведем».

Корреспондент американской радиовещательной кампании «Колумбия бродкастинг систем» распространил сообщение о том, что Германия уже напала на СССР в 15 пунктах вдоль границы! Видно кому-то стало совсем уже невтерпеж...

Мировая пресса изобилует всевозможными слухами,

в том числе о будто бы предъявленном Германией Советскому Союзу ультиматуме, в числе требований — допуск немецких «технических экспертов» на Украину и Кавказ.

Корреспондент «Нью-Йорк таймс» из Лиссабона пишет, что прибывший из Берлина дипломат заявил: в Берлине царит всеобщее убеждение, что в течение нескольких ближайших дней начнется советско-германский конфликт и что в некоторых кругах даже предсказывают его начало в течение ближайших 48 часов.

Широко распространившиеся в мире слухи о предстоящем нападении Германии на СССР вынудили немецкие власти принять меры, чтобы воспрепятствовать утечке информации. Вечером 19 июня телефонная и телеграфная связь со Швейцарией, а также с Бухарестом и Софией была прервана. Сообщая об этом, журналисты с тревогой подчеркивали, что такого рода меры чрезвычайно редки.

В сообщении же из Москвы корреспонденты обращают внимание на спокойствие и уверенность, царящие в советской столице. «Население Москвы, — писала «Нью-Йорк таймс», — занято своим обычным повседневным делом, работает и покупает в хорошо обеспеченных товарами магазинах и присутствует на популярных в Советском Союзе футбольных матчах. Ничто в настроении русских не указывает на приближение советско-германского конфликта, в то время как официальная позиция подтверждает, что Советский Союз продолжает твердо и полностью свою независимую внешнюю политику»⁴³.

Общий тон международной печати таков: если немцы нападут на Советский Союз, то они натолкнутся на серьезный отпор.

«Летний отдых трудящихся» — так называлась передовая «Правды» от 19 июня⁴⁴⁻⁴⁵.

В полосе 87-го погранотряда задержаны шесть диверсантов. Им было поручено проникнуть в район Груды и Зажечаны (35 км восточнее Белостока), создать в лесу нелегальную базу и вести оттуда разведку в районе Белостока и Волковыска. При возникновении военных действий им было дано задание организовать захват или разрушение мостов.

20 июня. Шесть немецких самолетов с бомбовым грузом нарушили советскую границу на западе.

Тревожно в штабе Одесского военного округа. Офицеры, поднятые по тревоге, в полевой форме, с чемоданами

в руках, рассуждают: «Видимо, штабные учения. А может быть, война. Но с кем?!»

Командующий округом генерал-полковник Я. Т. Червиченко рассказывает прибывшему вновь назначенному командиру воздушно-десантной бригады генерал-майору А. И. Родимцеву: «Есть данные, что румынские и немецкие войска сосредоточиваются у наших границ»⁴⁶.

В Ленинградском военном округе получены сведения о сосредоточении финских войск у границы. Начальник штаба округа генерал-майор Д. Н. Никишев отдает приказ начальнику инженерных войск готовить некоторые районы к боевому прикрытию⁴⁷.

«Германия и Россия лицом к лицу» — такой шапкой открывались международные сообщения на 4-й полосе газеты «Таймс» 20 июня 1941 г. Далее подзаголовки: «Войска сосредоточены вдоль границы», «Дымовая завеса слухов», «Сообщают, что Кремлю предъявлены требования»⁴⁸. Корреспондент «Нью-Йорк таймс» Сульцбергер сообщал из Анкары: «Дипломатические источники из двух различных стран, граничащих с Советским Союзом, получили сообщения, что германское военное нападение на Россию может начаться в течение ближайших 48 часов... Немцы, поддерживаемые румынами и финнами, будто бы начнут мощное наступление на всем протяжении от Черного моря и до Арктики»⁴⁹.

20 июня в Хельсинках объявлен призыв резервистов до 44 лет. Слушатели военных училищ неожиданно произведены в офицеры. Гражданское железнодорожное сообщение резко сокращено, для того чтобы обеспечить военные перевозки. Обращаясь к населению, буржуазная финская печать пишет: «Каждый финн должен без колебаний повиноваться, как это было в 1939 г.»

В эти последние часы немецкое командование пытается ввести в заблуждение Советский Союз. Официальный немецкий представитель в Берлине, опровергнув сообщения о столкновениях на советско-германской границе, сказал: одно то, что эти слухи иностранного происхождения, указывает, что они не имеют под собой никакой почвы.

Агентство Рейтер сообщает из Москвы: «Здесь ничего не известно о каких-либо требованиях Германии к Советскому Союзу. Ответственные обозреватели имеют на самом деле основания верить, что ни Германия, ни Румыния не

обращались с какими-либо предложениями к России. В советской столице нет никаких признаков кризиса»⁵⁰.

Газета «Правда» в передовой, озаглавленной «Против болтунов и бездельников», призывает бороться за деловитость в работе, против болтовни и трескотни, прикрывающей бездеятельность⁵¹.

21 июня. Сульцбергер телеграфирует из Анкары: «Страны Центральной Европы, от Словакии до Швеции, принимают меры, чтобы германо-советская война не застала их врасплох. Три румынских корабля, курсирующие в Черном море, получили приказ оставаться по месту нахождения. Германские круги предсказывают, что в ближайшие три-четыре дня произойдет более важное событие, чем турецко-германский пакт.

В Бухаресте почти все иностранные миссии переводят свои вложения из румынской столицы. Прибывшие из Констанцы рассказывают, что шоссе забиты эвакуирующимися.

В Хельсинках призваны все резервисты до 44 лет. Началась эвакуация детей.

В Братиславе (Словакия) объявлена мобилизация 20 возрастов. Немецкие дивизии, находящиеся в Словакии, перебрасываются в восточном направлении. В Швеции начались интенсивные военные приготовления.

Анна Мак-Кормик пишет в «Нью-Йорк таймс»: «Очевидно, в Лондоне и в Вашингтоне верят, что кризис в германо-советских отношениях является реальностью. Вчерашнее послание президента было инспирировано несколько более важными (соображениями.— А. Н.), чем потопление „Робина Мура“ (речь идет о заявлении Ф. Рузвельта в связи с потоплением немцами американского рефрижератора „Робин Мур“.— А. Н.). По времени, когда заявление было сделано, и по своему тону оно призвано убедить Россию, что Соединенные Штаты полагают стоять против Германии до конца. Подобным же образом поднялись голоса и в Англии, убеждая эту страну присоединиться к поддержке Советского Союза, если он подвергнется нападению со стороны Германии, они также стремятся укрепить русское сопротивление требованиям Гитлера»⁵².

Гитлер решил, наконец, уведомить своего главного партнера Муссолини о намерении напасть на Советский Союз. По мнению Гитлера, Англия войну уже проиграла,

а ее воинственный дух поддерживается лишь надеждами на помощь Америки. «Мы не имеем шансов исключить Америку. Но в нашей власти исключить Россию. Устранение России означает в то же самое время чрезвычайное облегчение для Японии в Восточной Азии и поэтому открывает возможность более сильной угрозы американской активности путем вмешательства Японии»⁵³.

Сотрудник секретариата министра иностранных дел Риббентропа Брунс набрасывает по поручению министра памятную записку: министр не сможет принять русского посла пополудни, так как он уехал из Берлина и не возвратится до вечера. После возвращения он уведомит посла, когда можно будет видеть министра⁵⁴.

Но Риббентроп в этот день так и не принял советского посла. Вместо него это сделал статс-секретарь Вейцзекер. Посол вручает Вейцзекеру вербальную ноту протеста Советского правительства против нарушения немецкими самолетами советской границы. Вейцзекер, отлично осведомленный, что завтра война, нагло отрицает факты и в свою очередь обвиняет СССР в нарушении немецкой границы⁵⁵.

Примерно в это же время вручается нота протеста и послу Германии в Москве Шуленбургу. Нарком иностранных дел спрашивает его, чем Германия недовольна, в каком положении находятся сейчас германо-советские отношения?⁵⁶

Тревожно на советско-германской границе.

В полосе 87-го погранотряда задержана группа вражеских диверсантов в составе 10 человек. Группа имела задание при начале военных действий захватить и удержать мосты через р. Нарев у ст. Лапы на железной дороге Белосток — Чижов, а также два моста на шоссе на дороге Белосток — Бельск.

Ленинградский военный округ — большинство руководящего состава в полевой поездке. Начальник штаба подтверждает приказ инженерным частям готовить заграждения на границе.

Прибалтийский военный округ — мобилизация населения для отрывки траншей и окопов на границе с Восточной Пруссией. Саперные части округа заняты в это время строительством дотов. Готовых сооружений не имелось⁵⁷.

На участке Владимир-Волынского погранотряда на охрану границы вышли усиленные наряды. В 11 час. вечера на участке 4-й комендатуры задержан немецкий сол-

дат 222-го пехотного полка 74-й пехотной дивизии Альфред Лискоф, добровольно перешедший на нашу сторону. Лискоф, допрошенный в штабе отряда в 00 час. 30 мин., заявил, что 22 июня в 4 часа утра немецкая армия перейдет в наступление. Немецкая артиллерия заняла огневые позиции, а пехота — исходные. Об этом немедленно доложено начальнику погранвойск НКВД Украинского округа, а также поставлены в известность штаб ближайшей армии в Луцке и командир дивизии в Новограде-Волынском.

На участке Любомильского погранотряда перед темной на другом берегу Западного Буга появилась крестьянка. Она кричала: «Товарищи, приходите, а то немцы уже мосты приготовили, хотят на вас идти». Увидев немецкого офицера, громко кричала, делая вид, будто кричит на гусей в реке: «Выходите же, товарищи. Паны сбежали, вас боятся, а мы вас ждем и кушать вам приготовили». Этот случай долго обсуждался пограничниками на заставе. В этот вечер они готовились к вечеру самодеятельности...

Пограничники Рава-Русского погранотряда поздно вечером возвращались из клуба. Жены офицеров, съехавшиеся на делегатское собрание, смотрели кинофильм «Веселье ребята». Впервые за все лето 1941 г. на 22 июня был назначен выходной день.

21 июня. Минск. Дом офицера. Командующий войсками Западного особого военного округа генерал армии Д. Г. Павлов вместе со своим заместителем генералом И. В. Болдиным смотрит спектакль. В ложе появляется начальник разведотдела штаба округа. Наклонившись к уху командующего, он что-то шепчет ему. Далее Болдин рассказывает: «Этого не может быть, — слышалось в ответ.

Начальник разведотдела удалился.

— Чепуха какая, — вполголоса обратился ко мне Павлов. — Разведка сообщает, что на границе очень тревожно. Немецкие войска якобы приведены в полную боевую готовность и даже начали обстрел отдельных участков нашей границы...»⁵⁸

В Бресте командующий 4-й армией А. А. Коробков и начальник штаба Л. М. Сандалов поздно вечером отправляются в штаб. Около 23 часов звонит начальник штаба округа. Но никаких особых распоряжений не получено. Однако известно, что нужно быть начеку⁵⁹.

Вечером на главной базе Черноморского флота в Севастополе получено тревожное сообщение: три немецких транспорта, совершавшие регулярные рейсы между советскими портами и портами в Румынии и Болгарии, оказались в порту. Об этом было доложено командованию флота⁶⁰. Спустя несколько часов на флоте объявлена оперативная готовность № 1.

«Поднимаясь по лестнице штаба,— вспоминает ответственный сотрудник Главпура И. А. Азаров,— я невольно вспомнил недавний разговор с Н. М. Кулаковым (член Военного совета Черноморского флота.— А. Н.). Он сказал тогда, что на Дунайской военной флотилии задержан еще один перебежчик (о первом перебежчике, перешедшем через границу в начале июня, я знал еще в Москве). Оба перебежчика предупреждали о тщательной подготовке Германии к нападению на СССР»⁶¹.

Поздно вечером 21 июня из Наркомата военно-морского флота командующим флотами было сообщено о возможном нападении фашистской Германии на СССР. На флоты отправлены телеграммы привести силы в полную боевую готовность.

В Москве с первого взгляда все спокойно. Но напряжение нарастает. Вечером тревожных сведений о немецких приготовлениях становится все больше. Командующему Московским военным округом генералу армии И. В. Тюленеву звонит по телефону Сталин. Спрашивает, как обстоит дело с противовоздушной обороной Москвы. Приказывает довести боевую готовность войск противовоздушной обороны Москвы до 75%. У Тюленева складывается впечатление, что Сталин получил новые сведения о немецких военных планах. Тюленев отдает приказ своему помощнику по ПВО генерал-майору М. С. Громадину: привести зенитную артиллерию в полную боевую готовность.

Несколько позднее Тюленев приезжает к наркому обороны маршалу С. К. Тимошенко и узнает, что «тревожные симптомы надвигающейся войны подтверждаются». Сотрудники немецкого посольства всех рангов поспешно уезжают на машинах за город.

Мнение Генерального штаба: по донесениям штабов округов на западной границе как будто все спокойно. Командующие предупреждены о возможном нападении гитлеровской Германии. Обстановка доложена наркомом Тимошенко Сталину.

Мнение Сталина: «Зря поднимаем панику».

Возможно, действительно зря. Ведь в Генеральном штабе полагают, что у немцев нет общего превосходства в силах...⁶²

В полночь 22 июня экспресс Берлин — Москва проследовал, как обычно, через Брест.

В 3 часа ночи все коменданты участков доложили по телефону начальнику Владимир-Волынского погранотряда, что вдоль всего противоположного берега Западного Буга слышен сильный гул моторов, но непосредственно у границы спокойно.

На Ковельском направлении к концу ночи почти все погранзаставы Любомильского погранотряда доложили, что за Бугом сильный шум моторов, серия красных ракет. Все наряды стянуты к заставам. Приготовились к бою.

Между тем фашисты лишь ждут сигнала к нападению. Жерла тысяч артиллерийских орудий устремлены на восток. Тысячи танков вышли на исходные позиции. До условного сигнала остаются считанные минуты.

Группировка немецких войск, предназначенная для нападения на СССР, насчитывает 190 дивизий, из которых 153 немецких, 29 дивизий и 16 бригад союзников гитлеровской Германии. В числе группировки 17 танковых и 13 моторизованных дивизий.

Фашистская группировка колоссальна по своей численности. Вместе с частями усиления, тылами, военноморскими, военно-воздушными силами в ней 4 600 тыс. человек, полностью вооруженных современным оружием, в том числе на вооружении находится 50 тыс. орудий и минометов, около 5 тыс. самолетов (из них немецких около 4 тыс.), 3712 танков. Немецкие сухопутные войска с частями усиления составляют в группировке 3300 тыс. человек.

На Крайнем Севере сосредоточена армия «Норвегия» (командующий генерал Дитль), далее на юг — группа армий «Север» (командующий генерал-фельдмаршал Лееб), группа армий «Центр» (командующий генерал-фельдмаршал Бок), группа армий «Юг» (командующий генерал-фельдмаршал Рундштедт).

Группу армий «Север» поддерживает 1-й воздушный флот (1070 боевых самолетов), группу армий «Центр» — 2-й воздушный флот (1670 самолетов), группу армий «Юг» — 4-й воздушный флот (1300 самолетов)⁶³.

В составе немецкой группировки, кроме резерва верховного командования, насчитывавшего 24 дивизии, находились специальные войска, так называемой службы безопасности, на которые возложена особая «миссия» — выявления и уничтожения коммунистов и политических работников Красной Армии.

В ставке Гитлера не сомневаются в успехе.

Победоносный исход похода на восток мало у кого вызывает сомнение. Немецкие фашисты и их генералы готовы броситься в самую авантюристическую из всех авантур, которые когда-либо предпринимали немецкие милитаристы. Однако бросаются они в эту авантюру вовсе не очертя голову. Хотя на всех планах германского верховного командования того времени лежала печать недооценки возможностей Советского Союза и переоценки собственных возможностей, подготовка немецко-фашистских войск к нападению на СССР велась со всей тщательностью. Десятки новых дивизий и среди них моторизованные — гордость немецкого генерального штаба. Самое новейшее вооружение. Особо тщательная подготовка велась в танковых дивизиях, предназначенных для прорыва. В войсках проведена идеологическая подготовка. Хотя солдатам прямо и не говорили с целью сохранения военной тайны, когда и против кого начнется новое наступление, но им всячески вдальбивалось в голову — вермахт непобедим. Весь мир убедился в этом после победы германского оружия на западе и на Балканах. Германия превыше всего. Немцы превыше всех. Немецкий солдат должен быть жестоким и беспощадным с врагом. От него требуется лишь полное и беспрекословное повиновение: ведь всю ответственность за действия армии принял на себя фюрер! И это не были просто слова. Чудовищные насилия и злодеяния немецко-фашистской солдатчины в Польше и в других странах поощрялись командованием. Грабь, жги, насилуй — за все отвечает фюрер! После разгрома Польши многие немецкие офицеры получили в награду поместья с самым дешевым в мире рабским трудом. А еще восточнее, там, «в этой варварской России», необъятные просторы плодороднейших земель. И все это должно быть немецким, все должно принадлежать Германии — Польша, Россия, а потом весь мир. Так сказал фюрер. На пряжках солдатских поясов выбита надпись: «С нами бог!»

Немецкой группировке противостояли войска пяти

приграничных военных округов. Перед самой войной в этих округах насчитывалось 170 дивизий. Личный состав войск этих округов составлял около 54% численности всей Красной Армии.

Все войска приграничных округов были рассредоточены на обширной территории. Войска первого эшелона насчитывали 56 дивизий и 2 бригады и были рассредоточены на глубину до 50 км. Войска второго эшелона отстояли от границы на 50—100 км, а соединения резерва — на 150—400 км.

Первый эшелон немецко-фашистских армий почти вдвое превосходил по численности силы первого эшелона советских войск.

На направлениях главных ударов противнику удалось создать значительное превосходство сил. На Каунасско-Даугавпилсском направлении 34 немецким дивизиям противостояли 18 советских дивизий; на Брестско-Барановичском направлении противник имел 16 дивизий против 7 советских; на Луцко-Ровенском направлении у противника было 19 дивизий, а у советских войск — 9 дивизий⁶⁴.

День, когда началась война

В 00 час. 30 мин. в ночь на 22 июня наркомом обороны наконец-то издана директива о приведении в боевую готовность вооруженных сил (всего 180 мин. остается у войск после предупреждения). Но в некоторых округах о содержании директивы № 1 узнали уже после начала военных действий. Сама директива носила странный и противоречивый характер. В ней, как в двух каплях воды, нашли отражение сомнения и колебания Сталина, его неоправданные расчеты, что вдруг удастся избежать войны. Рассчитывать на это в ночь с 21 на 22 июня было все равно, что уповать на чудо. И чуда не произошло...

Ведь только что получено еще одно сообщение советской военной разведки из Берлина — нападение назначено на 22 июня. В директиве говорилось о возможном внезапном нападении немецких войск 22—23 июня на войска советских западных округов. Это нападение может начаться с провокаций. Директива требовала от командующих округами не поддаваться ни на какие провокации,

«могущие вызвать крупные осложнения». Как понять эту директиву? На это давалось разъяснение в другой ее части. Командующим приграничными округами предписывалось в течение ночи на 22 июня скрыто занять войсками «огневые точки укрепленных районов на государственной границе». Рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, тщательно ее замаскировать. Привести в боевую готовность части, рассредоточить их и замаскировать. Привести в боевую готовность противовоздушную оборону «без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов». Последний пункт директивы гласил: «Никаких других мероприятий без особых распоряжений не проводить»⁶⁵.

Маршал Малиновский вспоминает: «На уточняющий вопрос, можно ли открывать огонь, если противник вторгнется на нашу территорию, следовал ответ: на провокацию не поддаваться и огня не открывать!»⁶⁶

3 час. 15 мин. С немецкой стороны начинается артиллерийский огонь. В воздухе немецкие бомбардировщики. В течение 45 мин., с 3 час. 15 мин. до 4 час. утра, по всей многокилометровой советской границе фашистский агрессор ведет наступление.

Первые удары обрушиваются на советские пограничные заставы. Пограничники, неся огромные потери, до последнего сражаются с врагом, смело принимают бой в неравных условиях. Гитлеровцы стремятся поскорее переправиться на советскую сторону границы. Оказывается, что мосты не минированы! После ожесточенных схваток фашистские войска захватывают переправы. Гитлеровские танки стремятся осуществить прорыв в глубину обороны.

Вот уже 10 часов ведет бой с противником у с. Выдранка на берегу Западного Буга пограничная застава старшего лейтенанта Максимова. Фашисты ведут несколько часов артиллерийский огонь. Потом переходят в наступление. Но пограничники не сдаются. Последний из оставшихся в живых старшина Пархоменко, уже раненый, бросает гранату в проезжающую мимо немецкую штабную машину. Взрыв. Вокруг разбитой машины валяются трупы немецких солдат и офицеров, среди них полковник и подполковник.

Идет ожесточенный бой в пограничном городке Сокале. Советский воин Корнейчук, накинув на себя смочен-

ный бензином пылающий халат, бросается под вражеский танк. Устрашенные, поспешно отходят другие немецкие танки.

Разгораются бои. Мужественно сражаются советские воины. Но кое-где растерянность.

Немецкая группа армий «Центр» перехватила тревожный запрос советского военного передатчика: «Нас обстреливают. Что мы должны делать?» В ответ из штаба последовал ответ: «Вы, должно быть, нездоровы. И почему ваше сообщение не закодировано?»⁶⁷

Москва. Утром 22 июня командующий войсками ПВО Н. Н. Воронов был у наркома Тимошенко. Присутствует заместитель наркома Л. З. Мехлис. «Меня поразило,— писал впоследствии Воронов,— что в столь серьезной обстановке народный комиссар не дал никаких указаний, не поставил никакой задачи войскам ПВО. Мне тогда показалось, что ему не верилось, что война началась»⁶⁸.

Севастополь. Разговор командующего Черноморским флотом адмирала Ф. С. Октябрьского с Москвой: «Необычно резким голосом Октябрьский говорит:

— Да, да, нас бомбят...

Раздался сильный взрыв, в окнах задребезжали стекла.

— Вот только сейчас где-то недалеко от штаба сброшена бомба,— возбужденным голосом продолжал Октябрьский.

Мы переглянулись.

— В Москве не верят, что Севастополь бомбят,— приглушенно произнес Кулаков»⁶⁹.

Москва. После издания директивы № 1 нарком обороны начинает звонить по округам, выясняет обстановку. За короткое время Тимошенко четвертый раз звонит в штаб Западного особого военного округа. Заместитель командующего генерал Болдин докладывает новые данные. Выслушав его, нарком говорит: «Товарищ Болдин, учтите, никаких действий против немцев без нашего ведома не предпринимать. Ставлю в известность вас и прошу передать Павлову, что товарищ Сталин не разрешает открывать артиллерийский огонь по немцам». Болдин кричит в трубку: «Как же так? Ведь наши войска вынуждены отступать. Горят города, гибнут люди!» Болдин настаивает на немедленном вводе в дело механизированных, стрелковых частей и артиллерии, особенно зенитной. Ответ наркома гласит: «Никаких иных мер не предпринимать, кро-

ме разведки в глубь территории противника на 60 километров»⁷⁰.

Утром 22 июня в Москве как будто все обычно. В газетах обсуждаются насущные дела. В «Правде», например, напечатаны передовая «Народная забота о школе» и статья Ираклия Андронникова к столетию со дня гибели М. Ю. Лермонтова. И тут же знаменитое стихотворение поэта «Бородино»: «Недаром помнит вся Россия про день Бородина!»

А на последней странице небольшая заметка: под Ленинградом, в Лесном, на территории Физико-технического института Академии наук СССР, построен первый советский циклотрон, предназначенный для опытов по расщеплению атомного ядра⁷¹.

За океаном газеты печатают под огромными аншлагами — «Германия напала на Советский Союз». И только через несколько часов раздается суровый голос диктора: «Говорят все радиостанции Советского Союза...»

Уже прошло три часа после начала войны. В 7 час. 15 мин. 22 июня нарком обороны издал директиву: открыть активные наступательные действия против врага. Приказывалось всеми силами обрушиться на врага и уничтожить его «там, где он перешел советскую границу». Но в Москве по-прежнему оценивали вторжение немецких войск лишь как провокационные действия, а не как начало войны! Это видно из того, что эта же директива не разрешала до особого распоряжения переходить границу.

«Только вечером 22 июня, — пишет маршал Советского Союза М. В. Захаров, — когда на флангах Западного фронта из-за глубоких вклинений вражеских танковых групп создалось угрожающее положение, командующие фронтами получили приказ о нанесении глубоких контрударов с целью разгрома основных сил противника и перенесении действий на его территорию»⁷².

Директива приказывала лишь нанести удары авиацией на глубину 100—150 км, разбомбить Кенигсберг и Мемель. Но и эта директива была издана слишком поздно и не учитывала особенностей сложившейся обстановки. Инициатива была захвачена гитлеровцами, наступление которых еще только развивалось под прикрытием действий немецкой авиации. Немецкая авиация еще на рассвете 22 июня начала бомбить советские аэродромы. Бомбежке подверглось

66 аэродромов приграничных округов. К полудню 22 июня советская авиация потеряла 1200 самолетов, из них было уничтожено на земле 800. Особенно велики были потери авиации Западного особого военного округа⁷³.

К исходу первого дня войны противнику удалось на северо-западе прорваться к р. Дубиса (35 км северо-западнее Каунаса), а в 60 км южнее Каунаса форсировать р. Неман. На левом крыле Западного фронта советским войскам 4-й армии пришлось отступить и покинуть Брест. Но Брестская цитадель героически оборонялась в течение длительного времени. Подробности об этой мужественной борьбе с фашистскими захватчиками стали известными лишь спустя много лет после окончания войны. Оборона цитадели вошла в историю Великой Отечественной войны как легендарный подвиг, свидетельствующий о беспримерном патриотизме советских воинов. Гитлеровцы не сумели взять крепость с хода, блокировали ее и обошли; защитники цитадели героически держались много дней.

На Брестском направлении немецкие танки в первый день войны продвинулись на 50—60 км и заняли Кобрин. На Юго-Западном фронте противнику удалось продвинуться на 15—20 км. На Львовском направлении гитлеровцы продвинулись на 10—15 км. На остальных участках фронта завязались упорные бои.

Положение, сложившееся к исходу первого дня войны, исключало возможность вести наступательные действия против вторгшегося в пределы нашей Родины захватчика. Необходимо было немедленно организовать оборону. Однако управление войсками было нарушено. Руководство Наркомата обороны и Генерального штаба получало неполную информацию и не имело, очевидно, возможности составить правильное мнение о положении на фронте. В результате в 21 час 15 мин. 22 июня нарком обороны отдал военным советам Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронтов директиву на наступление. Но этот приказ был абсолютно нереален и невыполним⁷⁴.

* * *

Уже первые часы войны показали, что политические расчеты Гитлера на изоляцию Советского Союза в войне с Германией полностью провалились. Только турецкий министр иностранных дел Сараджоглу, узнав о нападении

на СССР, радостно воскликнул: «Это не война, а крестовый поход!»

Реакция правительств Англии и Соединенных Штатов Америки была совсем иной. К тому времени положение Англии значительно осложнилось. Всего год прошел с тех пор, как, покинув дюнкеркские дюны, бросив там все свое вооружение и снаряжение, английская армия вернулась в Англию. За этот год было сделано немало. Самое главное заключалось в том, что Англии удалось выстоять перед немецким воздушным наступлением. Но на флангах Британской империи Англия терпела одно поражение за другим. Крайне тяжелое положение складывалось на Ближнем Востоке. В апреле провалилась широко задуманная операция генерала Уэйвелла. Англия потерпела поражение в Греции, вынуждена была с большими потерями оставить Крит. Это означало полное изгнание Англии с европейского континента. Попытка Уэйвелла на Среднем и Ближнем Востоке вернуть инициативу окончилась неудачей. Кампания, которая должна была стать для англичан «поворотным пунктом», провалилась. «Наше поражение,— пишет английский историк Д. Батлер,— было жестоким разочарованием». Напряженная обстановка сложилась в Ираке в связи с прогерманским переворотом Рашида Али Гайлани. Угроза нападения Германии совместно с Испанией на Гибралтар казалась вполне реальной. На морских коммуникациях, особенно в Атлантике, обострялась борьба. Снабжение Англии сырьем и продовольствием вследствие этого было сильно затруднено. Экономическая блокада препятствовала развитию военного производства. Поставки из Соединенных Штатов Америки по ленд-лизу едва-едва начали поступать. Англия переживала один из самых опаснейших моментов в войне. Поэтому уже первые сообщения о предполагаемом нападении Германии на Советский Союз были встречены кабинетом Черчилля с облегчением. Было очевидно, что участие в войне Советского Союза существенно улучшит положение Англии, предоставит ей некоторую передышку. Впрочем в Лондоне эксперты полагали, что передышка будет короткой. Наиболее пессимистическая оценка продолжительности войны против СССР была шесть недель, наиболее оптимистическая — три месяца. И лишь немногие, буквально единицы, считали, что если Гитлер решится напасть на СССР, то это будет самым безумным из всех

решений, которые он когда-либо принимал, и окончится для Германии катастрофой.

Спустя несколько часов после получения сообщения о нападении Германии, британский премьер-министр Уинстон Черчилль выступил по радио. Он заявил, что никто не является более убежденным противником коммунизма на протяжении последних 25 лет, чем он, Черчилль. Но теперь все это следует отбросить, ибо Англия «имеет одну цель и одну простую неизменную задачу. Мы твердо решили уничтожить Гитлера и всякий след нацистского режима... Любой человек или государство, которые борются против нацизма, получают нашу помощь. Любой человек или государство, которые сражаются вместе с Гитлером, являются нашими врагами... Вторжение Гитлера в Россию является не более чем прелюдией к вторжению на Британские острова... Опасность, нависшая над русскими, это опасность поэтому для нас самих и опасность для Соединенных Штатов, точно так же как дело любого русского, сражающегося за свою землю и очаг, является делом свободных людей и свободных народов в каждом уголке земного шара...» Черчилль заявил, что Англия предоставит Советскому Союзу « всю ту помощь, которую она только окажется в состоянии дать »⁷⁵.

Британский премьер-министр, выступая с этим заявлением, был уверен, что и президент Соединенных Штатов Америки, несмотря на сильные антисоветские тенденции в американском правительстве, конгрессе и сенате, займет аналогичную позицию.

За несколько часов, прошедших с момента вероломного нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, вся жизнь в стране получила новое направление. Пришла война, война жестокая и беспощадная. И каждый понимал это. По призыву Коммунистической партии и по велению долга и сердца миллионы советских граждан встали в первый же день войны на защиту своей Родины. Проявляя чудеса героизма и самопожертвования, советские люди бились насмерть с коварным врагом.

Все мысли народа были проникнуты одним стремлением. Коротко оно сформулировано в заголовке передовой «Правды» от 23 июня 1941 г.— «Фашизм будет уничтожен».

ВЕЛИКИЙ ПОДВИГ НАРОДА

22 июня 1941 г. гитлеровская Германия вероломно напала на Советский Союз.

8 мая 1945 г. германские вооруженные силы безоговорочно капитулировали перед державами антифашистской коалиции — Советским Союзом, Великобританией и Соединенными Штатами Америки. Фашистский рейх перестал существовать. Народы мира торжественно отмечали победу.

Между этими двумя событиями прошло четыре года тяжелой войны, потребовавшей от советского народа напряжения всех своих сил и огромных жертв.

Фашистская Германия начала войну против СССР массированным ударом, который в силу своей тактической внезапности причинил огромный ущерб сухопутным войскам, авиации, подавил противовоздушную оборону, дезорганизовал движение на железных и шоссейных дорогах на большую глубину. Фашистские армии не встретили серьезного сопротивления на границе, хотя советские воины сражались героически, до последнего патрона, до последнего вздоха. Здесь, на границе, уже в первые часы боев родился тот героизм, который позволил Красной Армии выдержать тяжелые удары и прерватности войны и закончить свой освободительный поход в поверженном Берлине.

Быстрое продвижение фашистских войск, захват ими стратегической инициативы, господство в воздухе в огромной степени затруднили сосредоточение и развертывание советских войск.

Причины неудач советских войск в начальный период войны заключались также и в том, что фашистская Германия бросила против СССР огромную, полностью отмобилизованную армию, имевшую большой опыт ведения современной войны. Германия подготовилась к войне и в экономическом отношении. Она приспособила к нуждам своей военной машины экономику захваченных ею государств Европы. Советский Союз к тому времени не перевел в должной мере свою экономику на военные рельсы и не завершил в крупных масштабах технического перевооружения войск. Советские вооруженные силы не были приведены в состояние повышенной боевой готовности перед лицом очевидной угрозы.

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза в своем постановлении от 30 июня 1956 г. «О преодолении культа личности и его последствий» указал, что серьезная ошибка была допущена Сталиным «в организации подготовки страны к отпору фашистским захватчикам»¹.

В результате всех этих причин стали возможными первоначальные успехи и немецко-фашистских войск в войне против СССР. Совершенно очевидно, что война началась бы и протекала совершенно иначе, если бы гитлеровская армия была остановлена на территории приграничных округов.

Немецкие фашисты были убеждены, что под ударами вермахта Советский Союз развалится, как «карточный домик», и в течение двух-трех месяцев все будет окончено. Их мнение разделяли и считавшиеся компетентными военно-политические круги в Соединенных Штатах Америки, Англии и некоторых других государствах.

В этих расчетах и «прогнозах» проявилось глубокое политическое невежество, непонимание самой сути советской общественной системы. Германские милитаристы грубо просчитались не только в оценке боеспособности Красной Армии, но и в возможностях советской экономики и производительных сил Советской страны. Незнание психологии советского народа и непонимание истоков его патриотизма — одна из самых грубых ошибок нацистов.

Советский народ вел войну оборонительную, против агрессора, вторгшегося без объявления войны в пределы Советской отчизны. Русскому народу, всем советским людям чужды и ненавистны захватнические стремления, агрессивные замыслы. Советский народ вел войну справедливую, за независимость своего государства, за свою свободу, за жизнь. Это и было тем источником, из которого черпались все новые и новые силы.

Моральная чистота дела, которое отстаивали советские люди в годы Великой Отечественной войны, была важнейшим фактором неиссякаемого мужества, беспримерного героизма и беззаветной готовности к самопожертвованию.

Из уверенности в своей правоте рождались патриотизм, гордость народа за свою страну, преданность своему социалистическому государству.

Высокий моральный дух народа подкреплялся военно-экономической мощью государства. Это факт, что, несмотря на некоторые слабости и недостатки нашей экономики перед нападением Германии, в годы войны наша промышленность полностью справилась с тяжелейшими и ответственнейшими задачами непрерывного снабжения Красной Армии вооружением, снаряжением и военными материалами. И все это было сделано, хотя в первый период войны были потеряны важнейшие экономические районы, попавшие в руки врага. Создание новых арсеналов на Волге, Урале и в Сибири было величайшим достижением Коммунистической партии, рабочего класса нашей страны, всего советского народа. Труженики тыла в невероятно тяжелых условиях каждый день и каждый час боролись за победу. Когда окончилась война, была учреждена медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», как бы символизировавшая, что труд в тылу по своему значению приравнивался к подвигам на поле боя.

Справедливость войны против немецко-фашистских захватчиков рождала массовый героизм советских воинов. Мужество не покидало их ни в тяжелые дни 1941 и 1942 гг., ни во время жестоких боев на Волге, под Курском, под Берлином. История не знала такого массового героизма, какой проявили советские воины в годы Великой Отечественной войны. Миллионы из них отдали свою жизнь в борьбе со смертельным врагом Советской страны и всего свободолюбивого человечества.

История не знала также и такого примера массового партизанского движения в тылу врага, какое развернулось на оккупированной врагом советской территории. В этом движении участвовали сотни тысяч людей, оказавшихся на территории, занятой захватчиками.

Опираясь на поддержку населения, партизаны, тесно связанные с подпольными организациями и руководимые Коммунистической партией, вели беспощадную борьбу против оккупантов и их прихвостней — украинских и других националистов, изменников и предателей. Невиданный размах партизанской войны лишил захватчиков возможности создать прочный тыл в оккупированных советских районах и заставил их оттянуть с фронта немалые силы, что существенно облегчило задачи Красной Армии по разгрому фашистских полчищ и изгнанию их из пределов нашего государства.

Победа в Великой Отечественной войне была достигнута самоотверженными действиями Вооруженных сил Советского Союза и полководческим искусством их руководителей, героическим трудом рабочего класса, крестьянства, интеллигенции, борьбой партизан и действиями подпольщиков на оккупированной врагом советской территории.

Все усилия народа объединяла и направляла Коммунистическая партия Советского Союза. Коммунисты были самыми стойкими, самыми мужественными бойцами повсюду, где бы они в годы Отечественной войны ни находились. И в сражениях, и в труде они шли всегда впереди, не щадя своей жизни, увлекая за собой народ своим личным примером.

На полях сражений была сломлена мощь опаснейшего врага социализма и всего прогрессивного человечества — германского фашизма.

Советский народ избавил от угрозы порабощения фашистскими варварами не только свою страну, но и все другие государства и народы. Перед многими из них открылся путь к независимости и к социализму.

В победе, одержанной над гитлеровскими захватчиками, советский народ сыграл главную, решающую роль.

Великий подвиг нашего народа не померкнет в веках.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, т. II. М., 1956, стр. 498; XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, т. III. М., 1962, стр. 220.

1

- ¹ «The Testament of Adolf Hitler». London, 1961, p. 64.
² Hermann Rauschnig. Hitler's Aim in War and Peace. London, 1940, p. 27.
³ Hermann Rauschnig. Gespräche mit Hitler. Zürich, 1940, S. 37, 46.
⁴ «Vierteljahrhefte für Zeitgeschichte». Stuttgart, 1959, N° 4, S. 434 f.
⁵ «Дневник начальника генерального штаба сухопутных сил Германии генерал-полковника Ф. Гальдера» (далее — «Дневник Гальдера»), 18 октября 1939 г.
⁶ Там же, 2 июня 1940 г.
⁷ Там же, 22 июля 1940 г.
⁸ W. Ansel. Hitler confronts England. London, 1961, p. 152—153.
⁹ «Дневник Гальдера», 3 июля 1940 г.
¹⁰ Там же, 13 июля 1940 г.
¹¹ Там же, 18 июля 1940 г.
¹² Там же, 22 июля 1940 г.
¹³ Walter Warlimont. Im Hauptquartier der deutschen Wehrmacht. 1939—1945. Frankfurt am Mein, 1962, S. 126.
¹⁴ Там же, стр. 127.
¹⁵ «Дневник Гальдера», 26 июля 1940 г.
¹⁶ Там же, 31 июля 1940 г.
¹⁷ Д. М. Проэктор. Война в Европе 1939—1941. М., 1963, стр. 403.
¹⁸ Maurice Hindus. Hitler cannot conquer Russia. New York, 1942, p. 23.
¹⁹ «Дневник Гальдера», 3 сентября 1940 г.
²⁰ Там же, 5 мая 1941 г.
²¹ Д. М. Проэктор. Указ. соч., стр. 406—407.
²² IMT, vol. XXVII, № 1229-PS, p. 72.
²³ DGFP, vol. XI, № 532, p. 899—902.

- ²⁴ Ф. Н. Телегин. Военно-экономическая подготовка гитлеровской Германии к войне против СССР.— «Новая и новейшая история», 1964, № 3, стр. 37.
- ²⁵ DGFP, vol. XI, № 193, p. 192.
- ²⁶ Walter Bartel. Deutschland in der Zeit der faschistischen Diktatur. 1935—1945. Berlin, 1956, S. 200.
- ²⁷ «Германский империализм и вторая мировая война». М., 1964, стр. 193—194.
- ²⁸ Б. Мюллер-Гиллебранд. Сухопутная армия Германии 1939—1945, т. II. М. 1957, стр. 62—63.
- ²⁹ Ф. М. Телегин. Указ. соч., стр. 40.
- ³⁰ Там же, стр. 41.
- ³¹ И. М. Файнгар. Очерк развития германского монополистического капитала. М., 1958, стр. 285.
- ³² «Германский империализм и вторая мировая война», стр. 131.
- ³³ Там же, стр. 225; «Военно-исторический журнал», 1964, № 7, стр. 120.
- ³⁴ «Juni 1941». Berlin, 1961, S. 37.
- ³⁵ «Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками». Сборник материалов в семи томах, т. III. М., 1958, стр. 401.
- ³⁶ Там же, стр. 407.
- ³⁷ Там же, стр. 405.
- ³⁸ Там же, стр. 408.
- ³⁹ Там же, т. V, стр. 30.
- ⁴⁰ «Juni 1941», S. 38.
- ⁴¹ IMT, vol. XXVI, № 1058-PS, p. 610.
- ⁴² «Нюрнбергский процесс...» т. V, стр. 25.
- ⁴³ Там же, стр. 439.
- ⁴⁴ Там же, т. III, стр. 438.
- ⁴⁵ Там же, стр. 439.
- ⁴⁶ Walter Warlimont. Указ. соч., стр. 169—172.
- ⁴⁷ «Нюрнбергский процесс...» т. III, стр. 23.
- ⁴⁸ Там же, т. I, стр. 428—429.
- ⁴⁹ Там же, т. V, стр. 36—37.
- ⁵⁰ Там же, т. III, стр. 95.
- ⁵¹ Там же, т. V, стр. 115.
- ⁵² Пауль Лёверкюпф. Служба разведки и контрразведки.— «Итоги второй мировой войны». М., 1957, стр. 273.
- ⁵³ Walter Shellenberg. Memoirs. London, 1956, p. 318.
- ⁵⁴ P. Leveckühn. Der geheime Nachrichtendienst der deutschen Wehrmacht. Frankfurt am Mein, 1957, S. 129.
- ^{54a} «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945», т. 6. М., 1965, стр. 134.
- ⁵⁵ Л. Б. Валев. Болгарский народ в борьбе против фашизма. М., 1963, стр. 315.
- ⁵⁶ Walter Shellenberg. Указ. соч., стр. 158.
- ⁵⁷ Там же, стр. 205.
- ⁵⁸ Там же, стр. 205—206.
- ⁵⁹ Там же, стр. 206.
- ⁶⁰ Там же, стр. 215.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Там же, стр. 216.

- ⁶³ DGFP, vol. XII, № 126, p. 221—227. Запись беседы между рейхс-маршалом Герингом и генералом Антонеску (во дворце Бельведер, Вена, 5 марта 1941 г.). Берлин, 8 марта 1941 г.
- ⁶⁴ Там же, № 249, стр. 433. Оперативный отдел верховного командования начальнику германской военной миссии в Бухаресте. Берлин, апрель 1941 г.
- ⁶⁵ Там же, № 416, стр. 656—658. Посланник в Румынии — МИДУ. Бухарест, 28 апреля 1941 г.
- ⁶⁶ Там же, № 431, стр. 685.
- ⁶⁷ Там же, № 572, стр. 926—927. Меморандум директора политического департамента. Берлин, 30 мая 1941 г.
- ⁶⁸ Там же, № 614, стр. 996—1006. Меморандум Шмидта о беседе между Гитлером и Антонеску в Мюнхене 11 июня 1941 г. в присутствии Кейтеля, Йодля.
- ⁶⁹ Там же, № 644, стр. 1047—1049. Адольф Гитлер — генералу Иону Антонеску. 18 июня 1941 г.
- ⁷⁰ А. И. Пушкаш. Венгрия во второй мировой войне. М., 1963, стр. 113.
- ⁷¹ DGFP, vol. XII, № 215, p. 369. Меморандум Гевеля о беседе Гитлера и Стояи 27 марта 1941 г. Берлин, 28 марта 1941 г.
- ⁷² Там же, № 227, стр. 400—401. Хорти — Гитлеру. Будапешт, 28 марта 1941 г.
- ⁷³ А. И. Пушкаш. Указ. соч., стр. 140.
- ⁷⁴ DGFP, vol. XII, № 631, p. 1030. Риббентроп — миссии в Венгрии. Венеция — Берлин, 15 июня 1941 г.
- ⁷⁵ Там же, стр. 122—126. Письмо немецкого военного атташе в Финляндии Рессинга офицеру разведотдела генштаба сухопутных войск полковнику Г. Мацки. Хельсинки, 21 февраля 1941 г.
- ⁷⁶ Там же, № 250, стр. 433—435. Посланник в Финляндии фон Блюхер — МИДУ. Хельсинки, 2 апреля 1941 г.
- ⁷⁷ Там же, № 501, стр. 787. Меморандум Риттера. Берлин, 12 мая 1941 г.
- ⁷⁸ Там же, № 554, стр. 879—885. Меморандум ОКВ. Зальцбург, 25 мая 1941 г.
- ⁷⁹ Там же, № 592, стр. 963.
- ⁸⁰ Там же, стр. 569.
- ⁸¹ Там же, № 592, стр. 963. Начальник штаба германской армии в Норвегии — верховному командованию сухопутных войск. Хельсинки, 4 июня 1941 г.
- ⁸² Там же, стр. 624, стр. 1023. Посланник в Финляндии — МИДУ. Хельсинки, 13 июня 1941 г.
- ⁸³ Там же, № 636, стр. 1038—1039. Меморандум Риттера. Берлин, 16 июня 1941 г.
- ^{84—85} DGFP, vol. XII, № 675, p. 1083—1084. Посланник в Финляндии — МИДУ. Хельсинки, 23 июня 1941 г.
- ⁸⁶ Там же, № 514, стр. 815. Фон Папен — МИДУ. Анкара, 13 мая 1941 г. Подробнее о позиции Турции см.: А. М. Некрич. Внешняя политика Англии 1939—1941. М., 1963, стр. 174—185, 416—432.
- ⁸⁷ «Manchester Guardian», 20.VI 1941.
- ⁸⁸ «Times», 21.VI 1941.
- ⁸⁹ Walter W a r l i m o n t. Указ. соч., стр. 148—149.
- ⁹⁰ DGFP, vol. XII, № 617, p. 1012.

- ¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 159.
- ² Г. С. Кравченко. Военная экономика СССР. 1941—1945. М., 1963, стр. 20—21; «Народное хозяйство СССР в 1962 году». Статистический ежегодник. М., 1963, стр. 52.
- ³ Г. С. Кравченко. Указ. соч., стр. 21—22.
- ⁴ «Народное хозяйство СССР в 1962 году», стр. 71.
- ⁵ Там же, стр. 66—67.
- ⁶ Г. С. Кравченко. Указ. соч., стр. 36.
- ⁷ Там же, стр. 39.
- ⁸ «Народное хозяйство СССР в 1962 году», стр. 76.
- ⁹ «Сельское хозяйство СССР». Статистический сборник. М., 1960, стр. 196.
- ¹⁰ «Народное хозяйство СССР в 1962 году», стр. 202.
- ^{10a} Великая Отечественная война Советского Союза. 1941—1945 гг. Краткая история. М., 1965, стр. 588.
- ¹¹ «Правда», 7 ноября 1940 г.
- ¹² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. III, М., 1954, стр. 426.
- ¹³ Г. С. Кравченко. Указ. соч., стр. 63—64.
- ^{14—15} «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945», т. I. М., 1960, стр. 414.
- ¹⁶ «Военно-исторический журнал», 1962, № 2, стр. 80.
- ¹⁷ Там же, стр. 81.
- ^{18—19} Там же, стр. 84.
- ²⁰ «История Великой Отечественной войны...», т. I, стр. 416.
- ²¹ Н. Вознесенский. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948, стр. 78—79.
- ²² «История Великой Отечественной войны...», т. I, стр. 464.
- ²³ Там же, стр. 439.
- ^{24—26} А. И. Тодорский. Маршал Тухачевский. М., 1963, стр. 90.
- ²⁷ А. Никитин. Перестройка работы военной промышленности СССР в первом периоде Великой Отечественной войны.— «Военно-исторический журнал», 1963, № 2, стр. 11—12.
- ²⁸ Там же, стр. 12.
- ²⁹ И. И. Федюнинский. Поднятые по тревоге. М., 1961, стр. 6.
- ³⁰ Б. Бычевский. В начале войны под Ленинградом.— «Военно-исторический журнал», 1963, № 1, стр. 61.
- ³¹ К. Терехин, А. Таралов. О начальном периоде Великой Отечественной войны.— «Военно-исторический журнал», 1963, № 8, стр. 86.
- ³² Walter Shellenberg. Memoirs. London, 1956, p. 46—47.
- ³³ «Правда», 11, 12 и 13 июня 1937 г.
- ³⁴ «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945», т. 6. М., 1965, стр. 124.
- ³⁵ И. Баграмян. Тяжелое лето.— «Литературная газета», 17 апреля 1965 г.
- ³⁶ John Erickson. The Soviet High Command. A Military-Political History 1918—1941. London, 1962, p. 433.
- ³⁷ «История Великой Отечественной войны...», т. 6, стр. 125.
- ³⁸ «Внешняя политика СССР», т. IV, № 361, стр. 451—453; № 358, стр. 449; № 361 Г, стр. 453.

- ³⁹ Там же, № 403, стр. 491; № 484, стр. 537; см. также: «Правда», 18 февраля 1940 г.
- ⁴⁰⁻⁴² М. Андреева, Н. Дмитриева. Советский Союз и нейтралитет Швеции в годы второй мировой войны.— «Международная жизнь», 1959, № 9, стр. 92; А. С. Кан. Новейшая история Швеции. М., 1964, стр. 169.
- ⁴³⁻⁴⁵ «Parliamentary Debates. House of Commons», vol. 347, col. 1840.
- ⁴⁶ «Внешняя политика СССР», т. IV, № 426, стр. 506; № 427, стр. 506—507.
- ⁴⁷ Там же, № 402, стр. 490—491.
- ⁴⁸ Там же, № 409, стр. 498.
- ⁴⁹ «История войны на Тихом океане», т. III, М., 1958, стр. 35.
- ⁵⁰ W. S. Churchill. The Second World War, vol. II. London, 1950, p. 119—120.
- ⁵¹ «Parliamentary Debates. House of Commons», vol. 365, vol. 1300.
- ⁵² «Правда», 30 сентября 1940 г.
- ⁵³ Там же, 5 октября 1940 г.
- ⁵⁴ «Ciano Diaries». London, 1947, p. 300.
- ⁵⁵ «Внешняя политика СССР», т. IV, № 452, стр. 522.
- ⁵⁶ Л. В. Поздеева. Англо-американские отношения в годы второй мировой войны. М., 1964, стр. 263, 264.
- ⁵⁷ Там же, стр. 267.
- ⁵⁸⁻⁵⁹ Л. Б. Валев. Болгарский народ в борьбе против фашизма. М., 1963, стр. 175.
- ⁶⁰ Там же, стр. 179.
- ⁶¹ «Внешняя политика СССР», т. IV, № 487, стр. 538—539.
- ⁶² Там же, № 497, стр. 544—545.
- ⁶³ DGFP, vol. XII, № 121, p. 213—215. Шуленбург — МИДУ. Москва, 3 марта 1941 г.
- ⁶⁴ «Внешняя политика СССР», т. IV, № 501, стр. 547.
- ⁶⁵ DGFP, vol. XII, № 70, p. 127. Риттер — посольству в СССР. Берлин, 22 февраля 1941 г.
- ⁶⁶ «Внешняя политика СССР», т. IV, № 483, стр. 536—537.
- ⁶⁷ DGFP, vol. XII, № 176, p. 306. Меморандум посланника Заукена, возглавлявшего германскую делегацию на переговорах по демаркации советско-германской границы; № 181, p. 317. Меморандум директора политического департамента германского МИДа Вермака. Берлин, 18 марта 1941 г.
- ⁶⁸ «Правда», 6 апреля 1941 г.
- ⁶⁹ «Внешняя политика СССР», т. IV, № 505, стр. 549.
- ⁷⁰⁻⁷¹ Л. Н. Кутаков. История советско-японских дипломатических отношений. М., 1962, стр. 263.
- ⁷² Там же, стр. 265.
- ⁷³ Там же, стр. 273.
- ⁷⁴ DGFP, vol. X, № 672, p. 1131. Меморандум о беседе Гитлера с Муссолини в Бергхофе 19 января 1941 г.
- ⁷⁵ Там же, т. XII, № 8, стр. 10. Меморандум Шмидта о прощальном приеме японского посла Курусу Гитлером.
- ⁷⁶ Там же, № 125, стр. 219—220.
- ⁷⁷ Там же, № 222, стр. 388—389. Беседа Гитлера с Мацуока 27 марта 1941 г.
- ⁷⁸ Там же, № 218, стр. 379—380. Беседа Риббентропа с Мацуока 27 марта 1941 г.

- ⁷⁹ Там же, № 233, стр. 413. Беседа Риббентропа с Мацуока 29 марта 1941 г.
- ⁸⁰ Там же, стр. 266, стр. 455. Беседа Гитлера с Мацуока 4 апреля 1941 г.: № 278, стр. 473. Беседа Риббентропа с Мацуока 5 апреля 1941 г.
- ⁸¹ «История войны на Тихом океане», т. III. М., 1958, стр. 211—213.
- ⁸² «Внешняя политика СССР», т. IV, № 506, стр. 549—551.
- ⁸³ «История войны на Тихом океане», т. III, стр. 218.

3

- ¹ «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945», т. I, М., 1960, стр. 478.
- ² Там же, стр. 478—479.
- ³ Н. Н. Воронов. В трудные времена.— «Военно-исторический журнал», 1961, № 9, стр. 64.
- ⁴ «История Великой Отечественной войны...», т. I, стр. 479.
- ⁵ DGFP, vol. XII, № 381, p. 602—603. Поверенный в делах германского посольства в Москве Типпельскирх — МИДУ. Москва, 22 апреля 1941 г.
- ⁶ Запись беседы А. М. Некрича с генерал-майором И. А. Суслопаровым от 11 февраля 1965 г.
- ⁷ Там же.
- ⁸ «Правда», 4 сентября 1964 г.
- ⁹ Cordell Hull. Memoirs, vol. II, New York; 1948, p. 967—968.
- ¹⁰ Ladislav F a g a g o. Указ. соч., стр. 122.
- ¹¹ FR, 1941, vol. I, p. 714. Государственный секретарь Хэлл — послу в Москве Стейнгардту. Вашингтон, 4 марта 1941 г.
- ¹² Там же, стр. 723. Меморандум Уэллеса. Вашингтон, 20 марта 1941 г.
- ¹³ W. S. Churchill. The Second World War, vol. III. London, 1950, p. 151.
- ¹⁴ А. М. Некрич. Внешняя политика Англии 1939—1941 гг. М., 1963, стр. 488—489.
- ¹⁵ Ladislav F a g a g o. Указ. соч., стр. 124.
- ¹⁶ «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945», т. 6. М., 1965, стр. 135.
- ¹⁷ Запись беседы маршала Советского Союза Ф. И. Голикова с А. М. Некричем от 25 сентября 1964 г.
- ¹⁸ И. Баграмян. Тяжелое лето.— «Литературная газета», 17 апреля 1965 г.

4

- ¹ DGFP, vol. XII, № 260, p. 446. Меморандум представителя МИДа при главнокомандующем сухопутными силами. 3 апреля 1941 г.
- ² Там же, № 333, стр. 537. Шуленбург — МИДУ. 13 апреля 1941 г.
- ³ Там же, № 420, стр. 662—663. Киллингер — МИДУ. Бухарест, 28 апреля 1941 г.
- ⁴ Там же, № 423, стр. 666—669. Меморандум Шуленбурга о беседе с Гитлером 28 апреля 1941 г.

- ⁵ Gustav Hilger, Alfred G. Meyer. The Incompatible Allies, A Memoir-History of German-Soviet Relations 1918—1941. New York, 1953, p. 328.
- ⁶ «Дневник Гальдера», 5 мая 1941 г.
- ⁷ DGFP, vol. XII, № 399, p. 632. Германский военно-морской аташе в Москве — верховному командованию военно-морского флота. Москва, 24 апреля 1941 г.
- ⁸ «Times», 1.V 1941.
- ⁹ DGFP, vol. XII, № 433, стр. 687. Шуленбург — МИДУ. Москва, 2 мая 1941 г.
- ¹⁰ Там же, № 446, стр. 668—669. Начальник политического отдела ИМ МИДа Крамарж — посольству в Москве. Берлин, 4 мая 1941 г.
- ¹¹ John Erickson. The Soviet High Command. A Military-Political History 1918—1941. London, p. 579.
- ¹² А. М. Некрич. Указ. соч., стр. 479.
- ¹³ «Sunday Express», 23. VII 1961.
- ¹⁴ «Times», 16.V 1941.
- ¹⁵ Gustav Hilger, Alfred G. Meyer. Указ. соч., стр. 331—332.
- ¹⁶ FR, 1941, vol. I, p. 171. Поверенный в делах посольства США в Лондоне Джонсон — Хэллу. Лондон, 13 июня 1941 г.
- ¹⁷ «Manchester Guardian», 7.VI 1941.
- ¹⁸ Gustav Hilger, Alfred G. Meyer. Указ. соч., стр. 330.
- ¹⁹ Л. М. Сандалов. Пережитое. М., 1961, стр. 74—75.
- ^{20—22} Там же, стр. 71—73.
- ²³ Л. М. Сандалов. Указ. соч., стр. 74.
- ^{24—25} Б. Бычевский. В начале войны под Ленинградом.— «Военно-исторический журнал», 1963, № 1, стр. 60.
- ²⁶ И. В. Тюленев. Через три войны. М., 1960, стр. 140.
- ²⁷ А. А. Лобачев. Трудными дорогами. М., 1960, стр. 127.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Р. Малиновский. Двадцатилетие начала Великой Отечественной войны.— «Военно-исторический журнал», 1961, № 6, стр. 6—7.
- ³⁰ И. Баграмян. Трудное лето.— «Литературная газета», 14 апреля 1965 г.
- ³¹ «Известия», 14 июня 1941 г.
- ³² «New York Times», 14.VI 1941.
- ³³ «Дневник Гальдера», 14 июня 1941 г.
- ³⁴ Л. М. Сандалов. Указ. соч., стр. 78. И. Баграмян. Указ. соч.
- ³⁵ «Manchester Guardian», 14.VI 1941.
- ³⁶ Там же, 16.VI 1941 г.
- ³⁷ А. Г. Головкин. Вместе с флотом. М., 1960, стр. 17.
- ³⁸ И. Баграмян. Указ. соч.
- ^{39—40} И. И. Федюнинский. Поднятые по тревоге. М., 1960. стр. 11—12.
- ⁴¹ «New York Times», 19.VI 1941.
- ⁴² «История Великой Отечественной войны...», т. 6, стр. 135.
- ⁴³ «New York Times», 19.VI 1941.
- ^{44—45} «Правда», 19 июня 1941 г.
- ⁴⁶ А. Родимцев. 5-я воздушно-десантная бригада в обороне Киева.— «Военно-исторический журнал», 1961, № 8, стр. 64.

- 47 Б. Бычевский. Указ. соч., стр. 60.
- 48 «Times», 20.VI 1941.
- 49 «New York Times», 10.VI 1941.
- 50 «Times», 20.VI 1941.
- 51 «Правда», 20 июня 1941 г.
- 52 «New York Times», 21.VI 1941.
- 53 DGFP, vol. XII, № 660, p. 1066—1069. Гитлер — Муссолини, 21 июня 1941 г.
- 54 Там же, № 654, стр. 1059. Меморандум сотрудника секретариата министра иностранных дел. Берлин, 21 июня 1941 г.
- 55 Там же, № 658, стр. 1061—1062. Меморандум Вейцекера. Берлин, 21 июня 1941 г.
- 56 Там же, № 662, стр. 1071—1072. Шуленбург — МИДу. Москва, 22 июня 1941 г.
- 57 Б. Бычевский. Указ. соч., стр. 61.
- 58 И. В. Болдин. Страница жизни. М., 1961, стр. 81.
- 59 Л. М. Сандалов. Указ. соч., стр. 90.
- 60 Н. Рыбалко. Первый день войны на Черном море. — «Военно-исторический журнал», 1963, № 6, стр. 63.
- 61 И. И. Азаров. Начало войны в Севастополе. — «Военно-исторический журнал», 1962, № 6, стр. 80.
- 62 И. В. Тюленев. Указ. соч., стр. 140—141.
- 63 «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945», т. 1, М., 1961, стр. 384—385; т. 6, стр. 25.
- 64 Великая Отечественная война Советского Союза. 1941—1945 гг. Краткая история. М., 1965, стр. 53.
- 65 «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945», т. 2, стр. 11.
- 66 Р. Малиновский. Указ. соч., стр. 7.
- 67 «Роковые решения», М., 1958, стр. 83.
- 68 Н. Н. Воронов. Указ. соч., стр. 65.
- 69 И. Азаров. Указ. соч., стр. 82.
- 70 И. В. Болдин. Указ. соч., стр. 86.
- 71 «Правда», 22 июня 1941 г.
- 72 М. Захаров. Начальный период Великой Отечественной войны и его уроки. — «Военно-исторический журнал», 1961, № 7, стр. 9.
- 73 «История Великой Отечественной войны...», т. 2, стр. 16.
- 74 Там же, стр. 30.
- 75 W. Churchill. The Unrelenting Struggle. London, 1943, p. 179—180.

* * *

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. IV. М., 1960, стр. 322.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- DGFP — Documents on German Foreign Policy 1918—1945. From the Archives of the German Foreign Ministry Series D (1937—1945).
Документы по германской внешней политике 1918—1945. Из архивов Министерства иностранных дел Германии. Серия Д (1937—1945).
- FR — Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers (Внешние отношения Соединенных Штатов. Дипломатические документы).
- IMT — Trial of the Major War Criminals Before the International Military Tribunal, Nüremberg (Международный военный трибунал в Нюрнберге для суда над главными военными преступниками).
- OKW (OKB) — Das Oberkommando der Wehrmacht (Верховное командование вооруженных сил Германии).
- OKH (OKX) — Das Oberkommando des Heeres (Верховное командование сухопутных сил Германии).
- SD (CD) — Der Sicherheitsdienst (Служба безопасности).

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора

- 1. Подготовка к нападению**
«Мы начинаем там, где остановились шесть столетий тому назад» — 7. Мир с Англией? — 13. План «Барбароса» — 17. Военно-экономическая подготовка — 24. «12 заповедей» немецких фашистов — 31. Прежде всего — уничтожить военнопленных, а затем мирных жителей... — 37. Немецкая разведка против СССР — 39. Дипломатическая подготовка — 45.
- 2. Советский Союз перед нападением гитлеровской Германии**
Государство нового типа — 59. Великая индустриальная держава — 65. Оборонная промышленность — 72. Подготовка вооруженных сил к отпору агрессии — 77. Международное положение СССР — 89.
- 3. Предупреждения, которыми пренебрегли**
С границы сообщают... — 111. Дополнительные сведения — 115. США и Англия предупреждают — 120.
- 4. Накануне**
Последние месяцы — 126. Последняя неделя — 141. День, когда началась война — 154.
- Великий подвиг народа**
- Примечания**
- Условные сокращения**

Александр Моисеевич Некрич

1941.22 июня

*Утверждено к печати редколлегией
научно-популярной литературы
Академии наук СССР*

Редактор издательства Ю. А. Редько
Обложка художника Л. Г. Ларского
Художественный редактор А. П. Гусева

Сдано в набор 1/IV 1965 г.
Подписано к печати 27/VIII 1965 г. Формат 84×108^{1/2}
Печ. л. 5,5=9,43 усл. печ. л.
Уч.-изд. л. 9,1. Тираж 50.000 экз. Т-11112.
Изд. № 166/65
Сводный темплан общест.-полит. лит. на 1965 г., № 965
Цена 30 к.

Издательство «Наука».

Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

Набрано во 2-й типографии издательства «Наука».

Москва, Г- 99, Шубянский пер., 10 Зак. 2225

Отпечатано в Московской типографии № 8 Главполиграфпрома
Государственного комитета Совета Министров СССР по печати,
Хохловский пер., 7. Зак. 2017.

30 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»